
ОГОНЁК
№ 50 ДЕКАБРЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



Студенты Ереванского медицинского института на лекции доцента Г. Б. Мушегяна.

Фото Дм. Бальтерманца

На первой странице обложки: АВАНС НА ТРУДОДНИ. Колхоз имени Гастелло, Минского района, БССР, собрал в этом году богатый урожай. На снимке: колхозница А. А. Анейчик (справа) получает авансом зерно на трудодни.

Фото М. Савина.

ОГОНЁК № 50 (1227) 10 ДЕКАБРЯ 1950

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ



Кандидат в депутаты Московского областного Совета депутатов трудящихся знатная ткачиха комбината Трехгорная мануфактура имени Дзержинского Зинаида Петровна Меньшикова (в центре) после встречи со своими избирателями.

Фото А. Гостева

ТОРЖЕСТВО СОЦИАЛИЗМА

В. ИЛЬЕНКОВ

Глубоки и мучительны были раны нашего героического народа, когда он, уничтожив в жестоком единоборстве полчища фашистских захватчиков, без отдыха, не переводя дыхания, начал восстанавливать разрушенные заводы, сожженные города и села, изрезанные окопами поля, вырванные с корнем сады и леса.

Наши враги, со злорадной усмешкой глядя на наши титанические усилия, питали надежду, что мы не сможем сами залечить раны, что мы пойдем на поклон к ним, за помощью, и тогда они поставят нас на колени. Враги жестоко просчитались.

Великая страна социализма завершает послевоенный пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства новым мощным подъемом промышленности, сельского хозяйства, культуры и материального благосостояния трудящихся. Сегодня мы строим гидростанции и каналы таких грандиозных масштабов, какие не по плечу ни одному капиталистическому государству.

Советский народ сумел своими силами не только поднять свое хозяйство на небывалую высоту, но и помог странам народной демократии стать сильными и независимыми. Советский Союз возглавляет могучий лагерь мира и социализма, который крепнет с каждым днем.

Под знамена мира и социализма стекаются все новые и новые армии тружеников. Сегодня их уже 800 миллионов! Никогда мир не видел такой могучей силы. Никогда ненависть к империализму не была столь массовой, столь яростной и непримиримой, как в наши дни. Подобно тому, как огонь стремительно и жадно охватывает сухой хворост, так пламя ненависти к угнетателям охватывает народы, измученные капиталистическим рабством, и бушующее, разгорающееся пламя это нельзя погасить.

На опыте строительства советского государства, показывающего пример братского сотрудничества наций, народы других стран убеждаются в превосходстве социализма над капитализмом, в правоте и жизненной силе марксизма-ленинизма.

Философия Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина восторжествовала, потому что она стала достоянием миллионов людей, понявших, что капитализм — зло, ибо он несет труженикам одни лишь страдания, кровь, разрушения, смерть. Миллионы тружеников поняли, что социализм — добро: только он открывает им путь к подлинно человеческой, счастливой жизни, — и путь этот уже испытан, проверен и проторен для всех мужественным советским народом.

Бессильные противостоять железным законам общественного развития, трумэны и ачесоны угрожают миру атомной бомбой. Невежественные, ослепленные безумным замыслом мирового господства, они не понимают, что никакая бомба не может повернуть вспять неотвратимый ход истории, вынесшей уже смертный приговор капитализму. Они слишком скоро забыли, чем кончил Гитлер, мечтавший о мировом господстве и уничтожении коммунизма.

Самый простой советский человек, разум которого озарен могучим светом философии марксизма-ленинизма, видит историческую даль ясней, чем все дипломированные «ученые», министры и президенты, проповедующие атомную «философию» грубой силы.

«Мы, советские люди, не хотим повторения ужасов новой войны,— сказал фрезеровщик Московского электрозавода В. Ф. Изосимов, выдвигая кандидатуру товарища Сталина в Московский областной Совет депутатов трудящихся. — Мы хотим жить в мире и дружбе со всеми народами земного шара. Вот почему все взрослое население нашей страны с величайшим единодушием поставило свои подписи под Стокгольмским Воззванием. Каждый советский человек, трудясь на благо любимой Родины, твердо уверен в том, что под мудрым руководством большевистской партии, Советского правительства, под гениальным водительством товарища Сталина мир победит войну!»

Каким спокойствием, какой непоколебимой уверенностью в силе своего государства веет от этих слов простого труженика.

А по залитым кровью полям многострадальной Кореи рыщут потерявшие человеческий облик американские солдаты, насилуют женщин, убивают стариков и детей, превращают в пустыню страну, кормившую 30 миллионов корейских тружеников.

Два мира — мир капитализма, насилия, разрушения, крови и смерти и мир разума, свободного труда и любви к людям, великий и радостный мир человеческого счастья, созданный Сталиным.

Сталин! Это имя на устах и в сердце каждого советского человека. Сталин отстоял свободу и независимость нашей Родины от всех врагов, сколько ни появлялось их на протяжении всей истории советского государства.

«Все годы Великой Отечественной войны я пробыл на фронте, — сказал на предвыборном митинге электрозаводцев токарь В. И. Усачев, с чувством глубокой благодарности к товарищу Сталину вспоминая его величайшие заслуги во время войны. — И там, в великой битве за свободу и независимость нашей социалистической Родины, мы, бойцы Советской Армии, с именем великого Сталина шли в бой и побеждали. Мы воевали не в погоне за новыми территориями, а за мир, знаменосцем которого является наш родной Сталин».

Сталин! В далеком селе Онорьевке, затерявшемся в бескрайних степях Украины, колхозники назвали первым кандидатом в депутаты Одесского областного Совета депутатов трудящихся товарища Сталина, потому что ему обязаны они своей счастливой жизнью.

Нет такого селения в нашей стране, такого дома, где в эти дни перед выборами люди не переживали бы чувства взволнованной радости, произнося дорогое всем имя: Сталин! О нем думает мать, благодарная за сталинскую заботу о детях. О нем думает художник, вчера еще никому не известный, а ныне удостоенный Сталинской премии. О нем думает оленевод-ненец, слушая по радио, под вой свирепой пурги концерт в своем теплом и светлом доме. О нем думает труженик-туркмен, рассказывая детям о живой воде, которая скоро потечет в песках Кара-Кумов на радость людям...

Сталин — первый всенародный кандидат.

Советский народ голосует за Сталина, потому что он — жизнь. Его рукой начертаны великие планы преобразования природы. Его рукой написана Конституция Союза Советских Социалистических Республик — первого в мире государства без капиталистов, банкиров, помещиков, кулаков, государства, основанного на дружбе народов и свободном творчестве миллионов действительно равноправных граждан.

В рядах коммунистической партии Сталин собрал под знаменем Ленина все лучшее, что есть в нашем народе, выучил и закалил в самоотверженной борьбе за коммунизм. Вот почему советские люди будут голосовать за товарища Сталина и за верных его соратников, выдающихся деятелей партии и советского государства — товарищей В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Л. П. Берия, К. Е. Ворошилова, А. И. Микояна, Н. А. Булганина, Л. М. Кагановича, А. А. Андреева, Н. С. Хрущева, А. Н. Косыгина, Н. М. Шверника, М. А. Суслова, П. К. Пономаренко, М. Ф. Шкирятова.

Советский народ этим самым выражает свое полное одобрение политике партии и советского правительства, безраздельно, единодушно поддерживает эту политику, направленную к достижению мира во всем мире и торжеству коммунизма. В неразрывном морально-политическом единстве сплотился наш народ вокруг своей партии и правительства, возглавляемых великим Сталиным. И нет в мире силы, которая могла бы поколебать это стальное сталинское единство!

Нынче, как и всегда, выборы в Советы депутатов трудящихся превратились в праздник. И среди всех достижений, принесших нам радость, самое главное — люди, которым народ доверяет управление страной. Сотни тысяч простых советских людей станут государственными деятелями. Кандидаты сталинского блока коммунистов и беспартийных — это лучшие представители своего народа, люди, идущие впереди, увлекающие своими трудовыми подвигами остальных.

Рабочие и служащие Калининского вагоностроительного завода выдвинули кандидатом в депутаты Калининского областного Совета депутатов трудящихся стахановца своего завода рабочего-лекальщика Григория Афанасьевича Краснова. За четыре года и десять месяцев он выполнил 15 годовых норм, в буквальном смысле слова работая за троих. Что же заставляет его так трудиться? Не погоня за заработком, которая движет человеком в капиталистическом обществе, а горячее желание сделать свою социалистическую Родину могущественной и обильной, способной выдержать любые испытания.

Члены сельскохозяйственной артели имени Жданова в Латвийской ССР захотели видеть среди депутатов своего райсовета лучшую свинарку колхоза Марию Ильиничну Навоенок. Скромен труд колхозницы, но этот труд — вклад в дело строительства коммунизма.

Рядом с тружениками заводов и колхозных полей в числе кандидатов названы имена передовых советских интеллигентов: учительница Ольга Георгиевна Шамраева; крупный ученый, лауреат Сталинской премии профессор В. Н. Козлов; писатель лауреат Сталинской премии Аркадий Первенцев и многие другие — артисты, композиторы, врачи, архитекторы, инженеры, писатели.

Кандидатом в депутаты Московского областного Совета выдвинут талантливый инженер-новатор Федор Лукич Ковалев, имя которого известно повсюду: его метод распространения передового стахановского опыта применяется во всех отраслях промышленности.

Все больше стираются грани между физическим и умственным трудом в нашей стране, и в этом величайшее достижение нашего социалистического общества. Мы с полным правом относим к числу народной интеллигенции таких тружеников, как стахановка Ленинградской фабрики «Красное знамя» мастер передовых методов труда Глафира Ильинична Волокитина, завоевавшая первенство во Всесоюзном соревновании предприятий легкой промышленности. Герой Социалистического Труда Макар Анисимович Посмитный больше четверти века руководит колхозом, который за всю историю своего существования не знал ни одного поражения в борьбе с природой. Этого мог достигнуть только человек, обладающий высокой культурой и светлым, творческим разумом.

Бесконечен список имен простых тружеников нашей страны, поднявшихся на высоту подлинно человеческой жизни. Как цветы под солнцем, раскрылись при социализме их силы и таланты, их душевная красота. Таких людей не было еще на земле — их создал социалистический строй.

Трудящиеся всего мира знают, что существует и процветает страна, где людям созданы все условия для расцвета их сил и способностей, где они впервые за всю историю человечества стали свободными творцами своей жизни. С великой надеждой, как на своего близкого друга, смотрят народы на СССР, видя в нем наглядное опровержение капитализма и решающую силу в борьбе за переустройство мира.



Кандидат в депутаты Московского областного Совета, ткачиха Купавинской тонкосуконной фабрики, лауреат Сталинской премии Л. Ф. Кононенко делится своим опытом с работницами текстильной фабрики в Бухаресте.



КАНДИДАТЫ НАРОДА

Через несколько дней трудящиеся нашей Родины пойдут к избирательным урнам, чтобы отдать голоса за своих кандидатов в депутаты местных Советов. Сообща коммунисты и беспартийные выдвигали кандидатов, сообща они будут голосовать за них. В этом — яркое выражение единства партии и народа, нерушимости сталинского блока коммунистов и беспартийных, это яркая демонстрация сплоченности всего народа вокруг славной партии Ленина — Сталина, вокруг великого вождя и учителя товарища Сталина.

Трудящиеся выдвинули своими кандидатами в депутаты лучших сынов и дочерей советского народа, беззаветно преданных великой партии Ленина — Сталина, неутомимых борцов за победу коммунизма, за мир во всем мире.

Кандидатом в депутаты Сталинского областного Совета (Украинская ССР) выдвинут токарь-скоростник Н. М. Мицкевич. В честь выборов он выполняет по три нормы за смену. Свой опыт скоростного резания металла Н. М. Мицкевич (слева) передает молодым токарям А. П. Дубине и В. В. Чекурину (фото вверху справа).



Большим уважением на Горьковском автозаводе имени Молотова пользуется знатный кузнец, лауреат Сталинской премии А. П. Загорный (фото справа, посредине). Кузнецы завода выдвинули его своим кандидатом в депутаты Горьковского областного Совета.

Кандидатом в депутаты Одесского областного Совета выдвинут председатель колхоза имени Буденного на Одесщине, Герой Социалистического Труда Макар Анисимович Посмитный. На снимке внизу: М. А. Посмитный проводит заседание правления колхоза.





Студенты и преподаватели Вильнюсского педагогического института (Литовская ССР) кандидатом в областной Совет депутатов трудящихся выдвинули одного из молодых педагогов, ассистентку кафедры биологии С. Чижаускайте. На снимке: С. Чижаускайте (в центре) со студентками В. Медишаускайте (справа) и Я. Радикайте в лаборатории института.

Бессменный депутат

...Сессия Вологодского городского Совета обсуждала вопрос об увеличении выпуска товаров местного производства. Судя по прениям, у депутатов накопилось много справедливых претензий к руководителям местной промышленности и промысловой кооперации. Споры не стихали даже в перерывах.

В один из таких перерывов к председателю артели, только что выступившему в прениях, подошел высокий пожилой человек с совершенно седой «профессорской» бородой и заговорил:

— Не ожидал! Никак не ожидал. Такую, извините, чепуху сказали. Как это так — у нас в области гончарной глины нет? Вы бы, прежде чем это заявлять, хотя бы со мной посоветовались. Гончарные глины, батенька, есть...

И началось перечисление мест, где «лежат и дожидаются» глины.

Мы спросили, кто этот человек.

— Директор Института эпидемиологии и микробиологии, кандидат медицинских наук, заслуженный врач РСФСР Василий Вячеславович Лебедев,— ответили нам.

— Врач?

— Да, врач. Чему вы удивляетесь?

— Уж очень он хорошо про глину объяснял.

— Это очень просто. Лучшего знатока области вряд ли найти. Он ее всю пешком исходил, каждый бугорок осмотрел, все речки измерил...

— Когда же он все успевает? Директор института, врач, краевед...

— Прибавьте еще — двадцать пять лет бессменный депутат городского Совета, изобретатель.

— Что он изобрел?

— Хлоратор...

Тогда мы сразу вспомнили 1940 год, Всесоюзную сельскохозяйственную выставку и установку с табличкой: «Хлоратор системы В. В. Лебедева». Посетители обычно проходили мимо установки, едва скользнув взглядом по каким-то непонятным сосудам и бутылям. Люди же, понимавшие толк в водоснабжении: санитарные и коммунальные работники, заведующие фермами,— останавливались, внимательно рассматривали установку, ее простое устройство и кратко выражали свое восхищение:

— Здорово придумано!

Придумано на самом деле хорошо. С помощью этой простой установки без применения дорогостоящих оборудования и материалов на всех водопроводах с небольшим суточным расходом воды можно идеально хлорировать воду. Стоимость установки исчислялась в несколько десятков рублей.

Позднее вакуумным хлоратором непрерывного действия системы Лебедева стали широко пользоваться везде — в колхозах, пионерских лагерях, на железных дорогах, в совхозах.

Естественно, что наш первый разговор с товарищем Лебедевым вначале шел о хлораторе.

— Как же, как же, помню. Очень я тогда этим делом увлекся. А все началось случайно. В одном месте возникла необходимость срочно подвергнуть хлорированию воду. А водопровод был такой, что обычный контактный способ применять было нельзя. Вот я и задумался. Очень увлекался, очень. Да и сейчас этого дела не бросил.

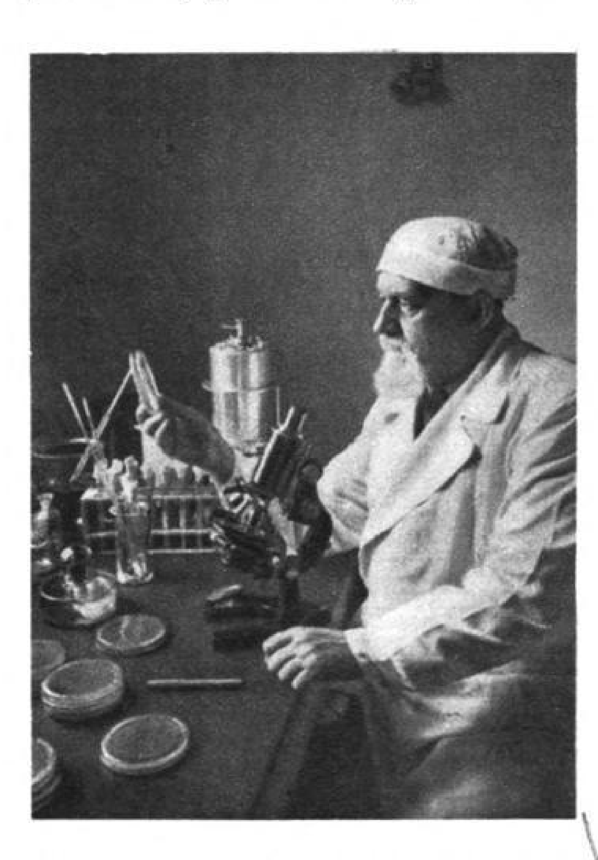
Несколько позднее, когда вологжане рассказали нам о В. В. Лебедеве поподробнее, стало ясно, что он постоянно чем-то увлечен и никогда начатое дело не бросает, не доведя его до конца.

* * *

В Вологде В. В. Лебедев поселился более тридцати лет назад, вскоре после окончания университета. До недавних пор в Вологде, как и во многих других городах страны, ежегодно происходили съезды участковых врачей. Сейчас в эти съезды внесено новое: собираются не все участковые врачи, а по отдельным специальностям — педиатры, терапевты, хирурги. Это делается потому, что врачей на участках становится с каждым годом все больше и больше.

— А ведь было время,— говорит Василий Вячеславович,— когда на всю Вологодскую губернию был один хирург и один рентгенолог.

На глазах у В. В. Лебедева росла и крепла сеть медицинских учреждений области. Небольшая лаборатория, куда когда-то поступил молодой врач Лебедев, превратилась в институт, добрая слава о котором известна далеко за пределами Вологодской области.



Заслуженный врач РСФСР Василий Вячеславович Лебедев.

Фото П. Сотникова

Все в институте — от самых маленьких приборов до проекта нового здания,— все прошло через руки В. В. Лебедева. Ни к чему он не был безучастным и равнодушным. Институт не учебное заведение, но десятки молодых специалистов прошли в нем великолепную школу.

Нам довелось послушать выступление В. В. Лебедева перед врачами-педиатрами. Это было не обычное выступление старого специалиста перед молодежью, а вдохновенная речь врача-гражданина, врача-патриота:

— Я врач-микробиолог и поэтому хорошо знаю спутников каждой войны — эпидемии, от которых иной раз гибнет людей больше, чем на полях сражений. Во время Отечественной войны нашей Родине удалось избежать появления этих, как раньше казалось, неизбежных спутников. Это результат огромной работы партии большевиков и нашего правительства по улучшению благосостояния народа, роста культуры населения и расширения сети медицинских учреждений.

* * *

...Вечером мы шли с Лебедевым в редакцию областной газеты «Красный север», где директор института, как и во многих партийных и советских организациях города,— всегда желанный гость. Василий Вячеславович делился соображениями по поводу статьи, которую он собирался писать для газеты. Но рассказывать ему было очень трудно, так как на каждом шагу его останавливали люди: одни — для того, чтобы поздороваться, другие — чтобы поговорить. О чем только не возникали эти беседы на ходу: о новой школе на Пионерской улице, о работе пастеровской станции, о новом кинофильме, о недавно открытом магазине, о подписке на книги, об областном шахматном турнире.

— Этак мы с вами до редакции и до завтра не дойдем. Очень уж много у вас знакомых!

— Это не просто знакомые. Это мои избиратели...

Конечно, отсюда нельзя делать вывод, что депутатская деятельность Василия Вячеславовича ограничивается встречами на улицах. В его кабинете редкий день не бывает посетителей. К нему обращаются за содействием в ремонте квартиры, за советом — иногда даже по сугубо личным делам.

Сейчас он увлечен новым делом. Около деревни Новое, Вологодского района, он нашел целебный источник.

— Надо мной подшучивают, когда я заявляю, что воды источника равноценны водам кавказских курортов. Но я уже доказал, что я прав. Пройдет немного времени, и у нас будет свой, местный курорт...

Он многое уже сделал для открытия будущего курорта — исследовал источник, описал его, сумел заинтересовать областные организации, дал знать в Москву.

В Вологде говорят:

— Ну, если Василий Вячеславович за что-нибудь возьмется,— своего добьется.

* * *

«...Прошло еще несколько лет. Старцев еще больше пополнел, ожирел, тяжело дышит и уже ходит, откинув назад голову... Вероятно оттого, что горло заплыло жиром, голос у него изменился, стал тонким и резким. Характер у него тоже изменился: стал тяжелым, раздражительным... Он одинок. Живется ему скучно, ничто его не интересует».

Таким стал к зрелым годам герой чеховского рассказа «Ионыч» доктор Старцев после нескольких лет жизни в провинциальном городе. Когда-то, по приезде в город, он мог говорить о литературе, об искусстве и даже о том, что каждому нужно трудиться и без труда жить нельзя. А потом он в гостях все больше молчал, закусывал и играл в винт. Развлечением для него стало по вечерам считать бумажки — трехрублевки и пятерки, которых у него за день визитов накапливалось порядочно. Когда-то его называли по имени и отчеству, потом стали звать просто «Ионыч», а многие даже забыли его фамилию.

Василий Вячеславович Лебедев этот рассказ Чехова знает чуть ли не наизусть.

— Антон Павлович не написал, как кончил жизнь Ионыч. Но это легко можно предположить. У него появилось еще несколько домов, вырос счет в банке. Умирая, Ионыч, наверное, думал, что жизнь не удалась, прошла скучно и неинтересно. А ведь я, как и он, приехал после окончания университета в провинциальный город и живу в нем тридцать лет. Но я не могу пожаловаться, что мне жизнь не удалась. У меня она удалась...

В этом Василий Вячеславович мог еще раз убедиться 16 ноября: в тот день все, кто выступали на окружном предвыборном совещании по выдвижению кандидатов в Вологодский областной Совет, говорили:

— Мы верим, что товарищ Лебедев и впредь оправдает наше доверие.

А. НИКОЛАЕВ

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ



Председатель Бериславского райисполкома Николай Иванович Фомин (слева) и председатель горсовета Борис Семенович Дормастук.
Фото Б. Кузьмина

А. МЕДНИКОВ

Как-то давно они ехали по району — новый тогда предисполкома Фомин и секретарь райкома партии Коновченко. Фомин всматривался в дрожащее марево, плывущее над душной, выгоревшей степью.

— Смотрите,— сказал он, удивленный, обращаясь к Коновченко. — Да тут прекрасные озера!

— Это мираж.

— Не может быть!

Машина, свернув с дороги, запрыгала по растрескавшейся, сухой земле. Манящее зеркало воды, казалось, такое близкое, постепенно отступало, точно обламывалось по краям, пока не растаяло в пыльной дымке у горизонта.

Фомин, кусая пересохшие губы, показал в другую сторону:

— А вот это? Неужели опять?

— И это мираж, Николай Иванович, поверьте,— сказала Коновченко, и «газик» еще с полкилометра гнался за неуловимым видением, возникшим в раскаленной атмосфере.

Выехали к Днепру. Могучая река катила свои налитые тяжелой солнечной позолотою волны мимо правобережного Берислава и левобережной Каховки — двух белостенных городков, как бы охраняющих здесь широкий и вольный днепровский простор.

С правого, высокого берега в мертвящей желтизне открывались взору ровные таврические степи — плодороднейшие земли, часто терзаемые жестокой засухой.

— Ведь катастрофа, Николай Иванович,— сказала Коновченко. — Весной зеленеют поля, а потом с мая до октября ни капельки дождя, и все погибает. Видите, трудный у нас район.

— Вижу,— ответил Фомин.

Взметенные в небо сухим ветром клубы песка и земли закрывали Каховку и двигались с левого на правый берег, затемнив солнце над Днепром.

* * *

Это памятное заседание исполкома началось в пять утра. Еще раньше телефонный звонок из Херсона поднял с постели Фомина. Пока он одевался и бежал в свой кабинет, две машины, собирая людей, объезжали тихие, полутемные улицы городка.

Разбуженные под утро члены исполкома волновались в предчувствии какого-то чрезвычайного события. Строили всякие предположения. Когда Фомин торжествующе сообщил им, что правительство приняло решение о строительстве Каховской гидростанции, несколько секунд длилась счастливая пауза.

— В семь утра, товарищи,— сказал Фомин,— сообщение об этом передадут по радио. Надо обрадовать народ.

Слушать радио пошли в райкомовский домик — через дорогу, в кабинет Коновченко. Пока поздравляли друг друга, шумно обсуждая гигантский масштаб работ, радостное известие уже подняло на ноги весь город. И митинг, назначенный на десять утра, начали на час раньше.

— Помните, товарищи,— сказал выступавший Фомин,— когда мы услышали о гидростанциях на Волге, Туркменском канале, то, даже зная об изысканиях на Днепре, мы не думали тогда, что и у нас будет стройка. Ведь столько потребуется сил! Но сейчас мы видим, как бесконечно могуче наше государство.

Когда митинг закончился, бериславцы не хотели расходиться.

— Продолжить митинг! — крикнул кто-то.

— Продолжить митинг! — подхватили сотни голосов. И поднимались на трибуны люди, снова говорили о переполнивших душу чувствах.

Этим же утром члены исполкома выехали в район. Но, обгоняя их, неслись вперед вести, и в селах, в поле — всюду стихийно вспыхивали митинги. Фомин до ночи ездил по сельсоветам, с волнением думал о новой, замечательной судьбе района, об ответственности, которая ложилась теперь на плечи его руководителей.

* * *

Покатые поля светятся до самого горизонта чем-то нежнобелым. Точно выпал снег, запорошив черную, бугристую землю. Это хлопок.

На полевом стане Фомин осматривает собранный в каготы хлопок, засовывает по локоть руку в теплую, влажноватую глубину белой волокнистой массы. Хлопок-сырец надо быстро сушить. Влажный, он может самовозгореться.

— Аверьянов! Руководство! Задерживаетесь с сушкой хлопка!

Молодой председатель колхоза трет ладонью небритую щеку и краснеет:

— Задержались, Николай Иванович.

— А где наше уменье предвидеть? — спрашивает Фомин. — «Большой хлопок» предвидели, а сушилок не построили.

В поле работают колхозницы.

— Здравствуйте, жинки! — весело кричит Фомин. — Как работа, какие претензии к советской власти? — шутит он.

Его окружают, сыплются вопросы. Тут привыкли видеть в степи человека в знакомом всему району кожаном пальто нараспашку, с неизменной трубкой, зажатой в уголке смеющихся губ.

На полях кипит соревнование сборщиков. Но есть неполадки со снабжением.

— Вот что, жинки,— говорит Фомин. — Приглашаем вас всех на правление колхоза. Привезу нашего председателя райпотребсоюза. Послушаем его, покритикуем. Согласны? А сейчас поедем в село, Аверьянов. Отыщем тебе помещения для сушки.

Фомин едет в село, он знает здесь каждый уголок, уверенно шагает к хозяйственным постройкам и, действительно, скоро находит свободный коровник, на полу которого можно разложить хлопок.

— А чердаки школы, сельсовета — вот еще резервы,— замечает он.

— Верно, есть резервы, как-то не дошло раньше,— смущенно произносит Аверьянов.

— Надо думать,— почти приказывая, говорит Фомин. — Вот мы еще с весны увидели, что с зерновыми будет плохо — засуха. Тогда подумали и хлопка посадили вдвое больше прошлогоднего. Дерзнули, поработали — выиграли. Этой осенью «большой хлопок» выведет с полдесятка наших колхозов в миллионеры. Так что думать надо больше, дальше, Сергей Сергеевич,— прощаясь и ласково придерживая в ладони руку председателя, еще раз повторяет Фомин.— Искусство жить, Аверьянов,— это жить с перспективой.

...В живописном селе Казацком, около продолговатой чистенькой хаты, где женщины, стуча ведрами, мыли полы и окна помещения для днепростроевцев, нам встречается отряд гусеничных тракторов со скреперами. Они движутся внушительной колонной, попыхивая дымком, заполнив улицу скрежетом.

— Техника Болотного,— говорит Фомин. — В колхозе «Памяти Ленина» строят нам плотину. Стремимся пока использовать наши внутренние водные резервы. А когда дадим хлопку днепровскую воду, он удвоит, утроит урожаи.

— Куда же вы, Кубрак? — окликает Фомин бригадира.

Коренастый тракторист, распахнув солдатскую шинель, сердито машет рукой:

— Сколько же можно загорать без дела? Договора нет, едем до базы.

— Останови колонну,— приказывает Фомин и шагает в сельсовет.

Он возвращается минут через десять, еще издали крича трактористам:

— Все в порядке! Сейчас приедет председатель, договор будет. Что же вы, хлопцы,— говорит он, подсаживаясь к мелиораторам, еще не согнавшим с лица хмурого выражения.—Разве порядок — зря жечь государственное горючее? «На базу, обратно». В армии, наверное, были многие...

— Армия тут не при чем,— загудело в ответ несколько голосов.

— Армия учит дисциплине, выдержке,—говорит Фомин. — А тут маленькая заминка—и растерялись. Где мы с вами работаем, товарищи, подумали? На землях великой стройки. Так, что ли, Кубрак? Садись, покурим.

— А ну, заворачивай, хлопцы,— кричит Кубрак, залезая в кабину трактора, и колонна мелиораторов поворачивает в степь.

Мы едем к возведенной уже насыпи земляной плотины, перегородившей глубокий овраг, и дорогой Фомин рассказывает о своей первой памятной ему встрече с Болотным.

Новый директор машинно-мелиоративной станции пришел к нему впервые несколько месяцев назад. Коротко представился, разложил на столе карту области.

— По плоскости одинаковых высотных отметок, товарищ Фомин,— сказал он,— мы поведем самотечную дождевую и паводковую воду от Каховки чуть ли не до Аскания-Нова. Но главные наши работы на левом берегу. Вам нужна вода?

— Как жизнь,— вздохнул Фомин.— Копаем пруды пока своими силами. Труда много, плотины растут медленно.

Болотный предложил помощь правому берегу — бульдозерами, скреперами, грейдерами.

— Но ваши пруды у меня еще не запланированы, хочу помочь тебе за счет сверхплановой выработки; это взгляд вперед,— предупредил он.

— И верный взгляд! Ты начинай, а я договорюсь с областью,— обрадовался Фомин.

Мелиораторы Болотного за несколько месяцев создали в районе пруды с общим зеркалом воды в десятки гектаров, подготовив тем самым базу для сети орошаемых участков.

— Поражаешься мудрой последовательности этапов нашей борьбы за преобразование природы,— говорит Фомин, шагающий по насыпи плотины.— Возьмите лесные полосы, орошение, машинно-мелиоративные станции. Раньше мы думали, что делаем эти водоемы только для себя. Теперь же они помогут нам накормить, напоить в сухой степи армии строителей. Им будут нужны овощи, фрукты,— вода под рукою на сотни километров вдоль каналов. И это дадут наши орошаемые участки гарантированных урожаев — опорные рубежи великого наступления.

* * *

...До войны председатель Бериславского райисполкома был преподавателем литературы и языка. Раненный под Сталинградом, получив годовой отпуск, он приехал отдыхать в родную Орловскую область. Как-то зашел в областной отдел народного образования.

— Отдохнуть, конечно, необходимо, товарищ Фомин,— сказали ему там.— Но не могли бы вы поехать в Жиздру, только что освобожденную. Дозарезу нужен заведующий отделом народного образования.

— Хорошо,— сказал Фомин.— Раз нужен,— поеду.

В Жиздру он вошел вслед за войсками. В городе не осталось камня на камне. Прежде чем учить детей, надо было построить школы. И Фомин занялся восстановлением города.

Но вот кончился год отпуска. Надев шинель, Фомин уехал «довоевывать». Но первая, трудная школа советской работы, которую он прошел в Жиздре, оставила неизгладимый след в памяти. Фомин оценил тогда большую честь быть слугой народа. И он понял, что весь жизненный опыт, знания учителя и навыки командира послужат ему в трудном искусстве советской государственной работы.

Еще в 1949 году отстававший и по зерновым, и по техническим культурам, и по виноградарству Бериславский район в 1950 году вышел в ряды лучших, обогнав многие районы Херсонщины.

— Случилось небывалое в истории нашего района. Первыми по области, на восемнадцать дней раньше срока закончили вспашку зяби,— сказала Коновченко.

Мы спросили ее: в чем же секрет успеха? Она задумалась, разглядывая свои загоревшие руки:

— Главное, народ стал больше заботиться о судьбе района, а местные Советы — видеть в каждом деле перспективу, оценивать ее с государственных позиций.

За год совместной работы они сдружились, эти два руководителя района, поняв, что дополняют друг друга: спокойная, неторопливая в решениях Коновченко и увлекающийся, энергичный Фомин.

* * *

В кабинете Фомина сидят заведующий отделом социального обеспечения Назаренко и председатель горсовета Дормастук. Герой Советского Союза Назаренко, человек с фигурой атлета и протезами вместо ног, кладет на стол письмо из областного управления, отмечающее хорошую заботу бериславцев об инвалидах войны, о семьях погибших. Лицо его выражает недоумение: красный карандаш Фомина вывел на письме резолюцию: «Мало».

— Удивляешься, Владимир Афанасьевич?— спрашивает Фомин, разжигая трубку и прищуриваясь.— Область хвалит нас, а Фомин вдруг недоволен. Да пойми ты, дорогой мой, колхозы стали зажиточными, и мы теперь имеем возможность больше помогать заслуженным людям. Ты понял? — и Назаренко кивает головой.

Маленький, подвижный, с взъерошенными светлыми бровями, Борис Семенович Дормастук одиннадцать лет председательствует в горсовете Берислава. В 1920 году он — политрук батальона — штурмовал с бериславского берега Каховский плацдарм.

Дормастук расстегивает свою казачью, отороченную белым мехом тужурку.

— Разрешите доложить? — совсем по-военному спрашивает он.

— Пожалуйста,— говорит Фомин.

И Дормастук докладывает: около пятисот горожан уже изъявили желание пойти на стройку; в город приезжают новые люди; к пристани подходят баржи с оборудованием для изыскателей. Сейчас в город приехали представители потребкооперации и Министерства торговли; выбирают здания под магазины.

— Ох, шумят крепко,— улыбается Дормастук.— Весь жилой фонд города взяли на учет. Приедут строители — потеснимся пока. Все ждут их с большой радостью.

Я слушаю Дормастука и просматриваю стенограммы сессий исполкома до поворотного в истории района дня 21 сентября 1950 года. Поток будничных дел окрашивался умной инициативой, устремленной к главному — заботе о человеке.

Народное образование. Сессия обсуждает вопросы обязательного семилетнего образования на селе. Фомин предлагает, и депутаты его поддерживают: не перенапрягая районного бюджета, возвести несколько новых школ методом народной стройки.

Району нужны кадры механизаторов — организуются школы трактористов, механиков. Педагоги, врачи ведут общеобразовательные лектории. В Бериславе не было еще ни одного днепростроевца, а член исполкома, учительница Софья Бурда уже предложила преобразовать несколько начальных школ в семилетки, а несколько семилетних — в средние, пригласив сто новых учителей.

Дормастук захватил вместе с планом и паспорт города Берислава. Сейчас любопытно взглянуть на него. Город основан пятьсот лет назад. Здесь жила буйная запорожская вольница, это она, по преданию, нарекла красивые места «берегом славным». До революции в городе было 4 трактира, 5 храмов, во всем районе насчитывалось 102 керосиновых лампы.

— А мы здесь небо зальем электричеством,— говорит Фомин.

Ему звонит секретарь райкома Коновченко. В райком партии только что пришла телеграмма. Изыскательская экспедиция будет базироваться в городе. Срочно нужны помещения, мастерские, конторы, квартиры на четыреста человек.

Дормастук улыбается Фомину:

— Началось, Николай Иванович!

— Началось, товарищи дорогие! — радостно говорит Фомин.— Дальше — больше, работы у нас с вами море.

* * *

Над Днепром неяркий день поздней осени. Катерок режет стального цвета волну, обегая лесистые, вытянувшиеся на много километров плавни. Когда река здесь разольется гигантским водохранилищем, высокая вода пройдет над островами, над вершинами деревьев, горящими сейчас густым багрянцем. Мы смотрим на бурое полотно степей, когда-то поразивших Фомина миражными озерами. Скоро оно действительно заголубеет волнами нового моря.

На корме катера с Фоминым беседует киевский археолог — полный низенький человек с выражением застывшего удивления на розовом лице. Он прилетел на розыски памятников древности в районе будущего водохранилища и каналов.

— В вашем Казацком, например,— говорит археолог, с трудом удерживая на ветру черную шляпу,— следы древних скифских кочевий. Им грозит опасность быть потерянными для науки под водою Днепра.

— Я предполагал встретить только тех, кто смотрит в будущее,—строителей, а вот придется помогать и тем, кому важно прошлое,— улыбается Фомин.— А с раскопками торопитесь, времени у вас мало.

Он показывает на вершины буровых копров, видных по откосам берегов, в кустарнике плавней. Изыскатели определяют направление створа будущей плотины гидроузла, исследуют район водохранилища.

С середины реки уже виден городок, взбегающий своими белыми домиками по пологому склону берега. Каховка. Плацдарм славных битв гражданской войны, ныне плацдарм труда.

На небольшой пристани, видавшей ранее за день лишь несколько рейсовых пароходов, сейчас разгорается кипучая жизнь. Все чаще приходят баржи с буровым оборудованием, материалами. Приезжают изыскатели — харьковчане, москвичи. С каждым днем все больше добровольцев, горящих желанием стать пионерами стройки.

У председателя Каховского райисполкома А. В. Пуценко, с которым Фомин считает себя в негласном соревновании, такой же поток новых забот.

В городе организуются автобусные линии на Херсон, по Днепру из Запорожья приплыли первые работники управления строительства. Со всеми нужно заняться, всех разместить.

«Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны». Слова эти на транспаранте, висящем над пристанью, встречают каждого, кто вступает с парохода на землю Каховки.

Вместе со стройкой год от года будет сказочно изменяться район, и новые, увлекательные перспективы раскроются перед избранниками народа — деятелями местных Советов.

Николай Иванович Фомин с дочкой Надей.





МАШИНЫ ВЕЛИКИХ СТРОЕК

На волжских перевалочных базах грузят на баржи оборудование и механизмы. Фото М. Клименкова (ТАСС)

Академик Е. А. ЧУДАКОВ

Советский народ приступил к строительству величайших в истории человечества сооружений. Создание гигантских гидроузлов на Волге и Днепре, прокладка тысячекилометрового канала через пустыни Кара-Кумов в корне изменят природу и экономику обширнейших пространств нашей страны.

Эти великие стройки — новый этап в выполнении единого, строго научного плана строительства коммунизма. Их осуществление закладывает материальную основу коммунистического общества, несущего советским людям изобилие жизненных благ и духовной культуры.

Масштабы грандиозных сооружений несравнимы даже с самыми крупными стройками довоенных лет. Их завершение даст нашей промышленности и сельскому хозяйству миллиарды киловатт-часов дешевой электрической энергии и обеспечит богатые, устойчивые урожаи на миллионах гектаров земли.

Общая мощность Куйбышевской, Сталинградской, Каховской и Туркменских гидростанций превысит четыре миллиона киловатт! Это в четыре раза больше, чем мощность всех электростанций дореволюционной России в 1913 году.

Объединив волжские станции в одну общую сеть с существующими, мы будем иметь в центре СССР самую большую в мире единую энергетическую систему. Мощный поток энергии напряжением в четыреста тысяч вольт помчится по проводам на расстояние в восемьсот пятьдесят километров. Ни одна страна мира не знает ни такого напряжения, ни такой дальности передачи тока.

По Главному Туркменскому каналу каждую секунду будет проходить столько же воды, сколько летом проносит течение Днепра. На плотинах канала появятся электростанции, каждая из которых равна по мощности двум Волховским.

В оборот сельского хозяйства войдут новые пространства, почти втрое превышающие всю обводненную территорию Соединенных Штатов и в восемь раз более обширные, чем вся посевная площадь Дании, Голландии и Бельгии, вместе взятых. После сооружения Главного Туркменского канала только с вновь орошенной площади будут снимать в полтора раза больше лучшего в мире длинноволокнистого хлопка, нежели сейчас получает весь Египет. Там, где лежат мертвые пески пустыни, возникнут необозримые пастбища, зеленеющие круглый год.

В среднем течении Волги появится море, равное по длине расстоянию от Москвы до Ленинграда.

Ряд оросительных систем охватит огромную площадь земли...

И все это будет сделано за пять — шесть лет!

Такая гигантская работа, сравнимая по своим последствиям лишь с геологическим процессом и изменяющая природу целого материка, под силу только нашему народу. Все попытки решить даже значительно меньшие задачи в капиталистических странах неизбежно кончаются крахом.

Возьмем, к примеру, проект изменения климата африканской пустыни Сахары. Над этой проблемой много лет работали десятки ученых различных государств. Одни предлагали создать в Северной Африке большой водоем, другие выдвигали идею оросить Сахару ее подземными водами. Но все проекты остались на бумаге.

Впрочем, и то сравнительно немногое, что делается в капиталистическом мире, приобретает уродливые формы. На реке Нил возвели большую плотину. Она, кроме орошения, могла бы дать дешевую электроэнергию. Но это противоречит интересам английских колонизаторов. И вот даровая сила воды пропадает зря, а в Египте строятся крошечные тепловые электростанции, потребляющие привозный английский уголь.

Алчная конкуренция монополий и своеволие частных собственников мешают целесообразно использовать даже те ресурсы, которые подносит сама природа. К примеру, на обоих берегах Ниагарского водопада построено несколько мелких гидростанций: на правом берегу — американские, на левом — канадские. Однако даже вместе они не потребляют и пятнадцати процентов мощности этого естественного источника энергии.

Только социалистическое государство может поставить и решить задачу полного овладения силами природы. Советские люди приступают к выполнению сталинского плана, имея за плечами опыт, накопленный на Беломорско-Балтийском канале, Днепрогэсе, канале имени Москвы, Большом Ферганском канале, на восстановлении и строительстве многих тысяч заводов, фабрик, городов.

И все же объем и сложность предстоящих работ настолько велики, а сроки их настоль-



В Горьковском порту идет погрузка автомашин для строительства Куйбышевской ГЭС.

Фото Н. Капелюша

ко сжаты, что, по сути дела, представляют собой еще более высокую ступень в развитии советской науки и техники, новый коренной, качественный скачок.

Работы должны вестись круглые сутки, беспрерывно, все нарастающими темпами, одновременно по всем объектам и производственным звеньям. А фронт работ ограничен естественными условиями, и на площадках просто было бы немыслимо разместить ни нужное количество землекопов, ни достаточное число обычных механизмов.

Строительство Куйбышевского узла требует огромного количества электроэнергии. Часть этой энергии дадут существующие тепловые станции, часть — станции на самой строительной площадке. Следовательно, необходимо построить их сверхскоростными темпами.

В один год на Куйбышевской плотине надо уложить столько бетона, сколько было уложено за все тридцать четыре года строительства Панамского канала! Каждый час на площадку должны поступать два полновесных (по пятидесяти вагонов) состава материалов. А строительство пока еще находится вдали от железной дороги. Новую дорогу надо проложить также сверхскоростными темпами.

Куйбышевская плотина потребует около тридцати миллионов кубометров земли. Перебросить эту чудовищную массу не только лопатами, но и обычными механизмами практически невозможно.

Все это сделают новые могучие машины. Созданная гением Сталина, советская промышленность в состоянии оснастить строительство наиболее высокопроизводительными механизмами. То, чем прежде занимались бы миллионные армии рабочих, выполнят машины.

В адрес куйбышевского строительства уже поступили мощные советские бульдозеры. Каждый из них, обслуживаемый одним машинистом, за час расчищает от мелкой поросли и выравнивает (засыпая канавы, выбоины и рвы) почти шесть гектаров земли. Одна такая машина заменяет труд трехсот человек.

Работу трехсот землекопов выполняет усовершенствованный грейдер-элеватор. Он насыпает железнодорожное полотно высотой в два с половиной метра. После его прохода остается уложить рельсы.

Канавокопатель нового образца прорывает почти три километра канавы в час. Новый скреппер, выпускаемый Челябинским и Никопольским заводами дорожных машин, за смену вынимает и перевозит на расстояние до ста пятидесяти метров пятьсот кубических метров грунта. Эти машины уже работают на строительстве, заменяя сотни рабочих.

Городскому жителю наиболее мощным автомобилем представляется семитонный «Яг». Для переброски огромных потоков материалов на новостройках грузоподъемность этих машин недостаточна. Появятся новые советские грузовики-самосвалы грузоподъемностью в двадцать пять тонн.

В первый период строительства наиболее трудоемки земляные работы. Ведь предстоит вынуть миллиарды кубических метров земли. По существу, один лишь Главный Туркменский канал по протяжению почти равен судоходной части Днепра. За пять лет мы должны создать искусственную реку огромной протяженности.

Эта задача могла бы показаться фантастической, если бы на помощь строителям не пришла советская техника.

Новый, «шагающий» экскаватор Уральского завода тяжелого машиностроения имеет ковш, который забирает сразу четырнадцать кубических метров земли. Он может за год вынуть несколько миллионов кубических метров грунта.

Сверхмощный экскаватор создан и работниками Ново-Краматорского машиностроительного завода. Эту замечательную машину стоит описать подробнее. Она достигает высоты девятиэтажного дома и весит больше тысячи тонн. Десятки тысяч ее деталей изготовлены преимущественно из легированной стали. Некоторые из них — поворотная платформа, нижняя рама — огромны. На экскаваторе установлены сорок четыре электродвигателя общей мощностью в шесть тысяч киловатт. Он потребляет почти столько же энергии, сколько, например, такой город, как, скажем, Полтава.

Машина снабжена совершенными пневматическими и гидравлическими устройствами, пятнадцатитонным мостовым краном и тремя вспомогательными кранами. Управление полностью электрифицировано. Ковш вмещает пятнадцать кубических метров земли. Эта могучая машина вынимает за сутки свыше двух тысяч вагонов грунта.

Каждая из новых строек получит по нескольку таких стальных гигантов. Они заменят труд многих тысяч землекопов и грабарей.

Но основную часть работы выполнят различные гидромеханизмы, с помощью которых будут намыты огромные плотины. В трех — четырех километрах от места будущей плотины станут на якори сверхмощные электрические плавучие землесосные снаряды. Их длинные хоботы опустятся на дно Волги. Разрыхляя грунт под водой, они всосут его, а затем сжатый воздух направит эту полужидкую массу по трубам к плотине. Машина сама поднимет намытый ею грунт на нужную высоту в десятки метров и уложит его ровными, плотными слоями. Вода же, выполнив свою работу, вернется обратно в реку. Гигантская плотина как бы чудом поднимется сама собой из воды.

Новые советские землесосные снаряды способны вынимать и перемещать до сорока тысяч тонн грунта в сутки. Каждый из них выполняет работу, которая заняла бы три тысячи человек.

Новые каналы будут проводить не менее мощные землесосные снаряды другой конструкции. Продвигаясь вперед, они оставляют за собой готовый, заполненный водой канал. К высоким мачтам такой машины подвешены трубы-грунтоводы, которые сбрасывают намытую землю прямо на борта нового канала. Разжиженный грунт растекается и образует ровные площади — готовое основание дорог и участки для посевов.

Основные сооружения каждой гидростанции будут возводиться из бетона. Размеры их грандиозны. Если из бетона, который пойдет на строительство этого гидроузла, построить стену толщиной в метр и высотой в три метра, то она протянулась бы от Москвы до Урала.

Строители Куйбышевской плотины каждую минуту будут укладывать двадцать кубических метров бетона. Каждую минуту, днем и ночью, — где взять такое количество бетона?

Его изготовят самые совершенные в мире автоматизированные заводы. Каждый из них сможет давать сотни кубических метров бетона в час. А обслуживают его всего восемь человек: диспетчер, три оператора, электромонтер и три слесаря. Всю работу выполнят механизмы-автоматы.

Оператор стоит перед пультом и нажимает нужные кнопки в зависимости от звуковых и световых сигналов, которые подают ему различные механизмы. Легким прикосновением пальца приводятся в движение конвейеры, заполняющие бункера цементом, щебнем и песком. Автоматы взвешивают сырье, составляют нужные смеси и передают их в гигантские бетономешалки. Каждая операция измеряется секундами: взвешивание — 25, загрузка бетономешалки — 8, перемешивание — 160, выгрузка готового бетона из барабана — 25 секунд. Бетон потечет на строительную площадку непрерывным потоком...

Таковы некоторые машины, которые помогут выполнить в пять — шесть лет гигантские работы, превосходящие любые сооружения, возведенные человечеством за всю свою историю.

Но даже во всеоружии советской техники строителям придется решать чрезвычайно сложные проблемы, не имеющие примера в прошлом.

Так, практика еще не знает столь интенсивного использования сверхмощных и высокопроизводительных механизмов в песчаных пустынях Средней Азии. Мельчайшая пыль гибельно отзывается на работе движущихся частей машин. Строителям придется непрерывно «омолаживать» отдельные детали. Здесь, повидимому, получит широкое распространение метод регулярной наплавки на отдельные части машин износостойкого металла, предложенный академиком В. П. Никитиным.

Встает вопрос о том, как избежать просачивания воды в песчаную почву, по которой пройдут новые каналы. Обычно искусственные русла сплошь бетонировались. Но протяжение новых каналов так велико, что понадобилось бы чудовищное количество бетона. Между тем каждый литр сохраненной в засушливых местах воды — это увеличение урожая зерна, хлопка, овощей, фруктов.

И здесь советская наука приходит на помощь строителям. Всесоюзный научно-исследовательский институт гидротехники и мелиорации предложил весьма простой и дешевый способ так называемой кольматации. В стенки и дно каналов вмывается глинистый раствор. Осаждаясь, он плотно закупоривает мельчайшие щели между песчинками и комочками земли. Просачивание воды при этом уменьшается в пятнадцать — двадцать раз.

Почти половина всей электрической энергии новых гидростанций будет передаваться на такое далекое расстояние, которое в мировой практике еще неизвестно. Не применялось и напряжение в четыреста тысяч вольт. Для того чтобы решить, какой ток рациональнее использовать — переменный или постоянный, — в начале будущего года вводится в эксплуатацию специальная опытная линия постоянного тока. Она позволит принять окончательное решение.

Сложные проблемы возникают на каждом шагу. И все они должны быть решены в самый короткий срок.

Советские ученые и инженеры считают для себя высокой честью принять участие в великих стройках коммунизма. Вот почему при президиуме Академии наук СССР и при Всесоюзном совете научных инженерно-технических обществ созданы специальные комитеты содействия этим стройкам.

Непрерывное развитие советской науки и техники, неуклонный рост нашей экономической мощи — залог того, что новые величественные стройки будут воздвигнуты в намеченные сроки. Они вновь покажут всем народам мира огромную жизненность и неодолимость нашего общественного строя, открывшего неограниченный простор развитию производительных сил в интересах народа.

В великих стройках сталинской эпохи все человечество увидит светлые контуры коммунизма.

М. М. Иванов. КРЕПОСТЬ В БЕНДЕРАХ.

(Из акварельного фонда Государственной Третьяковской галереи).

«Огонек». 1950.

Семен Щедрин. МЕЛЬНИЦА И БАШНЯ ПИЛЬ В ПАВЛОВСКЕ.

(Из акварельного фонда Государственной Третьяковской галереи).

РЕШЕНИЯ ВАРШАВСКОГО КОНГРЕССА — ПРОГРАММА БОРЬБЫ ЗА МИР

Беседы с членами американской делегации на Втором Всемирном конгрессе сторонников мира

ВЫ СТРОИТЕ МИР

Уиллард Эпхаус,
священник, член Всемирного Совета Мира



Мы с радостью голосовали за решения Второго Всемирного конгресса сторонников мира. Я лично голосовал за них потому, что эти решения — подлинное выражение воли людей всего мира, включая простых людей Америки. Больше всего на Конгрессе мне понравилось стремление делегатов 80 стран найти общий язык, общую почву в борьбе за мир. Этот язык был найден.

Решения Конгресса — важный инструмент в руках борцов за мир в США. Я глубоко убежден, что все делегаты будут со мной согласны в этом.

Вернувшись в США, я совершу поездку по стране и буду беседовать с людьми разных профессий и убеждений. Я хочу рассказать им о решениях Конгресса сторонников мира и о впечатлениях от поездки по СССР. Я буду беседовать со студентами духовной школы Иельского университета и выступать в печати.

В Америке нелегко бороться за мир. Многие сторонники мира подвергаются репрессиям. И все же сбор подписей не был приостановлен. Это говорит о том, что у нас есть много преданных и мужественных людей.

Рогге не представлял ни чувств, ни убеждений сторонников мира в Америке. Но я опасаюсь, что его речь могла найти в Соединенных Штатах некоторый отклик: наша пресса цепляется за любой предлог, чтобы опубликовать клевету на Советский Союз. Однако настоящие сторонники мира расскажут правду о выступлении Рогге. Народ услышит обе стороны, и я уверен, симпатии народа окажутся на стороне борцов за мир.

В Советском Союзе мир и созидательный труд как бы слились воедино. Если бы лучшие американские умы так же были бы заняты обузданием рек и созданием энергетических баз, если бы они думали о том, как ликвидировать безработицу, как лучше заботиться о здоровье трудящихся, если бы были уничтожены расовые предрассудки, тогда мы меньше думали бы о войне.

Я считаю, что люди в СССР показали свое чистосердечное и полное стремление к миру.

Самое крупное доказательство этому я видел в Москве, на выставке подарков Сталину. В тысячах подарков Сталину нет ни одного, который наводил бы на мысль об агрессивной войне; для меня это — самое убедительное доказательство миролюбия советского народа. Да, вы строите мир и не думаете о войне.

В заключение беседы мистер Эпхаус заявил нашему корреспонденту:

— Мое самое жгучее желание — еще раз приехать в СССР с доказательством огромной работы, которую мы проделаем в борьбе за мир.

КОГДА МЫ ВЕРНЕМСЯ НА РОДИНУ...

Джеймс Миллер,
представитель рабочих автомобильной промышленности

Варшавский конгресс — одно из величайших событий, которое когда-либо знала история человечества.

Наша делегация вернется в Соединенные Штаты и расскажет все, что она видела и слышала в Шеффилде, Варшаве и Москве. Это, я думаю, окажет большое влияние на американскую общественность. Мир — самое большое, самое важное для каждого честного человека, и я уверен: нас всюду будут жадно слушать.

Местное отделение профсоюза, к которому я принадлежу, имеет более пяти тысяч членов. Мы организуем собрания, конференции и выставки в защиту мира. Мы призывали и будем призывать людей бороться за мир.

В моем районе 32 фабрики. На



каждой из них есть люди, которые собирали подписи под Стокгольмским Воззванием. Мы собирали их рано утром, перед началом рабочего дня, в обеденный перерыв и после работы. Я говорю «мы» потому, что я тоже собирал подписи, и я горжусь этим.

Когда мы вернемся в Штаты, на родину, мы все соберемся и обсудим программу действий. Я думаю, нам удастся провести собрания на всех 32 фабриках, находящихся в моем районе. На этих собраниях мы будем говорить народу о том, что мы сделали на Конгрессе.

У нас есть профсоюзная газета. Ее тираж — десять тысяч экземпляров. Мы полностью изложим свои впечатления о Конгрессе в этой газете.

За время Конгресса мы познакомились с народом Польши и убедились, что поляки хотят мира так же, как они хотят жить. И в Москве, столице Советского Союза, люди хотят мира. Мир — это их самое большое желание.

В этом еще и еще раз нас убедили все те стройки, которые мы видели в Варшаве, а также в Москве и Ленинграде. Это все мирные стройки.

На вопрос о том, что произвело на делегатов наибольшее впечатление, Миллер ответил одним словом:

— Встречи!

Первое, что меня потрясло,— это встреча на аэродроме. В Советском Союзе нас встретили, как братьев по борьбе за мир. Так было в Москве и Ленинграде. Я не нахожу слов, чтобы выразить благодарность за эти теплые встречи. Они особенно дороги для нас, потому что мы хорошо знаем: в США рабочих так не встречают.

Скажу откровенно, мы не ожидали такого приема. Почему? Да потому, что есть антисоветская пропаганда. Сколько нам вдалбливали: попадешь за «железный занавес» — не вернешься. Именно поэтому, когда я собирался в Шеффилд, моя жена очень волновалась. Она говорила: «Будь осторожен, Джеймс: ты едешь в Европу, ничего не говори о политике».

И я — да что там скрывать! — я тоже волновался в глубине души. Нельзя сказать, чтобы моя тревога оказалась совсем напрасной. Мы прибыли в Англию и были встречены там, как преступники. «Если нас задержали в Англии,— рассуждал я,— то что же думать о встрече в Польше?» Признаюсь, мне приходили в голову самые невероятные мысли. Но когда я попал в Польшу, а затем в Советский Союз, я почувствовал себя, как дома. Нам всем говорили: иди, куда хочешь, делай, что хочешь, спрашивай и говори, что хочешь. Это было замечательно. Это тем более было замечательно, что в Америке нас, рабочих, постоянно одергивают и говорят, что мы что-нибудь нарушаем. Вы понимаете меня: я говорю просто, так, как чувствую.

И вот в Москве нас встретили с почетом, как братьев и как дорогих гостей. Мы до конца жизни будем помнить и рассказывать об этом.

КАК Я СОБИРАЛА ПОДПИСИ

Джекки Клэк,
клерк

Перед Конгрессом в Варшаве я собрала в Лос-Анжелосе четыре тысячи подписей под Стокгольмским Воззванием. Эти подписи я собирала всюду: в колледжах, где учатся участники второй мировой войны, в церквах и даже на площади Педжент, в центре города. Здесь однажды мне удалось за двадцать минут собрать около 200 подписей. Это был большой успех, с которым меня поздравляли друзья.

Вас интересует, как именно проходил сбор подписей? Пожалуйста, я расскажу. Иду я по городу с бюллетенем и вижу, сидит человек — усталый и очень грустный.



— Не так уж все плохо,— говорю я ему.— Не надо расстраиваться.

Потом заходит разговор о мире. Когда я начинаю рассказывать о борьбе за мир, он меня прерывает:

— Все ясно. Где карандаш? Давайте подпишусь!

Отказывались очень немногие. За все время, что я собирала подписи, отказалось только 20 человек.

Как-то мне привелось вести беседу о мире со священником. Я подала ему бюллетень с великими и простыми словами Стокгольмского Воззвания. Он прочитал его и вернул мне.

— Я это не могу подписать,— сказал он,— это коммунистическая пропаганда.

— Но, позвольте,— возразила я,— разве это вредит делу мира?

— Нет,— ответил священник после раздумья.— Мне кажется, это помогает святому делу мира.

Тогда я у него спросила прямо, хочет ли он мира.

— Да,— ответил священник,— я хочу мира,— и, преодолев сомнения, поставил свою подпись.

— Газеты сообщают, что президент Трумэн,— продолжала рассказывать Джекки Клэк,— каждый день получает тысячи писем со всех концов Соединенных Штатов. В этих письмах рядовые американцы резко осуждают агрессивную политику нашего правительства. Я тоже послала письмо президенту. В этом письме я говорила: надо признать, Китай — это великая страна, и мы должны уважать волю ее народа,— и затем я писала, что надо немедленно вывести войска из Кореи.

Отвечая на вопрос о значении Второго Всемирного конгресса сторонников мира, Джекки Клэк заявила:

— Конгресс произвел на меня сильное впечатление. Я ехала в Варшаву негритянкой-рабой. Когда я возвращалась из Польши, я чувствовала себя свободной женщиной. Мне бы хотелось подчеркнуть то исключительное единодушие делегатов, которое помогло всем нам принять важные и нужные каждому человеку решения.

В МОСКВЕ ВСЕ ПРОНИКНУТО МИРОМ

Эдвард Бобрович,
представитель рабочих-кожевников

Нас обрадовала и поразила Варшава. В Польше, на земле моих отцов, народ создает новую жизнь. Колоссальный труд, величественные успехи польского народа с удовлетворением отмечали все делегаты.

Решения Варшавского конгресса дают американскому народу возможность включиться в борьбу за мир и поддержать эти решения.

Одобряя Манифест к народам мира и Обращение к Организации Объединенных Наций, американский народ нанесет удар по поджигателям войны.

Конгресс — колоссальное прогрессивное явление. Он давал каждому из нас возможность проявить верность и преданность своей родине, своему народу и в то же время проявить верность делу мира.

Мне бы хотелось несколько слов сказать о предательской роли правых профсоюзных лидеров Америки. С тех пор как они начали поддерживать политику Трумэна, то есть политику войны, рядовые члены профсоюзов ощутили это на себе. Их заработная плата и условия работы значительно ухудшились. Я уверен, что когда такие лидеры, как Мэррей, Грин, Кэрри, Рейтер, выступают в поддержку политики Трумэна, они не выступают от имени миллионов трудящихся США.

Говоря о миролюбии советского народа, Эдвард Бобрович заявил:

— Мирные настроения в Советском Союзе сильны и честны, советские люди желают мира. Все, что мы видели в Москве и Ленинграде, проникнуто желанием мира, мира и еще раз мира.

Я хотел бы сказать советским друзьям, что это желание мира советского народа разделяется миллионами трудящихся Соединенных Штатов Америки.



За Сталина, за коммунизм!



В Сталинском избирательном округе Ленинграда. Планировщик чугунолитейного цеха завода имени Сталина Л. А. Соколов, кандидат в депутаты Калининского районного Совета, выступает в агитпункте на собрании избирателей в связи с согласием товарища И. В. Сталина баллотироваться в Ленинградский областной и городской Советы.

Фото Б. Глебова

У наших людей есть прекрасная традиция: в дни выборов Советов они окидывают мысленным взором все, что дала им родная советская власть, вспоминают, как подняла она и возвеличила человека труда. Обращаясь к прошлым годам социалистической стройки и к светлому будущему, советские граждане с чувством горячей любви произносят дорогое имя вождя.

Москва, Ленинград, Киев, Сталинград, Тбилиси, Гори, Ташкент, Баку... Не перечтешь всех городов страны, где окружные избирательные комиссии зарегистрировали Иосифа Виссарионовича Сталина кандидатом в депутаты городских Советов. В различных городах союзных республик зарегистрированы кандидатами в депутаты городских Советов соратники великого Сталина — руководители большевистской партии и советского правительства.

Свою любовь к вождю советский человек всегда выражает трудовыми подвигами, успехами в творчестве и учебе. Вести о них доносятся изо всех избирательных округов, где баллотируется товарищ Сталин.

Москва. Сталинский район. Машиностроительный завод. Коллектив этого предприятия перевыполнил свое обязательство — не 5, а 1 декабря завершен годовой план.

Киев. Машиностроительный завод. Бригадир слесарей-монтажников товарищ Гудзивный. С начала пятилетки он трудится уже в счет тринадцатой годовой нормы.

Баку. Шестой промысел треста «Сталиннефть». Первого декабря закончен годовой план добычи нефти...

И так во всех избирательных округах, где баллотируется товарищ Сталин. Здесь особенно зримы приметы близящегося праздника. По улицам, когда наступают ранние зимние сумерки, идут на огни гостеприимных агитпунктов старики и молодежь, работницы и домохозяйки. У всех приподнятое настроение, хочется собраться вместе, погозорить друг с другом, послушать рассказ товарища. И нет более красноречивой агитации, нежели факты из нашей жизни, разительные перемены, свершившиеся в ней. И люди, присматриваясь к этим полным глубокого смысла переменам, вновь и вновь обращают свои думы к творцу счастья нашего — великому Сталину.



В доме, где жил С. М. Киров

В Ленинграде агитпункт избирательного участка № 30 помещается в здании, на фасаде которого укреплена мемориальная доска с надписью:

«В этом доме в 1926—1934 годах жил Сергей Миронович Киров».

И сейчас здесь немало жильцов, которые хорошо помнят Сергея Мироновича.

Вот комсомолец Владимир Матусов. Ему было девять лет, когда Киров увидел его на смотре юных дарований, проводившемся в Ленинграде. Маленький Вова замечательно подражал пению птиц. Сергей Миронович заинтересовался им и потребовал, чтобы способному мальчику были созданы все условия для получения музыкального образования. Ныне Владимир Матусов учится в Ленинградской консерватории по классу пения и с успехом выступает уже в оперных спектаклях. Он отличник, сталинский стипендиат.

Пенсионерка Вера Павловна Петрова с 1918 года живет в доме 26/28 по Кировскому проспекту. Она часто встречала Сергея Мироновича. В канун шестнадцатой годовщины со дня злодейского убийства пламенного трибуна революции Вера Павловна принесла в агитпункт ветви елей и попросила украсить ими портрет Кирова.

Каждый год 1 декабря жильцы этого дома собираются на торжественно-траурное заседание. В этом году оно проходило в агитпункте. Сюда пришли многие из тех, кто лично знал незабвенного Сергея Мироновича Кирова.

Доклад на заседании сделал агитатор Дмитрий Шангичев. Он работает слесарем-лекальщиком на заводе «Линотип» и одновременно учится на четвертом курсе исторического факультета Педагогического института имени Герцена.

Агитатор ярко и образно рассказал о жизни и деятельности Сергея Мироновича Кирова — неустрашимого борца за коммунизм, пламенного большевика, верного соратника Ленина и Сталина, любимого сына советского народа...

Избиратели 30-го участка побывали также на экскурсии в расположенном неподалеку Музее С. М. Кирова.

Музей пользуется у ленинградцев большой любовью. Здесь всегда много посетителей, но особенно велик их поток в траурные кировские дни. Среди экскурсантов можно часто встретить людей, которые знали, видели и слушали Кирова. Однажды, например, сюда пришла женщина, которая дополнила слова экскурсовода рассказом о том, как Сергей Миронович послал ее мужа, бакинского комсомольца, на учебу и подарил ему микроскоп. Человек этот стал видным ученым. Он погиб на войне, и его семья, как драгоценнейшую реликвию, хранит микроскоп — подарок Кирова.

Сотни экскурсий побывали в этот декабрьский день в Музее С. М. Кирова. Значительная часть экскурсий была организована агитпунктами избирательных участков.

На предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях Ленинграда состоялись торжественно-траурные собрания, посвященные памяти Сергея Мироновича Кирова.

Л. ФЕДОРОВ

Антарктика—Одесса

Снова, как и три года назад, моряки китобойной флотилии «Слава» будут выбирать местные Советы, находясь вдали от Родины, в водах Южного полушария.

С борта флагманского судна радируют редакции «Огонька»:

«За кормой остались «ревущие сороковые» — так на всех языках мира называют сороковые широты Южного полушария, славящиеся своими бурными погодами. Преодолевая сильный шторм, корабли продвигаются к югу, в район промысла.

Тысячи миль отделяют моряков от Большой советской земли, родной Одессы. Но вместе с земляками экипажи будут участвовать в выборах местных Советов депутатов трудящихся. Избирательный участок, охватывающий все корабли флотилии, расположен на борту флагманского судна «Слава».

В поселке китобойной флотилии «Слава». Агитатор Л. Г. Харченко беседует с семьями китобойцев.

Фото М. Рыжака

Здесь открыт агитпункт, организована консультация для избирателей. В судовой типографии отдельной брошюрой издано Положение о выборах. В кубриках и каютах агитаторы проводят беседы о Сталинской Конституции.

На собраниях судовых команд кандидатом в депутаты Одесского городского Совета по 597-му избирательному округу моряки выдвинули механика-дизелиста Григория Григорьевича Запорожченко и кандидатом в депутаты Водно-транспортного районного Совета Одессы по 96-му избирательному округу — начальника управления флотилии Виктора Александровича Величко.

Выступая на собрании команды базы «Слава», старший рулевой товарищ Варваров сказал:

— Недавно, во время стоянки в южноафриканском порту Кейптаун, мы, советские люди, еще раз имели случай убедиться, чего стоит хваленая «западная демократия». Английские колонизаторы нещадно эксплуатируют местное коренное население — негров, подвергают их расовой дискриминации, обрекают на нищету и бесправие. Только в нашей стране трудящемуся человеку обеспечена свободная и счастливая жизнь.



В день празднования 30-летия советской Армении в Ереване, в парке Победы, открыт монумент-скульптура товарища И. В. Сталина.

В парке состоялся митинг. Под звуки Государственного гимна передовые люди Армении открывают величественный монумент. Спадает шелковый покров, и перед тысячами людей предстает скульптура любимого вождя.

Монумент создан лауреатом Сталинской премии С. Меркуровым и архитектором Р. Исраеляном.

Корейскому другу

Джек ЛИНДСЕЙ

Навис над Англией моей
Предательства туман,
Не видно солнечных лучей,
В сердцах людей — обман.

Покрыты мрачной пеленой
Холмы моей страны,
Но знай, товарищ дальний мой,
Что мы тебе верны.

Пусть голос мой к тебе дойдет
Сквозь непогоды вой.
Нет, не обманут мой народ:
Всем сердцем он с тобой.

Дай руку! В грозный час войны
Хочу ее пожать.
О, как мне смыть с моей страны
Позорную печать!

Перевел с английского
Вл. РУБИН

Находясь вдали от Родины, каждый из нас повседневно ощущает заботу советского государства. Мы не беспокоимся о своих семьях — знаем, что им в Одессе живется хорошо.

26 ноября флотилия прибыла в район промысла и приступила к охоте на кашалотов. Счет пятого промыслового рейса открыл знатный гарпунер Герой Социалистического Труда Николай Гниляк. На море продолжает бушевать шторм, корабли флотилии маневрируют между огромными пловучими айсбергами. Но эти трудности не мешают успешному ходу промысла. Вслед за Гниляком забили первых китов Герои Социалистического Труда тт. Панов, Пургин и другие гарпунеры флотилии. Одновременно с промыслом ведется научная работа. 22 декабря в соответствии с международной конвенцией начнется добыча усатых китов.

☆ ☆ ☆

Корреспондент «Огонька» сообщает из Одессы:

Неподалеку от Одессы в живописной дачной местности Девятая станция (на Среднем Фонтане) раскинулся поселок китобойной флотилии «Слава». В новеньких коттеджах живут семьи моряков. Часто по вечерам жители собираются на квартире агитатора Лаврентия Григорьевича Харченко. Сюда приходят Валентина Михайловна Максимович, Лидия Александровна Кузнецова, Фаина Феофановна Копытова, Екатерина Петровна Голенищева и другие — жены, матери и сестры моряков, находящихся в плавании. Харченко рассказывает им о Втором Всемирном конгрессе сторонников мира в Варшаве, великих стройках коммунизма на Волге, в Средней Азии и на Украине.

В центре города, неподалеку от знаменитой Потемкинской лестницы, в просторном, недавно отстроенном доме получили квартиры семьи знатных гарпунеров флотилии Героев Социалистического Труда тт. Гниляка, Панова и Пургина.

Уютно и нарядно выглядит квартира Афанасия Николаевича Пургина. Жена Афанасия Николаевича Ольга Федоровна недавно стала матерью. Почти все время она проводит дома с малышом. Ее часто навещают агитаторы. Разговор заходит об Антарктике, о доблести советских людей, больших и радостных переменах в их жизни. Ольга Федоровна с волнением говорит о людях флотилии, о своем муже Афанасии Николаевиче, о том, как подняла и возвеличила его советская власть.

ЧТОБЫ ЛЮДЯМ ЖИЛОСЬ ХОРОШО

Не так уж интересно, о чем говорят в троллейбусе, когда он отходит от Смоленской площади. Но лишь только кто-нибудь из пассажиров, глядя в окно, обронит несколько слов о внешнем виде улицы, площади или сквера, Виталий Иванович Долганов прислушивается. На площади Свердлова пассажиры делятся впечатлениями о новом сквере, и тут Долганов — весь внимание. Да, низкий ковровый сквер, несмотря на уверения специалистов, не особенно нравится москвичам. Нужно сажать деревья, чтобы была тень и чтобы людям было где отдохнуть. И со старым сквером у Большого театра будет больше гармонии.

Приходя к себе в архитектурное управление, Виталий Иванович снова берется за наброски, зарисовки, планы.

Прислушиваться к мнениям людей, хотя бы и незнакомых, для Долганова — профессиональный долг. Все его творчество, все заботы направлены к тому, чтобы им, этим людям, красиво и хорошо жилось. Весной, когда высыхал асфальт, он смотрел, как на тротуарах и во дворах детвора усердно чертила «классы», смотрел и сокрушался, что ребята не слышат первого стрекота кузнечиков. Летом он мечтал о зеленой прохладе для людей, изнывающих у киосков с газированной водой. На цоколях новых московских домов ему виделись узорные пятна тени от листвы.

Любовь к деревьям у Долганова родилась давно. Еще в Горьком, на родине, он выходил на откос Волги, где срывался вниз зеленый каскад. Он учился тогда в художественном институте, и его приятели-деревья заселяли все альбомы и холсты. Потом, когда он стал преподавать рисование в школе, малыши старательно выводили в своих тетрадках контуры елок и берез. И Долганов старался, чтобы ребята почувствовали красоту деревьев.

Позже начались сомнения. Виталий Иванович решил учиться дальше. Но выбор профессии оказался делом сложным. Долганова-художника привлекала архитектура, любовь к природе тянула его в Лесной институт. Однако он решил одновременно убить двух зайцев, и ему это удалось. Пошел он все-таки в Архитектурный, но решил заниматься строительством парков и скверов. Диплом защищал на тему «Реконструкция Центрального парка культуры и отдыха имени Горького». А скоро студенческие замыслы стали претворяться в жизнь. План реконструкции Москвы предусматривал создание зеленого пояса. И Долганов весь ушел в новую работу, потому что это было его прямое дело, и не только прямое — любимое и желанное.

В мире немного городов, обладающих такими огромными парками, как наша столица. Где вы найдете парк, равный Измайловскому — 1100 га! Но эти зеленые массивы разместились главным образом на окраинах. Теперь нужно было озеленить центр. И Долганов с друзьями занимались этим.

На Болотной площади, у Каменного моста, был пустырь. Когда-то тут казнили бунтовщиков, а потом на месте эшафотов встали купеческие лабазы. Все это ушло в историю. Сегодняшний социалистический день принес городу счастье и красоту преображения. На месте Болотной площади нужно развернуть сквер. Снова десятки зарисовок и планов завалили стол Виталия Ивановича. А он все отвергал и отвергал их. Нужно было думать не только о нынешних удобствах, но и представить красоту завтрашнего.

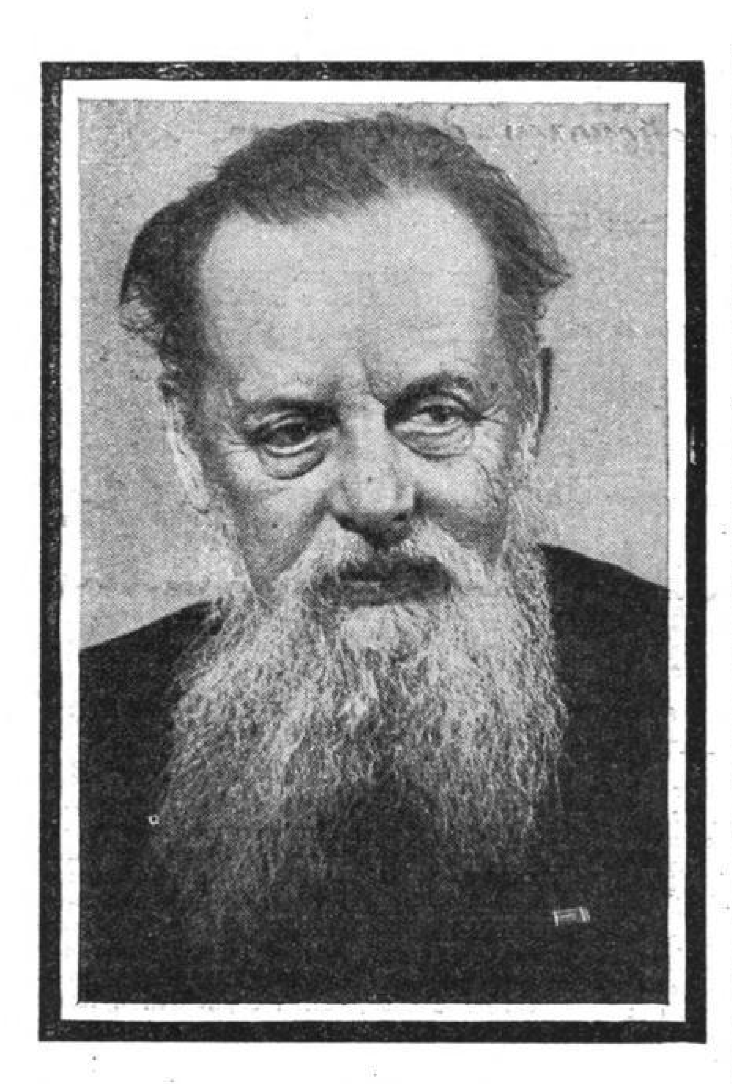
Это длинный перечень — сады, скверы, бульвары, подступы к стадиону «Динамо» — всего, что окружает теперь москвичей и что родилось на столе у Долганова. Но будет несправедливо сказать: «на столе». Потому что его заботы совсем не кончались составлением проекта. Он ездил сам за деревьями и выбирал каждое отдельно. Когда в Москве он встречал их на новоселье, Долганов узнавал деревья, улыбался, хлопал дружески их по стволам и придирчиво узнавал, как здоровье новоселов.

Тысячи москвичей читают газеты, отдыхают на скамейках под тенью лип. Помнят ли они о людях, которые сделали это для них? Конечно, помнят. Потому-то и выдвинули кандидатом в депутаты Моссовета В. И. Долганова — человека, который заботится об отдыхе москвичей.

Е. ТАРХАНОВА



В. И. Долганов и архитектор В. М. Семенова.
Фото Б. Дмитриева



П. П. БАЖОВ

Советская литература понесла большую утрату.

После тяжелой болезни скончался замечательный советский писатель, знаменитый уральский сказочник Павел Петрович Бажов. Старый коммунист, человек с острым глазом и чутким ухом, умеющий слушать и наблюдать жизнь своего великого советского народа, писатель большого сердца и своеобразного таланта, Павел Петрович в поэтических, неповторимых сказах прекрасно запечатлел тяжелое прошлое и светлое, героическое настоящее уральских рабочих.

Выходец из коренной уральской рабочей семьи, он с детства слышал от своей бабушки Авдотьи Петровны и стариков-рабочих изустные предания о смелых русских землепроходцах, о чудесных уральских мастерах, уменье и хитроумие которых неизменно торжествовали и над консерватизмом заводского начальства и над тупоумием, рутинерством иностранных инженеров. Став народным учителем, Павел Петрович бродит летом по родному Уралу, собирая сокровища народного творчества, легенды и сказы, не менее изобильные в тех краях, чем самое богатство горных недр.

Все эти сказы, поэтически осмысленные и воссозданные чутким и тонким художником, он сводит в своей замечательной, теперь уже всемирно известной книге «Малахитовая шкатулка».«Малахитовая шкатулка» — это подлинное хранилище бесценных сокровищ народного творчества, собранных и ограненных великолепным мастером-художником. Из сказов этих, на дореволюционные и современные темы, вырисовывается замечательный образ рабочего-уральца, смелого, умелого человека, талант которого в темные годы царизма не в силах были загасить ни страшные условия работы на заводах, ни тупость иностранных инженеров и который так прекрасно расцвел сейчас, в сталинскую эпоху.

Центральной темой бажовских сказов была и остается тема труда и созидания, тема смелого трудового творчества, героизм новаторства.

Настоящий большевик, активный участник Октябрьской революции и гражданской войны, работник большевистской печати в послереволюционные годы, Павел Петрович плодотворно работает над пополнением литературных сокровищ своей «Малахитовой шкатулки» до самых последних дней своей большой и светлой жизни. Последние сказы Бажова были напечатаны в «Огоньке» и «Советском Союзе», когда писатель уже лежал, прикованный тяжелой болезнью к постели. Свою литературную работу Павел Петрович все время сочетал с большой общественно-политической работой, являясь депутатом Верховного Совета Союза ССР и руководя уральской организацией Союза советских писателей.

Знавшим Павла Петровича трудно, просто невозможно представить себе этого кипучего писателя-большевика мертвым. Да так оно и есть. Смерть не властна над такими людьми. Павел Петрович Бажов будет вечно жить в сознании советских людей в своих замечательных произведениях, в которые он вложил свое большое сердце советского человека, свою чистую, прекрасную душу писателя-большевика.

Борис ПОЛЕВОЙ

Дневник ОГОНЬКА

СЕССИЯ ДВУХ АКАДЕМИЙ

Три дня продолжалась объединенная сессия двух Академий — отделения литературы и языка Академии наук СССР и Академии педагогических наук РСФСР, — посвященная гениальным трудам товарища И. В. Сталина по языкознанию и вопросам преподавания языков в советской школе.

Три дня в просторном зале московского Дома ученых происходили деловые заседания. В них приняло участие свыше полутора тысяч деятелей науки и культуры, преподавателей высшей школы, педагогических институтов и техникумов, учителей средней школы, представителей учебных и научных учреждений союзных республик, прибывших со всех концов нашей необъятной Родины.

Открывая сессию, президент Академии педагогических наук И. А. Каиров сказал:

— Гениальные труды Иосифа Виссарионовича Сталина по вопросам языкознания имеют руководящее, направляющее значение для науки. Это программа научной деятельности советских языковедов, преподавателей высших и средних учебных заведений.

С напряженным вниманием прослушали участники сессии доклады академиков Г. Ф. Александрова и В. В. Виноградова.

О величии, могучей и плодотворной силе сталинских идей, вдохнувших новую жизнь в советское языкознание, говорит В. В. Виноградов:

— Работы И. В. Сталина по вопросам языкознания произвели крутой, коренной переворот в развитии советской науки о языке. Обогащая сокровищницу творческого марксизма новыми идеями и открытиями, они дают глубокие и ясные ответы на целый ряд сложнейших вопросов философии, истории, филологии и других общественных наук.

Основам преподавания русского языка в школе посвятил свой доклад член-корреспондент Академии наук СССР С. Г. Бархударов. Он подчеркнул то исключительно важное значение, которое имеет для нашей школы учение товарища Сталина о грамматическом строе языка и о задачах грамматики как научной дисциплины.

— Школа, — говорит С. Г. Бархударов, — должна дать ученикам представление об основном словарном фонде русского литературного языка, общенародном по своему характеру, очень устойчивом и являющемся базой для образования новых слов. Школа должна показать богатство и разнообразие русского словарного состава, его непрерывное развитие и расширение в связи с ростом материальной и духовной культуры нашего народа. Школа должна дать учащимся понятие о лексической системе русского языка, которая обычно раскрывается в толковых словарях в виде значения слов.

Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания, — подчеркнул докладчик, — написаны таким классически точным, ясным и простым языком, что они вполне доступны каждому ученику старшего класса. Необходимо, чтобы наша советская молодежь, покидая среднюю школу, хорошо знала основные творческие идеи И. В. Сталина в области языкознания, идеи, которые являются вместе с тем огромным вкладом в сокровищницу марксистско-ленинской методологии. Поэтому нужно в программу десятого класса включить курс под названием «Основы сталинского учения о языке». Перед советской школой стоит новая большая, ответственная и почетная задача — реализовать великие творческие идеи товарища Сталина по вопросам языкознания в преподавании русского языка, внедрить марксистское языкознание в школьную практику.

Член-корреспондент Академии педагогических наук В. А. Добромыслов в своем докладе подробно изложил вопросы методики преподавания русского языка в средней школе; член-корреспондент Академии педагогических наук А. Н. Гвоздев осветил вопросы современной орфографии и методики ее преподавания; член-корреспондент И. В. Рахманов проанализировал задачи преподавания иностранных языков в школе; профессор В. М. Чистяков говорил о методике преподавания русского языка в национальной школе.

В обсуждении докладов приняли участие около пятидесяти научных работников и педагогов, которые внесли целый ряд ценных предложений.



На объединенной научной сессии, посвященной работам товарища И. В. Сталина по языкознанию.

Фото В. Шаровского (ТАСС)

Первенец электрификации страны

Не прошло и месяца со дня Октябрьской революции, когда Владимир Ильич Ленин беседовал в Смольном с выдающимся русским ученым, ныне академиком, Александром Васильевичем Винтером. Речь шла о топливных и энергетических ресурсах Москвы. «Я сообщил Владимиру Ильичу, — вспоминает академик Винтер, — о гигантских энергетических запасах, заключенных в огромных торфяных массивах Подмосковья (Шатура и др.), и высказал мнение о том, что их следует разрабатывать и для сжигания торфа построить крупную районную электростанцию, которая будет снабжать Москву электроэнергией.

Владимир Ильич Ленин... одобрил проект и приказал немедленно приступить к его практическому осуществлению и обещал оказать новому строительству всемерную помощь и поддержку.

Тогда же в Смольном были приняты решения об отпуске необходимых для этого денежных и материальных средств, продовольствия и одежды для рабочих.

Декабрьский день 1917 года в Смольном и следует считать первым днем сооружения Шатурской электростанции».

Николай Никитич Макалкин, начальник электроцеха Шатурской станции, рассказывает:

— На строительство нашей станции пришло много молодых ребят из окрестных деревень. Начинали мы работать землекопами, каменщиками, малярами, а потом становились кочегарами, турбинистами, электриками. И сейчас многие из этих людей трудятся на станции — начальник смены турбинного цеха Библиев, заместитель начальника механического цеха Митрохин, мастер Арзамазов, старший кочегар Рагуткин и другие.

Двадцать пять лет тому назад, 6 декабря 1925 года, состоялось торжественное открытие Шатурской ГРЭС. С тех пор ни на один день не прекращалась подача электроэнергии Москве и Московской области.

В последние годы рабочие, мастера, техники и инженеры дважды орденоносной Шатурской ГРЭС имени В. И. Ленина успешно разрешили ряд важных технических проблем. Это позволило значительно увеличить установленную мощность электростанции. Шатурцы с успехом участвуют во Всесоюзном социалистическом соревновании энергетиков.

ДЕКАДА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА



На открытии декады в Колонном зале. В президиуме (слева направо): Мирза Ибрагимов, Самед Вургун, Н. С. Тихонов, заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б) Азербайджана Я. М. Кирсанов, Мамед Рагим.

Фото В. Савостьянова (ТАСС)

— Мы знаем Москву, как самого взыскательного, строгого и требовательного ценителя. То, что нравится Москве, нравится всем народам, всему миру. То, что скажет Москва,— это всегда правда, и эта правда помогает дальнейшему развитию и прогрессу.

С такими взволнованными словами обратился председатель правления Союза советских писателей Азербайджана Мирза Ибрагимов к двухтысячной аудитории, собравшейся на открытие декады азербайджанской литературы и искусства.

Огромный интерес вызвал приезд в Москву выдающихся азербайджанских писателей и артистов. В Колонном зале, дворцах и домах культуры — повсюду их тепло встречали, с неослабным вниманием слушали стихи Самеда Вургуна, Сулеймана Рустама, Мамеда Рагима, Расула Рза на азербайджанском языке и в переводах. Неизменным успехом сопровождались концерты мастеров национального искусства.

Героям гражданской войны вручены ордена

30 апреля 1920 года Реввоенсовет республики издал приказ № 157: красноармеец Иван Феликсович Пиртань за подвиг на поле боя награждался орденом Красного Знамени.

Доброволец Красной Армии И. Ф. Пиртань был артиллеристом. Во время одного из боев его батарею окружил батальон белогвардейцев, стремившихся захватить пушки. Артиллеристы отбивались, орудия непрерывно вели огонь по противнику. Белогвардейцы не вынесли губительного огня и штыковой атаки артиллеристов и позорно бежали. Мужественные красноармейцы спасли батарею. Этот подвиг и отметил приказ № 157.

Вскоре, в другом бою, Иван Пиртань был ранен. Он находился в деревне Муражи на Полочине, которая в дальнейшем оказалась по ту сторону границы, в панской Польше. Адрес красноармейца был неизвестен, и орден остался неврученным.

Интересна судьба и другого ордена Красного Знамени. За мужество и отвагу по приказу № 353 от 21 декабря 1921 года им был награжден красноармеец Семен Филиппович Шевелев. Батрак из деревни Неглюбка на Гомельщине стал солдатом молодой революционной России. Он участвовал в боях против банд Деникина, Колчака, освобождал родную Белоруссию от белополяков.

Однажды во время боя группа белогвардейцев пыталась захватить в плен командира полка. Семен Шевелев кинулся в самую гущу схватки выручать командира. Штыком и прикладом, выстрелами в упор он разогнал белогвардейцев. Жизнь боевого товарища была спасена.

В этой схватке красноармейцу-герою враги нанесли тяжелые раны. С поля боя его отправили в госпиталь, а спустя некоторое время демобилизовали. Приказ Реввоенсовета о награждении орденом остался ему неизвестен.

И вот прошло 30 лет. Давно отгремели бои гражданской войны. Оба бойца жили в своих селах. И совсем недавно письма, прибывшие по почте, напомнили им о тех славных днях. Одно из писем было доставлено бригадиру кирпичного завода сельхозартели имени Сталина Светиловичского района на Гомельщине С. Ф. Шевелеву, второе получил председатель Муражского сельсовета Браславского района на Полочине И. Ф. Пиртань. Их вызвали в Минск для получения правительственных наград.

30 лет наградной отдел Президиума ЦИК и Президиума Верховного Совета СССР разыскивал двух героев гражданской войны. Но лишь теперь, после долгих поисков, их местонахождение было установлено. Начальник штаба Белорусского военного округа принял ветеранов Красной Армии и вручил им боевые награды.

На груди колхозника Семена Шевелева появился второй орден; орденом «Красная Звезда» он был награжден в Великую Отечественную войну, когда находился в рядах Советской Армии.

С. ВЕРШИНИН



Семен Филиппович Шевелев (слева) и Иван Феликсович Пиртань после вручения им орденов за боевые подвиги в годы гражданской войны.

Фото В. Дагаева

Полвека на концертной эстраде

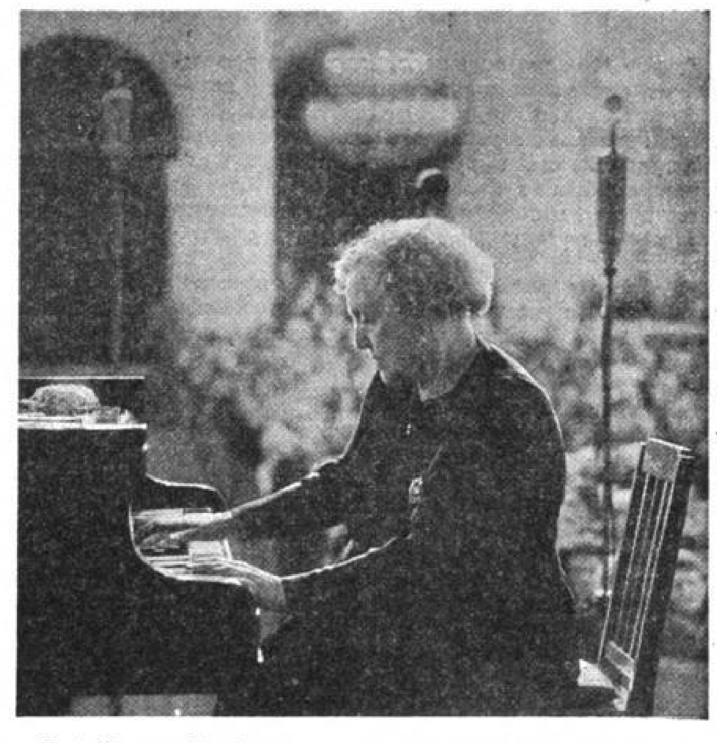
«Когда Вы начинаете играть, на душе сразу становится тепло...» «Благодаря Вам мы полюбили хорошую, серьезную музыку, которая стала для нас источником бесконечной радости...»

Так пишут советские радиослушатели московской пианистке Елене Александровне Бекман-Щербине, имя которой известно в самых далеких уголках нашей страны. Люди самых различных профессий благодарят артистку, чья игра раскрывает перед ними гениальные творения искусства.

Уроженка Москвы, артистка прошла в столице весь свой творческий путь. Она окончила Московскую консерваторию в возрасте семнадцати лет с золотой медалью.

В 1900 году, пятьдесят лет назад, молодая пианистка впервые выступила в открытом концерте. С этого времени начинается непрерывная концертная деятельность Бекман-Щербины.

В советскую эпоху артистка с энтузиазмом отдается творческой работе, неся свое искусство в широкие массы.



Е. А. Бекман-Щербина на концерте в Колонном зале Дома союзов.

Фото П. Евгеньева

Е. А. Бекман-Щербина — одна из лучших наших музыкантов-педагогов, воспитавшая несколько поколений пианистов.

За заслуги перед советским искусством правительство наградило Е. А. Бекман-Щербину орденом Трудового Красного Знамени и присвоило ей звание заслуженной артистки РСФСР.

Недавно музыкальная Москва отметила пятидесятилетие концертной деятельности талантливой пианистки.

Б. ЯГОЛИМ

ПЕРВЫЕ ГРУЗЫ ДЛЯ ТУРКМЕНСКОГО КАНАЛА

Много путей скрещивается в Чарджоу — крупном железнодорожном узле Туркменистана. Из Ташкента идут сюда грузы для Хорезма и Кара-Калпакии, в красноводских и ашхабадских составах — вагоны с длинноволокнистым туркменским хлопком, шелковистыми шкурами каракуля и золотистыми дынями «гуляби».

Недавно на станцию Чарджоу прибыли две платформы; на ящиках новый, радующий каждого советского человека адрес: «Грузополучатель — «Средазгидрострой». Это первый из Ленинграда груз для строителей Главного Туркменского канала: две дизельные электростанции. Вскоре появилось еще несколько вагонов с тем же адресом. Строителям направляют утепленные палатки и разборные дома для первого жилого поселка на трассе. Из Андижана в Чарджоу идут нефтедвигатели «Андижанец-1», из Улан-Удэ следует эшелон леса и пиломатериалов для Главного Туркменского канала — от сибирских лесорубов.

За продвижением эшелонов внимательно следят железнодорожники Ташкентской и Ашхабадской дорог.

Н. СОЛОВЬЕВА

КОРОТКО

ДЕКАДА ПОКАЗА новых произведений советских композиторов Армении состоялась в Ереване. Это был творческий отчет работников искусств к 30-летию республики. Исполнялись главным образом произведения молодых композиторов, отражающие героическое революционное прошлое армянского народа, социалистическое строительство, борьбу за мир.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПАРК культуры и отдыха заложен в Сталинграде. Он займет площадь в 40 гектаров.

УЧЕНЫЙ СОВЕТ львовских учреждений Академии наук УССР заслушал доклад председателя колхоза имени Сталина, Героя Социалистического труда У. Д. Баштык. В прошлом батрачка, тов. Баштык — член Ученого совета — рассказала о своем опыте работы, об успехах ее колхоза, из года в год повышающего урожайность полей.



У нас в Броварах

З. ХИРЕН

1

Дефни Мей все еще находилась под впечатлением вечера, проведенного в гостях у киевской учительницы, и поэтому, когда по дороге в Бровары мы заговорили с ней в автобусе, она сразу же стала вспоминать то малыша, которого застала за чтением «Робинзона Крузо», то старушку, мать учительницы, обрадовавшую всех своими угощениями и рецептами различных блюд.

Невысокого роста, с гладкой, почти мужской прической, в поношенном зеленом плаще, Дефни Мей, молодая англичанка, всем своим обликом была мало похожа на магистра искусств, читающего лекции в Кембридже.

Вместе с подругами — членами делегации английских женщин — сидела она вчера вечером за столом в советской семье. Их приняли, как родных. Во время ужина много шутили, смеялись, подзадоривали маленьких: «Ну, дети, сегодня у вас есть возможность отличиться по английскому языку».

Днем в парке, напротив красного здания Киевского университета, англичанки осмотрели памятник Тарасу Шевченко. Кто-то сказал: «Как у нас Бернс». А вечером, на квартире учительницы, они увидели в книжном шкафу рядом с томами Шевченко и Пушкина томы Шекспира и Бернса.

Перед отъездом из Лондона Мей и ее спутницам кое-кто усердно доказывал, что в Советском Союзе их ни за что не познакомят с домашним бытом обыкновенных советских людей, не пустят ни в одну квартиру. Впрочем, в этом убеждали и тех, кто до них отправлялся в Страну Советов. Дефни Мей сказала, что об этой клевете даже стыдно вспоминать.

— Я увидела в СССР то, что и ожидала увидеть, — говорит Дефни Мей, погладив рукой свой высокий лоб. — В конце концов сведения о Советском Союзе я получала от наших друзей, а не от врагов; друзья рассказывают правду, одну лишь правду.

Гости посетили, кроме квартиры учительницы, и квартиру киевского рабочего с фабрики имени Карла Маркса. Слушая Дефни Мей, я вспомнил, как в этой рабочей семье англичанки спросили у хозяйки, чего ей не хватает для полного благополучия. Все стояли на кухне, возле газовой плиты. Хозяйка, уже немолодая женщина, усмехнулась:

— Еще одной конфорки...

И тут же, обняв англичанку, добавила:

— То я шучу... Скажу тебе, доченька: мир во всем мире — вот что нужно мне и всем нам.

Подобное англичанки слышали от многих людей в Советском Союзе. Это и была та правда, которую поджигатели войны всеми силами стараются скрыть от простых людей.

...Даже если не знать, что шотландка Дженонд Гесс из небольшого приморского городка Керколди всю жизнь отдала воспитанию детей, все равно, увидев ее, сразу же скажешь: это учительница. Густые седые брови нависли над добрыми зелеными глазами. Под дорожной жакеткой белеет накрахмаленная кофточка с отложным воротничком. Быстрая речь сопровождается скупыми жестами.

Дженонд Гесс за шестьдесят, из них сорок два года прошли в школе. Вчера она, как и Дефни Мей, была в гостях у киевской учительницы.

За ужином она сидела рядом с преподавательницей физики Оксаной Николаевной Кравченко, женщиной хоть и помоложе Дженонд Гесс, но тоже с седеющей головой.



Делегация английских женщин на сельскохозяйственной выставке в Броварах
Фото М. Неменмана (ТАСС)

Обе женщины говорили о том, что их больше всего волновало.

— У нас труднее вести борьбу за мир,— сказала шотландка,— не все представляют себе, что такое война.

В эту минуту Оксана Николаевна подумала о своих питомцах. Одна девочка из седьмого класса видела, как в Севастополе пошел ко дну корабль, на палубе которого оставался ее отец — военный моряк... Другая с гордостью рассказывала, как ее отец первым на танке входил в Киев. На собрании, посвященном борьбе за мир, выступила учительница, участвовавшая в войне. Все ожидали, что ее речь будет особенно мужественной. Так оно и получилось, но когда женщина вспомнила про смерть своего трехлетнего мальчика, речь ее уже звучала, как грозный приговор поджигателям войны. Ребенок погиб во время переправы через Дон. Его похоронили возле большой братской могилы, тут же, на берегу реки.

— У нас,— сказала Оксана Николаевна своей соседке-шотландке,— у нас-то все хорошо знают, что такое война...

В автобусе, кроме учительницы и магистра искусств, были и другие английские женщины — врачи, продавщица, садовница, журналистки, работницы, медицинская сестра, служащие. Все они говорили о борьбе за мир, о том, какие трудности возникают на их пути и как их преодолеть...

Вскоре показались Бровары, и беседа прервалась.

2

Слева от дороги, посреди обширной площади, открылась районная сельскохозяйственная выставка. Такие же выставки можно было этой осенью увидеть почти во всех областях Украины. Кто-то сказал о них, что они дают полное представление о том, как советские люди борются за мир. Эти слова относятся и к Броварам. На выставке, кроме великолепной пшеницы, кукурузы, картофеля, фруктов, образцы кирпича для строительства агрогородов, электромоторы, множество машин, заменивших ручной труд крестьянина.

Незадолго до приезда в Бровары я разговаривал с колхозным кладовщиком. Он жаловался мне:

— Второй аванс колхозникам предлагают, а никто за ним не идет: полны у всех амбары хлебом...

Кладовщик сидел на пороге высокого зернохранилища и повторял:

— Куда я буду ссыпать кукурузу?..

Пшеницы сняли по тридцать центнеров с гектара. С государством давным-давно расплатились, семенами колхоз полностью обеспечили, а все равно места для кукурузы не найти.

— Успеем,— отвечали ему колхозники, которых он просил, чтобы они поскорее забрали из амбаров причитающееся им зерно,— успеем, сперва на выставку съездим...

На выставке много интересного. Может быть, в этой оживленной толпе никто и не заметил бы появления англичанок. Каждый был занят своим делом: один что-то объяснял приятелю из соседнего села, другой тщательно рассматривал машины, которые предполагалось в этом году завести и у них в колхозе. Встречались тут друзья, которые бог весть сколько лет не виделись...

Пожилой крестьянин в плюшевой шляпе, узнав о присутствии англичанок, говорил мне:

— Приедут крестьяне, скажем, из Румынии или Польши, вообще из стран народной демократии — у них вопросы такие, что сразу видно: люди учатся, стараются побольше узнать, чтобы применить наш опыт у себя. Иначе на все смотрят американцы или англичане. Конечно, если б то простые люди, а то ведь от них больше корреспонденты приезжают... Только и ищут, где что не так... Сами знаете, все у нас им «не так»...

— Не иначе, как делегация идет, вон там,— перебила моего собеседника женщина, дежурившая в одном из колхозных павильонов.

— Может, скажешь, из Переяслава?—не без ехидства спросил у нее старик.

— А откуда же?

— «Откуда, откуда»! — передразнил он ее. — Аж из самой Англии, да прямо к нам в Бровары!

Однако он ошибся, думая, что новость ошеломит соседку.

— Нехай себе смотрят на здоровьичко, абы польза была,— ответила та и занялась своими делами.

— Что вы мне говорите: «англичанки, англичанки»! — вдруг рассердилась другая колхозница, закутанная в огромную белую шаль. — Будто у меня у самой глаз нет... Вижу, что они такие же, как мы, простые, а не какие-нибудь черчилльши... А что в Бровары приехали, ничего удивительного нет, теперь Бровары известны многим... — С этими словами она стала быстро выгружать из подводы корзины с яблоками.

— Попробуйте! — обратилась она к одной из англичанок.

Но и так уж вокруг только и слышно было: «Попробуйте, поглядите...»

Павильонов много, и во все приглашают зайти.

Дженонд Гесс задержалась возле павильона колхоза имени Щорса. Ее там заинтересовала чумиза. Она сказала, что у них в Шотландии чумизу не выращивают, а ввозят из Индии.

— Выходит, что у нас в Броварах агрономы таки добре разбираются в культурах,— заключил колхозник, когда ему перевели слова старой шотландской учительницы.

Тут же он преподнес ей целый веник чумизы.

Группа английских женщин подошла к павильону колхоза имени Молотова. Дежурив-

шая там колхозница Варя Мищенко ответила на множество вопросов. «Колхоз-миллионер» — что это значит? Сколько она лично платит за дом? Почему даром? Имеет ли собственную усадьбу? Почем она продает картофель, имеет ли собственных свиней?

— Подари им, Варечка, вот тот початочек,— кричит чей-то бас, указывая на огромный початок кукурузы, но Варя уже сама давно предлагает:

— Берите, берите, не стесняйтесь, это вам от наших колхозниц...

— Нехай у себя в Шотландии посадят,— говорит садовод, чернявый хлопец с ямочками на щеках.

— Возьмите грушу, это наша, броварская,— предлагает он, когда рядом появляется Дефни Мей с полными руками подарков.

Немного в стороне от павильонов расположен городок механизации, где можно познакомиться со многими приспособлениями и машинами, заменяющими ручной труд. Здесь всеми делами заправляет колхозный техник Андрей Корж. Невысокого роста, худощавый, в темном костюме, в перчатках, стоит он посреди своих машин, как капельмейстер. Стóит ему махнуть рукой, как немедленно кто-то включает рубильник и машины начинают действовать.

Увлекшись, Андрей Корж объявляет:

— Товарищи и мадам! Если понадобится, мы и у вас в Лондоне можем провести такую же механизацию молочных ферм...

Все хохочут. Слова Коржа переводят англичанкам, смеются и они.

То одна, то другая гостья останавливала прохожих и начинала о чем-то расспрашивать. Колхозницы с удовольствием отвечали на вопросы, спрашивая, в свою очередь, гостей о том, как они у себя в Англии борются за мир. Подолгу стояли англичанки возле лавок промтоваров и продовольствия. Они сравнивали цены в Броварах с лондонскими и пришли к заключению, что в Броварах все намного дешевле.

Возвращаясь к автобусу, англичанки остановились возле центрального павильона. Марго Квик — молодая, худенькая, темноволосая женщина — обратилась к колхозницам с приветствием от имени батраков Англии. Держа в руках подаренные ей на выставке огромные яблоки, тыквы, стручки красного перца, она сказала:

— Я сама садовница. Сегодня самый замечательный день моего пребывания в Советском Союзе. Вы, может быть, хотите получить информацию о батраках Англии? У нас нет своей земли. За свой труд мы получаем очень низкую оплату. Сейчас, когда я увидела вашу выставку, когда вижу ваши счастливые лица, я понимаю, насколько лучше жить при социализме. Как и многие другие женщины Англии, я провожу большую работу, чтобы повлиять на наше правительство и сделать его политику политикой мира, а не войны. Вы знаете, что трудящимся всего мира нужен мир.

Вслед за садовницей слово взяла Хильда Верлин. У нее светлые глаза, нос в веснушках, и выражение лица такое, будто она непрерывно улыбается. Еще по дороге сюда Хильда Верлин в автобусе много рассказывала мне о своей стране. Она сравнивала Ирландию с одиноким деревом в пустыне, с деревом, лишенным влаги. Она говорила, что молодежь не находит себе применения в родной стране и в поисках хлеба отправляется в Англию и Америку. Население Ирландии не растет, а уменьшается. С гневом говорила она о том, как у них реакционеры призывают к крестовому походу против СССР.

— Для меня приезд в Советский Союз,— сказала колхозникам Хильда Верлин,— огромное счастье. В нашей стране распространяют много лживых сведений о Советском Союзе. В течение последних пяти лет я борюсь с этой ложью, теперь буду бороться еще сильнее.

3

Больше других англичанкам понравился павильон Вари Мищенко. Решили поехать к ней, в колхоз имени Молотова, однако попали туда не сразу. В пути пассажирки нашего автобуса увидели школьный двор, множество детей и пожелали остановиться. Они познакомились с сельскими учителями, что было особенно интересно после встречи со столичными педагогами. Беседовали и со школьниками. Вопросов задавали много. Спрашивали, все ли учащиеся, закончив школу, остаются в колхозе. Вопрос удивил сельских учителей. Лишь в этом году четырнадцать выпускников поступили в высшие учебные заведения. Да и многие из них же, учителей, в прошлом учились здесь, в школе, продолжили свое образование в городе, затем вернулись домой, но уже с дипломами педагогов.

Стол в учительской уставлен вазами с осенними цветами. Тут же несколько глобусов, приготовленных к уроку географии. Англичанки припали к глобусам, отыскивая свои родные края. Слышно было: Лондон, Глазго... Многих женщин там ждут малыши, похожие на тех, кто сейчас за окном шумно проводит свою большую перемену. Но вот кто-то показал на восточную часть азиатского материка. Корея! Женщины, которые еще минуту назад громко разговаривали, смеялись,— умолкли; наступила тишина. Может, всем им вспомнились слова студентки в Киевском университете, которая сказала им: «Не может себя считать матерью женщина, чей сын убивает мирных людей в Корее». И хотя к присутствовавшим слова эти не относились, было видно, что они заставили их о многом задуматься.

Из школы все направились в колхоз. В этом селе во время немецкой оккупации был концлагерь. Высокий холм братской могилы напоминает о военных годах. Село сильно пострадало, но сейчас оно восстановлено. Бросаются в глаза новые здания. Повсюду много машин, моторов. Англичанки не представляли себе, что колхоз — это такое крупное хозяйство. Еще больше удивились они, когда им объяснили, что это лишь пятая часть его, что здесь произошло укрупнение пяти артелей.

Председатель колхоза Михаил Винарский рассказывает гостям о технике. В артели двенадцать автомашин, из них две легковые. Поля обрабатывают больше чем десятью тракторами, хлеб убирают тремя комбайнами. В хозяйстве действуют пятьдесят электромоторов. Имеется радиоузел, обслуживающий две с половиной тысячи точек, свой клуб. Колхозники бывают в столице и стараются не пропускать ни одной премьеры в театрах, да и в село приезжают артисты из Киева.

Англичанки спрашивают, имеет ли колхоз план преобразования природы. Оказывается, что этот план давно уже осуществляется. Председатель подробно говорит о лесополосах. Гости интересуются, сколько зарабатывает колхозник, просят объяснить, что такое агрогород.

Председатель показывает гостям народное богатство. Много техники, пожалуй, побольше, чем демонстрировали на выставке...

— Вот она, борьба за мир! — с восхищением произносит одна из англичанок.

...Осенний день приближается к концу. В стеклах окон пылает закат. Гостей приглашают к столу. Вот встает одна англичанка. Она предлагает тост за матерей Украины, за тех женщин, что с твердостью перенесли годы войны, за то, чтобы в будущем такой ужас не повторился.

— В следующий раз,— говорит она,— я приеду к вам с мужем и с детьми.

Слушают ее с большим вниманием. Иногда кажется, что все эти женщины уже давно знакомы.

— Я спою старинную ирландскую песню,— объявляет ирландка.— В ней говорится о том, как молодой человек с думой о любимой девушке слушает пение жаворонка.

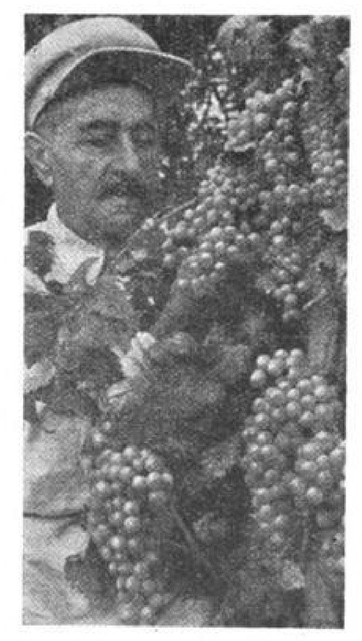
Хотя никто из колхозниц не знает ни слов, ни мелодии, но все же они стараются поддержать ирландку. Баянисту не сразу удается усвоить новый мотив, но вот из-под его пальцев полились звуки ирландской песенки.

Взявшись затем за руки, англичанки, украинки, ирландка, шотландки, раскачиваясь, поют «Распрягайте, хлопцы, кони»...

Пожилая колхозница положила руку на плечо гостье, платок сполз на спину, лицо раскраснелось. Женщина молчит. О чем-то своем думает она, и крупные слезы катятся по ее щекам... Она видит, как встает молодая высокая блондинка и говорит на чужом языке горячо, страстно. Рода Фрезер произносит речь.

— Собирая подписи под Стокгольмским Воззванием,— говорит Фрезер,— мы встречаем враждебное отношение со стороны прессы, радио, правительства. Приходится каждый раз изыскивать новые формы борьбы. Мы идем на фабрики, на заводы, в магазины. Мы уже собрали один миллион триста тысяч подписей; это немного, но вы поймете, как трудно... Конечно же, мы не удовлетворены достигнутым и добиваемся того, что к нам приходят все новые люди. Число борцов за мир растет. Женщины показывают прекрасный пример. Я лично знаю пятнадцать женщин, которые собрали более полутора тысяч подписей под Воззванием. Они для этого много потрудились. Как же иначе может поступить мать, которая заботится о будущем своих детей?! Думаю, что когда мы вернемся домой, то будем уже не теми, какими приехали сюда. Мы приобрели много новых друзей. Наша воля к борьбе за мир еще больше окрепла.

Колхозница встает и целует оратора крепко, по-матерински.



Мичуринец В. Г. Беставашвили, выведший до двадцати новых сортов винограда.
Фото М. Квирикашвили

Грузинское вино

Иван Ермолаевич Чарквиани, директор совхоза «Цинандали», Герой Социалистического Труда, сосредоточенно изучал бумажку, присланную из лаборатории.

— Наконец-то проба подходит,— сказал он.— Техническая зрелость, сахаристость и кислотность вполне приемлемы. Можно начинать...

«Можно начинать» — это был сигнал к массовому сбору винограда.

В тот же день виноград подвергается первичной переработке. Рождение молодого вина, народ называет его «мачари»,— праздник. Его отмечают торжественно и радостно.

Мы на третьем участке совхоза. Участок совершенно необычный, такого нет нигде в Советском Союзе. Здесь представлена богатейшая коллекция виноградных лоз. Пестрота, мозаичность участка (он занимает 6 гектаров) сразу видны. Виноград — то низкорослый, то высокий — с доброе дерево, то стелющийся, то малолиственный, то густой... Агроном Илья Серапионович Мжавия любовно посматривает на молодые насаждения.

Здесь свыше тысячи сортов винограда. В Крыму на коллекционном участке — 700 сортов, в Телави, в Кахетии, при Научно-исследовательском институте виноградарства и виноделия — 800 сортов.

Новый и самый большой коллекционный участок, под Тбилиси, отражает почти всю географию виноградарства.

Богато представлены мичуринские сорта винограда, в том числе и выведенные знаменитым в Грузии виноградарем и плодоводом Василием Георгиевичем Беставашвили.

Виноградники Грузии раскинулись на площади в десятки тысяч гектаров. К концу 1955 года она значительно возрастет за счет лучших, высокоурожайных сортов.

Количество наименований вин, выпускаемых в Грузии, сокращается с 60 до 25. Но теперь каждый тип вина будет выпускаться более высокого качества. Всех их объединит общая марка «Грузинское вино».

Н. НОВИЦКИЙ



Дюпоны, фабриканты смерти

Рисунки Л. Бродаты

Пять месяцев ведут Соединенные Штаты агрессивную войну в Корее. Пять месяцев проливают американские интервенты кровь корейского народа. Этой кровью забрызганы руки истинных властителей Америки — морганов и рокфеллеров, дюпонов и меллонов. На каждом долларе их барышей лежит, по выражению В. И. Ленина, «ком грязи от «доходных» военных поставок»... «на каждом долларе следы крови...»

Орган Уолл-стрита журнал «Юнайтед стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» чуть ли не в каждом номере повторяет, что пока продолжается военная истерия, доходы американских монополий будут расти. Финансистам Уолл-стрита снятся сказочные потоки золота времен второй мировой войны. Шутка ли: 53 миллиарда долларов чистой прибыли притекло тогда в их сейфы! Но и после войны прибыли уоллстритовских магнатов продолжают расти. Вклады, имущество, ценные бумаги трех крупнейших банков США — «Банк оф Америка», «Нэйшэнэл сити банк» и «Чейз нэйшэнэл банк» — увеличились вдвое.

Круто поднимаются вверх и прибыли монополий, превосходящие подчас даже рекорды времен войны. Для многих из них невиданно «урожайным» явился 1949 год. Но вот американский еженедельник «Ин фэкт» хвастливо сообщил недавно, что прибыли крупнейшей стальной корпорации «Армко стил» почти в полтора раза превзошли прибыли 1949 года. И это, конечно, не единственный пример на Уолл-стрите.

Морганы, рокфеллеры и меллоны... Но есть в кучке самых богатых финансовых династий Америки, торгующих смертью, одно семейство, которое поставило самый высокий рекорд наживы на гонке вооружений. Это — семейство Дюпонов, владельцев огромного химического концерна «Дюпон де Немур».

Если Рокфеллеров принято называть королями нефти, Морганов — стали, то Дюпонов можно назвать королями взрывчатых веществ. Возглавляющие в настоящее время фирму трое стариков Дюпонов (младшему — 70 лет, старшему—80) — потомки бежавших от революции французских роялистов. Чудовищная алхимия превращения крови в золото — воистину фамильное дело Дюпонов. Подобно немецким фабрикантам оружия Круппам, Дюпоны издавна «работают» на войну. Еще в начале XX века они изготовляли порох, потом перешли на динамит, а во время первой и второй мировых войн в колоссальных масштабах поставляли тринитротолуол. В том гигантском обогащении за счет Европы финансового капитала Соединенных Штатов Америки, которым характеризовалась первая мировая война, крупная доля принадлежала Дюпонам. Первая мировая война принесла Дюпонам доход в 200 миллионов долларов. «Трудно представить себе более удовлетворительный результат», — заявил тогда глава фирмы, кладя этот куш в карман.

И дальше Дюпоны развернулись во всю ширь своих хищнических аппетитов. Они приобрели контроль над гигантской автомобильной корпорацией «Дженерал моторс». К ним в руки попала каучуковая монополия «Юнайтед раббер компани» с ее плантациями в Малайе и Индонезии, насчитывающими 133 тысячи акров. Дюпоны — это «Нейшэнэл банк оф Детройт» и ряд других банков. Это десятки газет, отелей и других зданий, включая самый высокий в США небоскреб «Эмпайр стейт билдинг». Дюпоны запустили свои лапы и в экономику Латинской Америки: их фирма «Дюпериаль» контролирует химическую, автомобильную и резиновую промышленность Аргентины.

В настоящее время Дюпоны руководят финансовой «империей», капитал которой составляет более 6 миллиардов долларов.

В летопись фирмы Дюпон записано многолетнее тесное сотрудничество с промышленниками гитлеровской Германии и империалистической Японии. Еще в 1932 году, вскоре после нападения Японии на Китай, Дюпоны за 900 тысяч долларов продали японцам секретные материалы по взрывчатым веществам. Имея картельное соглашение с «И. Г. Фарбениндустри», Дюпоны вливали доллары в промышленность гитлеровского рейха.

Это было в начале 1933 года. Дюпоны и гитлеровский агент Гиерам, вопреки условиям Версальского договора, заключили сделку на поставку вооружения в Германию. Вице-президент дюпоновской компании «Дженерал моторс» Д. Муни, осуществлявший связь между Дюпонами и Гитлером, получил от последнего в 1938 году медаль за усердную службу. Так Дюпоны собирали все новые колоссальные барыши, за которые народы потом расплачивались кровью, голодом и муками под пятой гитлеровских завоевателей.

Нажива Дюпонов во время второй мировой войны и в период послевоенной гонки вооружений измеряется уже не девяти-, а десятизначными числами — не 200 миллионов, а 4 миллиарда. Словно на дрожжах, поднимаются доходы Дюпонов на «холодной войне». Вот один из филиалов дюпоновской империи — «Дженерал моторс»: уже в прошлом году чистые прибыли этой корпорации составили 656 миллионов долларов. Но и этот рекорд оставлен позади: только первое полугодие 1950 года дало «Дженерал моторс» 485 миллионов долларов прибыли — золотой «урожай», какого не пожинала ни одна финансовая монополия за всю историю США. Руководители «Дженерал моторс» не скрывают, что ожидаемая в текущем году прибыль может достигнуть миллиарда долларов.

Источник этих неслыханных барышей все тот же: правительственные военные заказы на вооружения и военные материалы. Во время второй мировой войны дюпоновская «Дженерал моторс» открывала список тех ста американских корпораций, которым досталась львиная доля правительственных военных заказов. Заказы, переданные «Дженерал моторс» во время второй мировой войны, составили сумму свыше 13 миллиардов долларов.

Сейчас Дюпоны орудуют в центре адской кухни, где готовится новая мировая бойня. На заводах Дюпонов производятся атомные бомбы. Представитель Дюпонов входит в промышленный консультативный комитет при сенатской комиссии по внутреннему контролю над атомной энергией. После заявления Трумэна о решении начать работы по созданию еще более варварского средства массового уничтожения — водородной бомбы — и это черное дело было передано в руки Дюпонов.

Агент Дюпонов Дональд Карпентер занимал до недавнего времени важнейший пост председателя совета вооружений США — ключевой позиции по размещению правительственных военных заказов.

Короли взрывчатки теснейшим образом связаны с фашистскими организациями в США, этими штурмовыми отрядами по борьбе с рабочим классом. Дюпоны финансируют черносотенную организацию «Американское действие» и фашистскую организацию «Стражи республики». Автор пресловутого фашистского законопроекта Мундт был избран в 1948 году в сенат на деньги Дюпонов. Так крупный бизнес, непосредственно связанный с вооружениями и милитаризацией страны, питает и взращивает в США фашизм.

Империалистическая авантюра США в Корее создала новый финансовый бум для магнатов Уолл-стрита, фабрикантов пушек и самолетов. Американское издание «Экономик ноутс» приводило в августе этого года следующее заявление одной финансовой фирмы, сделанное в связи с войной в Корее: «Большое количество компаний успешно идет в этом году по пути достижения высочайших в истории прибылей». Нью-йоркский журнал «Мэгэзин оф Уолл-стрит» писал: «При наличии даже локализованной корейской войны деловая активность останется на нынешнем высоком уровне на долгое время, а возможно, взмоет еще выше...» Газеты хвастаются, что прибыли корпораций в результате войны в Корее действительно «взмыли» более чем на 50 процентов!

Поток военных заказов для империалистической войны США в Корее уже начался. Правительственные органы, в том числе упомянутый совет вооружений, распределяют их между той же сотней крупнейших корпораций, загребающих новые сверхприбыли. Эта сотня богатейших фирм монополизировала все военное производство в США. Более мелким и подконтрольным корпорациям в поисках заказов приходится обивать пороги у китов американского бизнеса. «Если вы имеете отношение к «Дженерал моторс»,— писал журнал «Бизнес уик»,— вы можете рассчитывать на сделку непосредственно с правительством, вы войдете в горстку прямых подрядчиков. Но если вы управляете малым или среднего размера предприятием, вам никогда не видать правительственного заказа».

Льется кровь корейского народа, горят города и деревни трудолюбивой страны. Звенят золотые слитки, падая в сейфы толстосумов Уолл-стрита. Каждая бомба, сброшенная на землю Кореи, обогащает кассу жадных на кровь и золото зловещих старцев Пьера, Айрэна и Ламота Дюпонов — они потирают руки, как только поднимается где-нибудь на земле черный дым войны.

Фабриканты смерти Дюпоны займут свое место в списках врагов человечества, которых постигнет кара народов, борющихся за мир.

К. МУРАВИН





Г. Нисский. ДЕПО.



Г. Нисский. БЕЛОРУССКИЙ ПЕЙЗАЖ.





Г. Нисский. ПОСЛЕ ДОЖДЯ.

Правда художника

Недавно с большим успехом прошла в Москве персональная выставка работ художника Георгия Нисского. Сейчас она переведена в Ленинград.

Волевой целеустремленностью насыщены работы Нисского. Они отмечены печатью современности. Ощущение нового, сегодняшнего вошло в плоть и кровь художника.

Работает Нисский в пейзаже. С особенной любовью пишет он море и реки. Истинную, высокую поэзию находит и в железнодорожных путях, в мелькании шпал, беге паровоза... Для него стальные нити рельсов и мачты высокого напряжения не тот аксессуар, который притягивается многими художниками для осовременивания пейзажа: картины Нисского отражают кипучий темп нашей жизни, и поэтому мачты и железные дороги входят в его полотна уверенно, четко. Шлюзы канала имени Москвы много милее Нисскому, нежели извилистые речушки Абрамцева...

Правда, и лирический пейзаж имеет свое место, но у сторонников метода Нисского больше творческих возможностей, больше размаха. Я это говорю для молодых пейзажистов. Пусть всегда они помнят о Нисском — неутомимом искателе новых черт советского ландшафта. Пример его достоин подражания.

Нисский — первоклассный спортсмен. Он отлично знает специфику спорта, и потому все его картины, посвященные спорту, пронизаны бодрой силой, полны жизнеутверждающего оптимизма. Лыжник, взлетев с трамплина, красной птицей распростерся в морозном воздухе. Вниз убегает наезженный лыжами след, а вокруг шумит еловый лес. Ветер свистит в ушах, чуется молодой задор, закалка нашей чудесной молодежи.

Хорошо, что Нисский стремится к картине-пейзажу. Много у него и этюдов, но они имеют для художника чисто лабораторное значение. Его «Белорусский пейзаж» представляется мне одним из самых интересных произведений пейзажной живописи последних лет.

Эта картина дает возможность говорить о соединении в пейзаже двух начал — эпического и лирического. Первородство в картине эпическое — далекая ширь земли, извилистая лента дороги, подчеркивающая безграничность просторов республики. И точка зрения взята художником такая, чтоб охватить возможно больший простор. А вместе с тем с какой лирической проникновенностью написаны деревья, трава, железнодорожный путь!.. Ведь всем знакомо это ощущение легкой грусти, которое овладевает вами, когда вы стоите у окна вагона и перед вами мелькают станции, леса, реки... Легкая грусть о раз промелькнувшем милом месте мешается с гордостью за изменчивый, бесконечно разнообразный пейзаж Родины.

Такое же чувство испытываешь и у полотна Нисского «Белорусский пейзаж».

В. ЯКОВЛЕВ,
народный художник
РСФСР

БАБУШКА СЛОКА

Рассказ

Анна САКСЕ

Рисунок О. Георгиева

Бабушка Слока чувствовала себя огорченной в этот праздничный день. Она часто подходила к окну, откидывала занавеску, чтобы в комнате ярче засиял отблеск развевающихся на ветру красных знамен... Да, годы победили бабушку Слоку, и нелегко примириться с этим. Старость подкрадывается незаметно, отнимает силы постепенно, и однажды наступает такой печальный и незваный день, когда больше не можешь участвовать вместе с другими в праздничной демонстрации.

Такой день наступил и для бабушки Слоки — сердце ее рвется туда, а ноги, старые ноги, больше не слушаются сердца.

Досаднее всего, что старость пришла к ней как раз в такое время, когда больше всего хочется жить. Сколько в прошлом было таких тяжелых дней, когда она, подавленная горем, думала: «Ну что же, когда-нибудь каждый человек должен умереть, — может быть, лучше умереть сейчас...» Но теперь, в наши дни, хочется думать только о жизни, идти вместе со всеми вперед!.. В газетах нынче каждый день читаешь о том, что начала работу еще одна фабрика, такой-то работник выработал норму уже за несколько лет вперед, в деревнях уже нет больше ни одного батрака — все теперь полновластные хозяева в своих колхозах. Люди знают, куда они спешат,— они идут к коммунизму, о котором раньше нельзя было и заикнуться: тотчас сажали за это в тюрьму, расстреливали беспощадно...

И снова мысли бабушки Слоки уносятся к Петериту, давно погибшему мужу своему... Да, старость... Вот не может она больше пойти к своему Петериту на Матвеевское кладбище, где он лежит уже тридцать лет. А раньше она непременно в Октябрьский праздник приносила ему на могилу цветы и сосновые ветки, убирала зеленью могилу мужа и могилы многих других, павших в боях девятнадцатого года. Уж сколько лет прошло, но ей не забыть тех страшных дней, когда в Латвии белые захватили власть. Ах, пролились тогда моря крови и реки слез!.. Хищные звери терзали страну. Белогвардейцы охотились за рабочими и расстреливали их тысячами без суда... А другие тысячи погибли по приговору суда, по слову озверевших и беспощадных судей, которые умели писать для рабочих только одно слово — «расстрел».

Три дня Петерит не приходил тогда домой, и она не могла отправиться на поиски его: Павлик, сынок, заболел корью. С застывшим от ужаса сердцем она рассказывала ребенку одну сказку за другой, сама не слыша своего голоса. Она ждала, бесконечными часами она дожидалась знакомых шагов за дверью... Каждый звук, малейший шорох настораживал ее... Прошла ночь, прошел еще день, и еще ночь... На рассвете кто-то подошел к двери и остановился и долго стоял, не решаясь постучать. «Идти — не идти, впустить — не впустить», — она тоже не могла ни на что решиться и сидела в полном оцепенении и ждала. Потом двери открылись. Значит, они были не на замке? Она забыла их запереть? Да, наверное, так... Вошел Янис, товарищ и друг Петера. Он так и не сказал «доброе утро» или что-либо другое. Он ровно ничего не говорил и волочил ноги, как будто на них были свинцовые башмаки. Она поняла все, по одному его виду. И Янис тоже понял, что говорить незачем, она уже обо всем догадалась, и руки ее судорожно рвут мокрое полотенце, которым она только что хотела покрыть лоб Павлика.

С тех пор остались они вдвоем — она и Павлик. Проходили годы, сын подрос, он стал совсем взрослым к тем дням, когда началась война. И как ушел он тогда в начале войны, с котомкой за плечами, из дому, так и не вернулся. Осталось у нее на память только извещение о том, что сын пал смертью героя под Нарвой, и письмо самого Павлика, которое он написал и передал другу, чтобы тот отослал матери, если будет нужно. Даже фотографию вложил...

Письмо она знала наизусть и все же перечитывала почти каждый день, пока на прошлой неделе не разбились очки... До праздника она не успела обзавестись новыми очками. Но фотографию она может разглядеть и без очков. Павлик все такой же, каким уходил на войну: годы не изменили его. Только глаза стали смелее, а губы он крепко сжал, как будто заупрямился.

Бабушка Слока раскрыла альбом, чтобы поглядеть на дорогие лица. Вот Петер. Снимок выцвел, но она и так знает, как искрились глаза мужа, когда был свергнут Керенский и в Латвии утвердились Советы. Тогда рабочие выдвинули Петера на общественную должность, и за это белые его потом застрелили.

Да, он смотрит со снимка прямо ей в глаза, как живой. Волосы у него не совсем в порядке. Он даже не притронулся к ним гребенкой, когда становился перед аппаратом. Прядь волос упала на лоб. Усы у него чуть седоваты. Тогда ему было сорок пять лет.

— Ах, Петер, Петерит!.. Теперь ты был бы седым старичком. Таскать на плечах семьдесят пять — не шутка, — улыбается бабушка Слока, переворачивая страницу.

Вот Павлик, ему три года, он сидит верхом на палке с резной лошадиной головой. Это Янис сам вырезал такого коня и подарил мальчику ко дню рождения. То-то была радость, и теперь еще видно, как сверкают глаза мальчика и как белые волосики его от восторга торчат кверху. Право, хорошо, что Петер вздумал повести тогда мальчика к фотографу. «Алвит, хоть раз не пожалеем рубля,— сказал он,— останется память...» Спасибо тебе, Петерит, спасибо!..

Из-за того же вечно недостающего рубля детство Павлика не обогатилось больше ни одним снимком. Есть, правда, один, сделанный уже в новую, советскую пору, но и тот — крошечный, наспех отпечатанный для какого-то удостоверения.

Ну, а дальше следует уже тот самый снимок, что прислан был другом с фронта. На оборотной стороне фотографии написано рукой Павлика: «Мы боремся за свободу и честь своей советской Родины, мы воюем за победу коммунизма». Вот какие слова написал Павлик! Впрочем, это уже не Павлик на деревянной лошадке, это пишет Павел Слока, член партии большевиков. Он вступил в партию в тот год, когда в Латвии стал диктатором Ульманис. Павлу тогда было двадцать лет, и его уже два раза допрашивали. Оба раза ему удалось отвертеться, но позже мальчик все-таки попался. Присудили его к шести годам, он отсидел четыре и вышел из тюрьмы, когда Ульманис был свергнут и Латвия снова стала советской.

Бабушка Слока беспокойно задвигалась в своем старом кресле. Муж и сын отдали свою жизнь за победу коммунизма, а сама она... Как мало она сама сделала, чтобы можно было сказать: и она приложила руку к великому делу. Всегда выходило так, что надо было о ком-нибудь заботиться, кого-то спасать, и как будто не оставалось времени для настоящего, большого дела. Тут же в альбоме, рядом с Павлом, есть русский парень Сергей Казаков. Правда, на карточке видна только половина его лица. Все годы немецкой оккупации пришлось держать карточки вместе с книгами Павла зарытыми в земле, поэтому кое-что испортилось от сырости. Попортилась и фотокарточка Сережи.

Но Слока отлично помнит Сергея, хотя прошло двадцать шесть лет с тех пор, как он уехал. Как-то странно вышло тогда, но все же хорошо, что она так поступила. Это было в двадцатом году, ранней весной, когда днем снег уже тает, а по ночам щиплет мороз. В то время она работала в прачечной. Бесконечно долог был рабочий день. Только в десять часов вечера она могла вырваться из чадного, душного помещения. Шла она у самой горы Дзогузе и увидела: под скамьей лежит человек. Светила луна, и можно было ясно разглядеть, что человек этот одет слишком легко, на нем одни лохмотья. Стало жаль беднягу. Решила заговорить с ним. Если пьян,— не поднимется, а если в беде, — ну, по крайней мере... Да ну, разве Слока знала, что потом она сделает? Заговорила — человек отвечал ей сердито и по-русски. Но она уже по голосу поняла, что перед ней мальчик. Она пожурила его за грубость. А тот в ответ: «Меня никто хорошему поведению не обучал». Она было рассердилась, хотела уйти, но вдруг как ножом в сердце ударило: «А что если бы Павлику пришлось когда-нибудь вот так лежать на земле?..»

Долго провозилась она с мальчиком, пока уговорила его идти с ней. Оказалось: малец хороший, совсем не грубый. Во время войны он потерял родителей, попал в Латгалию и несколько лет пас коров у кулаков за харчи. Наконец, решив, что уже достаточно подрос, он захотел работать на фабрике и поплелся в Ригу. Но никакой работы найти не мог, бродил по улицам города без крова, без денег, без хлеба...

Зажили дружно. Но все-таки каждого тянет к своим, домой, на родину. И Сергей все чаще и чаще стал поговаривать о том, что попробует перейти границу — будь что будет. К счастью, Янис имел знакомство с железнодорожниками, они тайно переправили мальчика через границу.

И бывают же в жизни случайности! Уехал Сергей, и все время от него и птица вести не приносила, а в прошлом году бабушка Слока увидела знакомого черноволосого парня на странице московской газеты. Она не сразу поняла, кто это. Она только обратила внимание на его задорный хохолок. Как же зовут этого человека с хохолком? Она прочитала: «Сергей Никитич Казаков». Герой Труда! Ну, Сергей!.. И вправду Сергей! Так радостно стало на сердце, с гордостью подумала: кто знает, как повернулась бы его жизнь, если бы она тогда не вытащила его из-под скамьи? А теперь, смотри-ка, ее Сергей — Герой Труда. Молодец, Сергей!..

После того, как Сережа уехал, в ее квартире находили себе приют новые жильцы. Янис, случалось, приводил парня или девицу и говорил: «Алве, ты приюти этого человека. Но, знаешь, так, чтобы никто его не увидел». Она понимала без лишних слов, что это за люди!.. Она любила их, потому что это были такие же люди, как ее Петер. Она помнит всех и знает все, что с ними было, и где они живут и работают теперь. В альбом она поместила вырезку из «Цини». Вот Карлис Калейс, уездный секретарь и депутат. Он полгода прожил у нее в комнате. Он писал тайные письма и с Павлом отсылал их Янису. Когда Павла выпустили из тюрьмы, многие из ее прежних жильцов пришли вместе с ним.

Уж какая была жизнь — скрывались, попадались и сидели подолгу в тюрьмах и опять бежали на свободу, боролись в подполье... Но при немцах началось такое, что иногда и зуб на зуб не попадал от страха. Она тогда жила в деревне. Поселилась у знакомой старушки в домике на самом краю леса... Но подруга вскоре умерла. Что было делать? Осталась она одна там же, в лесной избушке, сажала картошку, перебивалась кое-как. Тут к осени ночью кто-то постучался в окно. Вышла она за дверь и чуть не обмерла от ужаса: незнакомый

человек привел к ней ребенка — еврейскую девочку, измазанную кровью и песком. Полумертвую выкопал ее из ямы человек, просил принять, выходить, спасти... И разве можно было не принять такого ребенка?

Раша выздоровела. И как приходилось прятать ее — то в шкафах, то в картофельных ямах! Но Слока уберегла девочку. Теперь Раша в Лиепае у родных. Она ходит в школу и учится хорошо. Вот она, черноокая, прислала свою фотокарточку и так мило написала: «Дорогой приемной матери от Раши». Письма пишет часто.

А где теперь Тарас Бесхмельный, который тоже когда-то прожил у нее три недели? Военнопленный, отданный немцами в работники к богачу Грундмсну. Как-то ночью пришел он к ней и говорит: «Бабушка, спасите, я поссорился с хозяином, и он хочет завтра отвести меня обратно к немцам. Если не спасете, меня расстреляют».

Разве можно было поступить иначе? Прятала Тараса, пока ему не удалось бежать к партизанам.

Так прошла ее жизнь. В одних заботах, страхах и труде. Бабушка Слока посмотрела на окно. Сумерки уже гасили дневной свет. Она закрыла альбом, но друзья, которым она отдала жизнь свою, невидимо толпились перед нею, как дорогие гости, чтобы вместе отпраздновать торжественный день.

На следующее утро бабушка Слока чувствовала себя лучше. Ревматические боли затихли. «Ах, негодные, негодные! — бранила она свои ноги. — Надо было вам разболеться как раз вчера! Вот сейчас обую вас и пойдем к Петериту. Разве не стыдно: только шестьдесят пять лет, а временами такая слабость нападает, точно я глубокая старуха».

Она убрала комнату, позавтракала и уже собиралась надеть пальто, когда кто-то постучался к ней в дверь.

«Вероятно, письмоносец»,— подумала бабушка Слока.

Но нет, то был не письмоносец: за дверью стоял офицер и, улыбаясь, приветствовал бабушку.

— Бабушка, не узнаете? — спросил он, и бабушка тотчас узнала его.

— Тарас!

А и вправду Тарас, только уже не тот изможденный, сгорбленный военнопленный, которому было лет пятьдесят на вид. Нет, перед нею был совсем молодой человек, не старше тридцати, он стоял на пороге и ждал приглашения войти.

Бабушка Слока до того была поражена, что забыла пригласить его в комнаты. Тогда Тарас, сделав шаг, поднял старушку крепкими руками, трижды поцеловал ее и сказал:

— Спасибо, бабушка! Спасибо за жизнь!

Дальше все шло так, как и полагается, когда в доме дорогой гость: много говорили, многое вспоминали. Тарас рассказывал о своей жизни — с того мига, когда он расстался с бабушкой...

— У меня командировка в Ригу, — так закончил свой рассказ Тарас. Но когда бабушка Слока спохватилась, что надо же хорошенько накормить гостя, снова раздался стук в дверь.

Это была Раша, приехавшая из Лиепаи, чтобы навестить свою дорогую приемную мать.

Чай уже кипел на кухне, и бабушка Слока собиралась накрыть на стол, когда пришел еще один гость. Ему открыла дверь Раша, которая здесь чувствовала себя, как дома. Незнакомец желал видеть бабушку Слоку... Где бабушка? А-а, вот она идет ему навстречу, по привычке вытирая руки о передник и узко щуря глаза, чтобы лучше разглядеть пришельца.

— Мамочка, ну и расцвела твоя головушка! — воскликнул гость, взяв бабушку Слоку за обе руки. — В моей памяти ты была всегда молодой. Помнишь Сергея, бродягу? Вытянулся, а? — так говорил он, целуя старушку в обе щеки.

— Как не узнать, по хохолку узнаю, — очнулась наконец бабушка Слока от неожиданности. — Я все про тебя знаю, Сережа... Я даже знаю, что ты Герой.

— Ишь ты, как далеко заходят вести, — радостно удивился Сергей. — Узнала и, конечно, подумала: вот, негодяй, даже не напишет!

— Нет, не то... — бабушка Слока вздумала было оправдываться, но Сергей перебил ее:

— Думала, думала, не отпирайся. А что же другое подумаешь?.. Я каждый год собирался навестить Ригу, поглядеть на тебя. Но мой завод, точно капризная невеста, не отпускает — ни-ни... Только теперь вот вырвался и приехал в санаторий... Там, в Межапарке, ты, верно, знаешь?..

— Напротив Парка культуры, как не знать! — сказала бабушка Слока. — Ну, вы уж знакомьтесь тут сами. Разболтаешься с вами, еще остынет чай... — и она поспешно ушла на кухню.

— Она мне, как родная мать, — говорил Сергей своим новым знакомым. — Я тогда до того был изнурен, что думал: все равно, следующую ночь уже не стану мучиться... Брошусь в Даугаву — и конец. Как она не побоялась взять меня к себе, такого оборванного и вшивого?.. Эх, золотая душа!

— Она не побоялась принять даже меня, беглого военнопленного, — объяснил Тарас. — Она отлично знала, что рискует жизнью, что ждет ее за это веревка, виселица. И не побоялась.

Тут лицо Раши исказилось, как всегда, когда ее охватывали воспоминания о пережитом. Она вскочила и убежала на кухню к бабушке Слоке.

«Взволновал девушку,— рассердился на себя Тарас,— заставил ее вспомнить все ужасы фашистского плена. Да и ее не стало бы, если бы не такая мать...»

Наконец, бабушка Слока могла пригласить гостей к столу. Было уже поздновато, почти полдень, но гостям после таких дальних дорог больше всего по душе горячий чай.

— Пирога испекла маловато, — извинялась она. — Но разве я могла знать, что такие дорогие гости приедут все разом?

— Ах, ну и забывчив я! — воскликнул Сергей и побежал к чемодану. — Соня упаковала гостинец для тебя, бабушка, и велела низко кланяться.

— Вероятно, у всех сыновей бабушки Слоки одна и та же болезнь, — засмеялся Тарас, идя вслед за ним. — Привез украинских яблок и забыл. И Уля дала еще пирога. Хотела и сама придти, да сынишка после дороги устал. Уля просила передать привет...

Раша между тем успела вынуть из портфеля лиепайскую рыбу.

Так получился у бабушки Слоки праздничный стол. Они уже пили второй бокал, когда за окном загудела сирена автомобиля.



— Ах, милые, это же Карлис! — воскликнула бабушка и быстро засеменила к дверям. — Еще один мой сын, тоже давно не показывался,— вернувшись, пояснила она.

— Смотри-ка, да тут настоящий пир,— сказал Карлис, увидев в комнате дружную семью. — Я так ругал себя за то, что не мог урвать несколько часов и...

— Это случается редко, только по большим праздникам,— прервала его бабушка Слока. — Но я же понимаю... Часто я думаю, как много вы все работаете, чтобы скорее войти во дворец коммунизма. Прямо грешно было бы убивать время, чтобы доставить удовольствие такой старухе, как я! Что я такого сделала, чтобы...

— Как «что ты такого сделала»? — вскричал Сергей, крепко обняв бабушку и прижав ее к себе.

В окно смотрело уже вечернее, низко опустившееся солнце, когда Карлис вздумал прокатить бабушку Слоку по городу.

— Батюшки, тогда уж поедем все к Петериту,— засуетилась бабушка. — Рашенька, оставайся дома и убери со стола,— распорядилась она.

А выйдя на улицу, она объяснила, почему решила оставить девушку дома.

— Такие раны очень легко открываются,— сказала она. — Увидит девочка длинные ряды могил, станет ей мерещиться по ночам та ужасная яма...

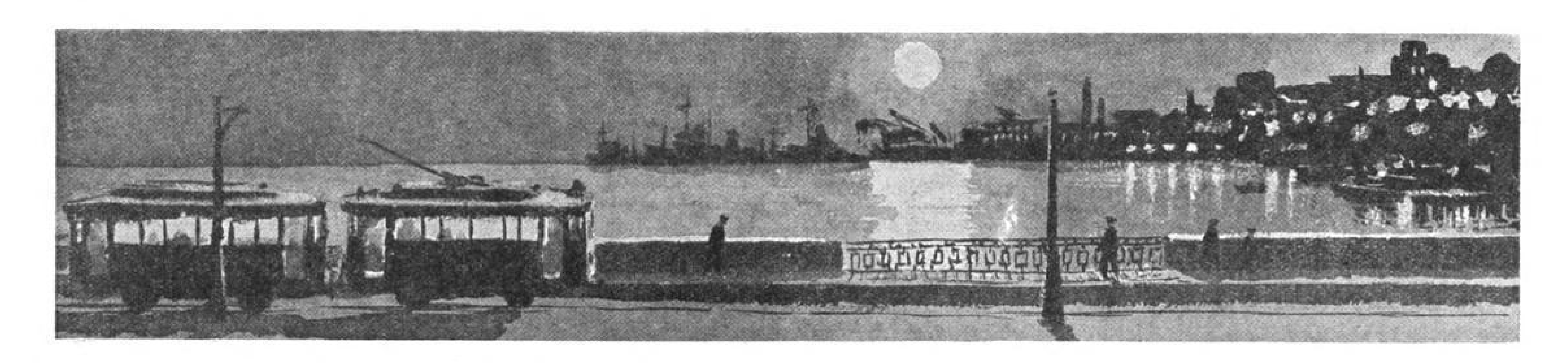
По узким улицам Пардаугавы они выехали на улицу Слокас.

— Видишь, бабушка Слока, даже улица носит твое имя,— сказал Калейс.

— А я только что подумала: вот если бы Петерит видел, как его старуху везут, будто барыню,— заговорила бабушка Слока, не расслышав его шутки. — И Павел... Павел ведь сам выучился на шофера, теперь он мог бы управлять машиной...

И все умолкли, вспоминая героев, отдавших жизнь за то, чтобы могла настать великая эпоха.

Перевод с латышского



В ПРИМОРСКОМ ГОРОДЕ

Повесть

Михаил МАКЛЯРСКИЙ

Рисунки О. Верейского

ГЛАВА VIII

Чем дальше размышлял подполковник над странной трамвайной поездкой Наумовой, тем большее значение придавал этому факту: «Явно же нелепый маршрут, если только не предположить, что она назначила свидание человеку, севшему в трамвай около стадиона... Нет, нечего и сомневаться — это было свидание!.. И такое, при котором свидетели являются помехой...»

У него созрело твердое убеждение, что свидание в трамвае должно иметь какую-то связь с покушением.

Было ли это той самой «интуицией», тем знаменитым «шестым чувством», к которому любят прибегать, как к якорю спасения, авторы многих детективных повествований?

Если б Никонова спросили об этом, он, пожимая плечами, ответил бы:

«Я не совсем понимаю, о чем идет речь. Что вы имеете в виду, говоря об интуиции? Мгновенно и логически никак не объяснимое «прозрение»? Счастливую догадку, не имеющую никаких корней в почве фактов?.. Такую интуицию я не признаю: такой интуиции нет,— и если кто-нибудь из криминалистов будет ссылаться на такую интуицию, не верьте ему: он обманывает вас... или, быть может, сам заблуждается... Я придерживаюсь такой точки зрения: нечто называемое «интуицией» поддается рациональному толкованию, как и процесс обычного логического мышления; иначе говоря, так называемая интуиция, как и обычное логическое мышление, целиком коренится в почве фактов. Все дело в том, что результат «интуитивного» мышления гораздо труднее объяснить рационалистически... Дело, видимо, в том, что в этом случае мысль прочерчивает не непрерывную линию умозаключений, а пунктирную, что ли... Мысль движется скачками, от одного узлового пункта к другому. Потому со стороны она может казаться чем-то непостижимым, таинственным, необъяснимым, а кое-кому мистическим... Зачем мы будем заниматься абстрактными рассуждениями? Поясню свою мысль на конкретном примере...

Возьмем тот же случай со странным трамвайным путешествием Наумовой... Что я знаю? Двенадцатого сентября Наумова вскоре после трех часов дня села в трамвай, идущий от завода к конечной остановке. После работы Наумовой следовало ехать в обратном направлении. Она поехала к «кругу» не потому, что трамваи шли от стадиона в центр переполненными, а по какой-то другой причине. Далее, на остановке «Стадион» к ней подсел неизвестный мужчина. Оба они сошли на последней остановке, то есть на пустыре... Согласитесь, что путешествие по меньшей мере странное... Точнее, в высшей степени подозрительное. Вот и все, что я знаю. Я делаю из всего этого, казалось бы, совсем не обоснованный вывод: подозрительная встреча Наумовой с неизвестным мне человеком имеет отношение к попытке отравить Дмитриева. Если мой вывод будет опрокинут фактами, вы скажете: «Беспочвенная фантазия!» Если же он оправдается, то вы, вероятно, назовете это «смелой догадкой», опирающейся на интуицию следователя, на его необъяснимое «шестое чувство»...

Скажу по совести, я не задумывался над тем, как возникла во мне уверенность в том, что поездка Наумовой не может не быть связанной с покушением. Да, она у меня в сознании явилась как нечто уже готовое. Но теперь, когда мы рассуждаем об интуиции, я могу, пожалуй, объяснить, каким образом она родилась, и вы увидите, что за «пунктирной линией» скрывается тот же процесс непрерывного логического мышления. Я исхожу из того, что один из врачей виновен и на допросе водил меня за нос. Теперь я узнаю, что Наумова совершила странную поездку, что она имела в высшей степени странную встречу. Сентиментальная загадочная прогулка? Нет! И место явно неподходящее, и Наумова не такой человек. Любовное свидание? И это явно не вяжется со всем тем, что я знаю о Наумовой. Встреча с каким-то человеком, в обществе которого она почему-то не хочет показываться на людях?.. Но почему же? Тут, конечно, открывается широчайшее поле для фантазии. Я же предпочитаю не фантазировать, а рассуждать трезво. Наумова подозревается в том, что двадцать третьего сентября она подложила в ящик с медикаментами ампулу, изготовленную где-то за рубежом. Самое простое — предположить, что ее таинственное свидание двенадцатого сентября имело прямое отношение к этому преступлению. Вот и вся моя интуиция!»

Никонов с большим нетерпением ждал встречи с Сургучевой. Он надеялся, что кондукторша поможет ему установить, кто подсел к Наумовой в трамвае, с кем Наумова сошла на конечной остановке.

«Если это свидание действительно как-то связано с покушением на жизнь Дмитриева, то очень вероятно, что спутником Наумовой был Кларк. Кто же другой? Трудно представить, чтобы в таком деле Кларк положился на посредника. Или, может быть, у него есть подходящий человек?.. А что если это... Мещерский?.. Нет, не может быть! Втравить в такое дело спекулянта контрабандными товарами?.. И все-таки...»

Никонов нажал кнопку звонка.

— Товарищ Артемьев,— сказал он секретарю,— добудьте мне у капитана Анохина фотографию Мещерского.

Сургучева оказалась молоденькой девушкой. На вид ей было не больше семнадцати—восемнадцати лет.

Войдя в дверь кабинета, распахнутую Киселевым, она, смущенная, направилась к Никонову.

Стоило понять ее состояние: вчера с ней целый час разговаривал «сам» Киселев, популярнейший в городе судья футбольных матчей. А сегодня этот кумир городских болельщиков распахивает перед ней дверь кабинета подполковника, о котором говорит не иначе, как в тоне величайшего почтения. Кем же тогда должен быть этот подполковник?

Сургучева села в кресло, указанное Никоновым, и совсем потонула в нем.

— Вы нам можете очень помочь в одном важном деле, товарищ Сургучева, — сказал Никонов, глядя на разрумянившуюся девушку.

Сургучева довольно быстро преодолела свое смущение: ей понравилось, что подполковник так просто заговорил с ней о деле, которое назвал важным. Понравилась ей и наружность подполковника: он был какой-то... хорошо сколоченный и, должно быть, веселый. Сургучева любила в людях веселость, а у этого подполковника веселые искорки так и бегали в глазах.

Она довольно складно рассказала Никонову о том, какая давка была в трамвае в тот день, как доставила она «в три пятнадцать» запоздавших на матч пассажиров («Мы ехали, не зевали, понимали, что люди волнуются»), как обратила внимание на женщину, сидевшую на передней скамейке, и удивилась: «Что же это такое: проехать мимо стадиона в такой день?.. Я еще подумала: может, она, бедняжка, билета не достала?»

Когда девушка упомянула о совсем уже «немыслимом факте» — какой-то мужчина «в самый момент матча» сел в ее прицеп на остановке «Стадион» и занял место рядом с Наумовой,— Никонов ее прервал:

— Вот это-то наиболее важное, товарищ Сургучева. Опишите мне подробно этого человека.

Девушка опять сильно смутилась.

— Наружность его опишите, товарищ Сургучева.

— Наружность... Как бы вам сказать, товарищ подполковник... Наружность ничего выдающегося не представляет... Самая обычная...

Никонов сдержал улыбку.

— Рост его вы можете определить? — спросил он.

— Рост?.. Я так считаю: средний... или чуточку повыше.

— А возраст? Хотя бы приблизительно... Молодой или пожилой был этот пассажир?

— Возрасту он уж был немолодого... Вроде как вы,— выпалила она вдруг и покраснела так, что в глазах показались слезы. — Извините... — тихо, почти шепотом сказала она.

Никонов рассмеялся.

Продолжение. См «Огонек» №№ 46, 47, 48, 49.

— А вы не смущайтесь,— сказал он девушке — Я и вправду немолодой... Молодые — вот они! — кивнул он в сторону Киселева

Девушка немного помолчала и проронила:

— Не разглядела я его, этого пассажира...

— Ничего,— утешил Никонов,— попробуем поступить так: я сейчас вам дам несколько фотографий, вы их внимательно посмотрите, а потом скажете, нет ли среди них фотографии этого пассажира.

Он приподнялся и передал ей через стол пять фотографий, среди которых была фотография Кларка.

Сургучева подолгу рассматривала каждую из них. Никонов, следя за выражением ее лица, напряженно ждал.

— Нет! — сказала наконец Сургучева, положив фотографии на край стола. — Подходящей карточки здесь как будто нет.

«Так,— быстро подумал Никонов,— одна надежда рухнула». Тем не менее он решил еще раз попытать счастья:

— Скажите, товарищ Сургучева, а этот человек вам не знаком?

Девушка взяла из руки подполковника фотографию Мещерского и всмотрелась.

— Личность будто бы знакомая... Оно и нет ничего удивительного: весь город возишь, вот и кажутся все вроде знакомые..

Сургучева оборвала сама себя и искоса посмотрела на подполковника. Никонов улыбался, показывая все свои мелкие, плотно посаженные зубы.

— ...Вы уж извините, товарищ подполковник,— сказала девушка, хорошея от застенчивой улыбки,— наговорила вам... Да, так вот этого гражданина, хотя личность его мне и знакомая, что-то не признаю, но могу сказать: не тот!.. Тот был... Честно вам скажу, товарищ подполковник, — призналась со смущением девушка, — некогда было мне его рассматривать. Я на него глянула, когда он брал билет, а потом занялась другим делом...

— Каким же?

— Понимаете, какая глупость!.. Я в тот день на прицепе ездила. Ну... выдала этому пассажиру билет, потом глянула на площадку, смотрю: за стеклом заяц... то есть, по-нашему, безбилетный пассажир, за гнездо от тормозного шланга уцепился... Добро бы мальчишка, а то здоровенный верзила, и рожи мне корчит. Ну, я и выскочила на площадку. Пока воевала с ним, мы к «кругу» подъехали и женщина с пассажиром сошли...

— Что же вы сразу про зайца не сказали? — пожурил Сургучеву Никонов.

— Стыдно было... Проворонила, товарищ подполковник. Тут, может быть, какой преступник сидел, надо было бдительность проявить, а я за зайцем погналась...

Подполковник усмехнулся:

— Почти по пословице получилось: «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь».

И, переменив тон на серьезный, он сказал:

— Вы не видели, куда они пошли?

— Нет, я сразу в диспетчерскую пошла, а потом стала вагон подметать... А потом стала книжечку рассматривать...

— Понятно, книжечку... — машинально повторил подполковник, думая в это время о том, что встреча с Сургучевой принесла жестокое разочарование.

— Какую книжечку? — тихо спросил Киселев.

— Такую маленькую, для записи телефонных номеров. Я ее нашла возле того места, где пассажирка сидела.

— А где эта книжечка сейчас? — заинтересовался Никонов.

— Как полагается, сдала в бюро находок.

— Может быть, выяснить, товарищ подполковник? — спросил Киселев.

— Справиться не мешает,— ответил Никонов и обратился к кондукторше. — Ну, спасибо, товарищ Сургучева! Вы помогли нам... Вот еще что: вы уж не пеняйте, если еще раз потревожим — дело оч-чень важное! Такое важное, что и рассказать вам не могу, какое... До свиданья.

Девушка и старший лейтенант ушли.

Никонов глубоко вздохнул, открыл портсигар и, закуривая, подумал: «Вот и лопнула моя надежда... Теперь даже и не знаю, с какого боку подступиться...»

Он посмотрел на часы. Было без семнадцати одиннадцать. Впереди был длинный рабочий день, но план его нарушился...

Взгляд подполковника остановился на пачке фотографий. Сверху лежала фотография улыбающегося Кларка. Никонов придвинул к себе пачку и, глядя в глаза американца, сказал:

— Ваша взяла!.. Пока что, мистер Кларк. Значит, я ошибся: это были не вы. Ну, что же! Займемся другими делами.

Он развернул фотографии веером.

— Займемся этим «беспамятным»,— решил подполковник, всматриваясь в фотографию Мещерского. — Ишь, какой бравый молодец!..

Внезапная мысль молнией обожгла Никонова.

Он схватил трубку телефона:

— Вахтера второго подъезда немедленно!.. Говорит Никонов. Мимо вас не проходила сейчас гражданка Сургучева?.. Это точно?.. Как будет проходить, попросите вернуться ко мне. Поняли?.. Повторите фамилию... Правильно!

Когда Артемьев привел растерянную Сургучеву в кабинет, Никонов весело сказал:

— Я же предупреждал, что мы вас еще потревожим. Не думал, однако, что так скоро... Вы можете побыть здесь минут тридцать — сорок? Нужно дозарезу!

Он для вящшей убедительности чиркнул указательным пальцем по горлу, смешно выпятив при этом нижнюю челюсть.

Сургучева прыснула.

— Располагайте моим временем по своему усмотрению, товарищ подполковник,— ответила она сквозь смех.

— Отлично!.. Придется немного подождать. Садитесь вон там, полистайте свежие журналы, если хотите.

Никонов показал на угол кабинета, где стоял небольшой овальный стол, окруженный тремя легкими креслами.

Прошло около получаса.

— Разрешите войти, товарищ подполковник,— громко сказал Анохин, приоткрыв дверь.

— Входите! — ответил Никонов и метнул взгляд на Сургучеву.

Девушка, услышав голос Анохина, подняла голову, увидела, как капитан пропустил вперед какого-то мужчину.

Она вскрикнула:

— Он!!. Ох!..

«Что я наделала!» — испуганно подумала она и посмотрела на Никонова.

На лице его была написана такая радость, что девушка мгновенно успокоилась.

— Я не знаю этой женщины! — вскрикнул вошедший в кабинет мужчина.

— Ну, вот и опамятовались! — не скрывая иронии, произнес Никонов.

— Я не знаю этой женщины,— глухо повторил мужчина.

— Да, вы ее не знаете. Мещерский, и это — единственные правдивые слова, которые вы сказали за все время после ареста... Вы ее не знаете, но она — подполковник с ударением произнес последнее слово,— она вас знает.

Никонов обратился к девушке:

— Скажите, товарищ Сургучева, не этот ли человек двенадцатого сентября вскоре после трех часов дня вошел в ваш прицеп на станции «Стадион» и подсел к женщине, которая в этот момент была единственной пассажиркой вагона, а потом сошел с ней вместе на конечной остановке?

— Он самый! — с жаром подтвердила девушка.

— Вы не ошибаетесь? Посмотрите на него внимательней. Мещерский, подойдите ближе!

— Нет, товарищ подполковник, не ошибаюсь!

— Ложь! — завопил Мещерский.

— Потише! — сурово остановил его Никонов и опять обратился к девушке: — Товарищ Сургучева, вы не ошибаетесь? Недавно я показывал вам фотографию, и вы тогда по ней не признали пассажира. Вот она, посмотрите еще раз.

Сургучева взяла фотографию.

— Нет, я не ошибаюсь! — решительным тоном произнесла она, посмотрев на фотографию, а потом на вошедшего. — А что не признала, то... Вы, товарищ подполковник, сами посмотрите: разве он тут, на карточке, похож на себя?.. Ему тут и сорока не дашь, и... смотрите, каким фертом он на ней выглядит.

— В том-то и дело! — подтвердил подполковник.

Быстро написав протокол очной ставки, он прочел его вслух и дал подписать Сургучевой. Потом предложил поставить подпись Мещерскому.

— Я ничего подписывать не буду... Это ложь, вы не имеете права... Я контуженный, я...

— Постойте! — прервал подполковник. — В протоколе написано, что



Сургучева вас опознала и что вы с этим не согласились. Так ведь? Почему же вы отказываетесь подписать протокол?

— Я... я ничего не помню... Я больной, я страдаю от контузии...

— Ладно! — рассердился Никонов. — Мы сейчас с вами побеседуем.

Он подошел к девушке:

— Спасибо, товарищ Сургучева! Теперь можете... Думаю, что уже больше тревожить вас не станем...

Проводив девушку до двери, Никонов вернулся к столу и сказал:

— Садитесь, Мещерский!

Он долго и внимательно разглядывал этого человека, потом подумал: «Действительно, эту серую личность трудно описать...»

Мещерский, как это знал подполковник по справке адресного стола, родился в девяносто седьмом году (он был действительно почти ровесник Никонову). Но по внешнему виду возраст его определить было трудно. То казалось, что ему давно стукнуло за шестьдесят — так старообразно было потасканное его лицо,— то казалось, что он не достиг еще и пятидесяти.

Наконец Никонов нарушил молчание:

— Объясните, Мещерский, с какой целью вы отрицаете то, что утверждала гражданка Сургучева?

Допрашиваемый молчал.

— Имейте в виду: женщина, с которой вы двенадцатого сентября встретились в трамвае, арестована.

Никонов попытался поймать взглядом непрестанно бегающие зрачки Мещерского.

— Ну?... Я жду.

— Я никуда не ехал... и никакой женщины я не знаю... Ничего я не знаю, не помню... У меня болит голова... — захныкал велосипедист и схватился за затылок.

Никонов рассердился:

— Бросьте комедию ломать! — И более спокойным тоном добавил:— Только что на очной ставке с кондукторшей вы выдали себя с головой. Разве беспамятные так себя ведут? Вы и притворяться-то не горазды!

Мещерский молчал и только мотал головой, держа на затылке руку.

— Ну, хорошо! Я даю вам последнюю возможность чистосердечно признаться. Имейте в виду, что мы знаем и о вашем прошлом.

Теперь подполковник ясно увидел страх в глазах Мещерского.

— Мы знаем, что вы были офицером в белобандитских войсках атамана Семенова...

Мещерский перестал качать головой.

— ...Мы знаем, что вы служили у атамана Семенова в разведке.

Никонов продолжал внимательно следить за Мещерским. С каждой фразой подполковника волнение допрашиваемого усиливалось. Казалось, что еще одна разоблачительная фраза — и Мещерский сдаст, начнет давать показания. Но подполковнику больше нечего было сказать, и пока он думал о том, как же нанести последний, решительный удар, он увидел нечто неожиданное: Мещерский стал успокаиваться, глаза его снова приобрели бессмысленное выражение.

«Что это? — с удивлением подумал Никонов. — Разоблачение старых белобандитских похождений его не испугало? Значит, испуг был вызван чем-то другим?.. Значит, он скрывает еще что-то более важное?..»

— Вы молчите? Итак, и последнюю возможность чистосердечно сознаться вы не захотели использовать...

Никонов вызвал секретаря, приказал сдать арестованного конвоирам, дожидавшимся в приемной.

Оставшись наедине с Анохиным, он сказал капитану:

— Матерый волк! Тут и сомневаться нечего... Я подозреваю, что он скрывает что-то очень существенное в своем прошлом... Подумайте вот о чем: в свое время, когда белые банды были здесь разгромлены, японцы, покидая нашу землю, оставили некоторых белых офицеров в глубоком подполье. С этой стороны и надо нам прощупать Мещерского... Я, может быть, вам помогу... Есть тут одно дело, в котором он, несомненно, замешан... Сейчас устраивать очную ставку с Наумовой бессмысленно: оба отопрутся. Но я думаю, что она рано или поздно принуждена будет сложить оружие. Тогда она поможет нам разоблачить и вашего велосипедиста... А урок с фотографией, товарищ Анохин, мы с вами должны запомнить на всю жизнь... Я чуть было не свалял такого дурака...

— Это я виноват, Леонид Федорович...

— Неужто? — с насмешкой спросил Никонов. — Это делает честь вашей догадливости, капитан. Так вот, именно вашу, а не нашу с вами ошибку я имел в виду, если говорить по совести. Я же этого велосипедиста ни разу не видел, а вы с ним уже сколько дней возитесь. Где же были ваши глаза, когда вы посылали мне фотографию? — Тон Никонова был безжалостный. — Вы понимаете, чего могла нам стоить ваша непростительная небрежность? Я уже намеревался положить фотографии в стол и тут вдруг вспомнил: Сургучева-то говорила о пассажире, как о моем ровеснике, а на фотографии он выглядит лет на десять моложе меня, хотя родился на пять лет раньше... Я решил показать Сургучевой Мещерского в натуре. А если бы не догадался? Ниточка бы оборвалась. Что бы мы с вами, капитан, делали?..

Никонов замолчал. Молчал и горевший от стыда Анохин.

— Одного не могу понять,— произнес подполковник после паузы,— каким образом Кларк — опытный же разведчик! — решился своего агента использовать одновременно для спекулятивных махинаций? Это, кстати сказать, тоже сбивало меня с толку. Никак не мог предположить, что он допустит такую ошибку... Как говорится, и на старуху бывает проруха...

— Я могу идти, Леонид Федорович?

— Да!

Анохин направился к двери.

Никонов краем глаза посмотрел на фотографию Кларка, все еще лежавшую на столе.

— Ну, капитан, — сказал он, обращаясь к американцу,— теперь, кажется, мой верх! Теперь я уж вас не выпущу из рук. Как же это вы так обмишулились? Видно, страсть к бизнесу победила все остальное...

Никонов ошибался: Кларк заставил Мещерского таскать с собой контрабандный товар как ширму, прикрывавшую его шпионские дела. «Если связь со мной,— говорил Кларк,— как-нибудь обнаружится, вы легко сможете придать ей относительно невинный характер: спекулировал, каюсь, но и только...» Однако Мещерский, перепуганный арестом и возможным разоблачением, не сумел сыграть роль контрабандиста-спекулянта.

Около двух часов дня дверь кабинета открыл Киселев:

— Можно, товарищ подполковник?

— Можно и даже должно: хочу сообщить вам новость... Сургучева все-таки опознала пассажира... О, я вижу, и у вас есть новости.

— Вы угадали, Леонид Федорович. Вот она!

Старший лейтенант передал Никонову записную книжку, найденную кондукторшей.

— Тут есть один телефончик, Леонид Федорович,— многозначительно сказал Киселев. — Один-сорок пять-семьдесят два.

— Чем он примечателен?

— Это телефон... — Киселев закончил почти шепотом, — Кларка.

Никонов не поверил своим ушам.

— Вы сказали: «Кларка»?

— Точно так! Откройте страничку на букву «К».

Подполковник раскрыл книжечку.

На странице, заполненной примерно наполовину, было записано пять телефонов. Среди них — 1-45-72.

— Без фамилии... Как и следовало ожидать... Ну, товарищ Киселев, ваша находка не хуже моей. Пожалуй, даже и лучше. Теперь я думаю, пора побеседовать с Наумовой. Надеюсь, вы проверили хорошо? Ошибки быть не может?

— Абсолютно точно. Телефон квартиры...

— Квартиры? — повторил разочарованно подполковник...— Это сильно меняет дело... Во всяком случае, Наумову вызывать рано.

Оттого, что в книжечке Наумовой был записан домашний, а не служебный телефон Кларка, дело действительно сильно менялось. Это был телефон, которым пользовались все жильцы квартиры, где жил Кларк.

Необходимо было выяснить, не сможет ли Наумова, как только ей



будет предъявлена книжечка, сказать, что телефон 1-45-72 принадлежит зубному врачу, у которого она собиралась лечиться или даже лечилась. Возможно, что под видом пациентки она и встречалась с Кларком в приемной врача. Могла Наумова сказать и о том, что она записала телефон своего знакомого, инженера Краенко. В обоих этих случаях исчезала возможность уличить ее в связи с Кларком.

Поразмыслив немного, Никонов исключил зубного врача: это была старая женщина, Галина Сергеевна Букатина, а Наумова записала телефон на страничке с буквой «К». Тем не менее Киселев, по поручению подполковника, встретился с Букатиной и поинтересовался: не знает ли Галина Сергеевна Ольгу Эрнестовну Наумову, не состоит ли Наумова в числе ее пациентов? Букатина ответила: такой знакомой у нее нет. Тщательно перелистав книгу записей, начатую с января, она констатировала, что и пациентки такой не было.

Итак, зубной врач решительно исключался, но совсем иначе обстояло дело с инженером Краенко. Во-первых, телефон был записан на той страничке алфавита, которая как раз и соответствовала начальной букве его фамилии. Во-вторых, Кларк, называя Наумовой свой телефон, мог специально предупредить ее о том, что в квартире живет Краенко. Может быть, даже она под каким-нибудь предлогом завела шапочное знакомство с инженером.

Справки, наведенные в порту (Краенко работал в управлении по реконструкции порта), принесли неожиданное облегчение. Выяснилось, что Александр Николаевич Краенко двадцать первого июля, то есть за два дня до консилиума, на котором обсуждался вопрос о целесообразности посылки Дмитриева на заграничный курорт, был командирован в Москву, где и пробыл до десятого сентября (Никонов поручил Киселеву лично проверить штампы министерства на его командировочном удостоверении). Так как имелись все основания предполагать, что план убийства Дмитриева родился в голове Кларка или его шефов после консилиума, то есть после двадцать третьего июля, то сроки командировки имели весьма существенное значение. Они удостоверяли, что Наумова не могла познакомиться с Краенко в тот период, когда она уже была завербована Кларком. Если же она с ним действительно знакома, то знакомство состоялось до консилиума. В этом случае телефон 1-45-72 не только ни в чем не уличал Наумову, но и Никонову не давал оснований считать, что у нее имеется связь с американцем. Вот почему вопрос о том, знаком ли Краенко с Наумовой, имел такое важное значение для дальнейшего следствия.

Александр Николаевич Краенко, боясь быть неаккуратным, явился к секретарю Никонова на двадцать минут раньше назначенного срока, но Артемьев тут же открыл перед ним дверь кабинета.

— Вы, товарищ Краенко, должны помочь мне в одном деле,— сказал подполковник, здороваясь с ним.— Вам известна Наумова Ольга Эрнестовна?

Инженер медлил с ответом.

— Она врач, работает в поликлинике завода.

— Нет, не знаю,— категорически ответил Краенко.

— Так... Впрочем, она могла сообщить вам вымышленную фамилию... Вот эту женщину вы не знаете, никогда с ней не встречались?..

Никонов протянул инженеру фотографию.

— Нет, лицо абсолютно незнакомое.

— Ручаетесь?

— Вполне, товарищ подполковник.

— Очень хорошо!

Никонов задумался, потом спросил:

— Вашему соседу, Кларку...

— Так и знал! — вырвалось у Краенко.

— Что так и знали?

— Да я был убежден, что этот тип доставит нам хлопот.

— Что вы так его невзлюбили? Неужели только потому, что он американец, или...

— Зачем же? — не дослушав подполковника, возразил Краенко.— Во время войны у нас в порту работало немало американцев. С одним, он был инженер, я даже подружился. Прекрасный был человек. А этот Кларк — настоящая... ну, словом, очень несимпатичный тип...

— Чем именно?

— Заносчивый, нахальный. Он на всех нас смотрит так, точно мы какая-то черная кость... И потом... всякие мелкие коммунальные недоразумения. Он ведь барин, а домработница у нас в квартире только одна, у Букатиной... Ну, это, конечно, пустяки. Главное — его самодовольство и высокомерие. Как будто бы он в Африку приехал....

— Понимаю...— проронил Никонов.— Скажите, Кларку часто звонят по телефону?

— На этот вопрос я затрудняюсь ответить. Я ухожу из дома рано, в семь тридцать, а возвращаюсь поздно... Я строитель, а у нас, строителей, сами, вероятно, знаете, какая горячая работа.

— Да, я знаю, что в порту у вас действительно работа кипит... Ну... Пожалуй, и все... Спасибо.

Никонов поднялся с кресла, протянул инженеру руку.

Краенко, пожав ее, направился к двери. Сделав несколько шагов, он остановился, чуть помедлил и повернулся.

— Могу я, товарищ подполковник,— сказал он не совсем уверенным тоном,— обратиться с одной просьбой?

— Пожалуйста.

— Вы не могли бы устроить так, чтобы этому... Кларку поставили отдельный телефон?..

На лице Никонова показалась и тут же исчезла легкая улыбка.

— Это, товарищ Краенко, не в моей компетенции. Кроме того я полагаю, что мистер Кларк не намеревается долго проживать в вашей квартире, и когда он съедет, вы уж попросите, чтобы райжилотдел подыскал вам менее... докучливого соседа.

(Окончание следует.)

Сталинградские стихи

Михаил ДУДИН

МАМАЕВ КУРГАН

Когда в предутреннем тумане
Над Волгой гаснут фонари,
Встреть на Мамаевом кургане
Костер мерцающей зари.

Там вихри пыльными кругами
Летят с обветренных высот.
Растет полынь на том кургане,
Сухой, неласковый осот.

Там розы в клумбах не алели,
Туристов праздных веселя,
Там от осколков в самом деле
Железной сделалась земля.

Вот там, в траншеях и кюветах,
На гребне голого горба,
Решалась жизнь Страны
Советов
И личная твоя судьба.

А сколько здесь твоих
собратьев
Навек легло в сухой пыли!
Когда бы вместе всех собрать
их,—
Что сделать бы они смогли!

Они б переместили горы,
Переменили русла рек,
Такой бы выстроили город,
Каких не видел человек.

Твоих друзей не канут в лету
Бесчисленные имена.
Ведь их мечта, как эстафета,
Тебе, живому, вручена.

И мы, живые, сдвинем горы
И переменим русла рек;
Мы выстроим на Волге город,
Каких не видел человек.

Пусть он снарядами изранен:
Обломки, щебень, пустыри.
...Встреть на Мамаевом кургане
Костер пылающей зари,

И ты увидишь утром рано
Расцвет пустынь, сады долин,
Как Сталин с этого кургана
Увидел рухнувший Берлин.

ПАМЯТИ МОРЯКА МИХАИЛА ПАНИКАКО

Хорошо! Я тебе расскажу про любовь.
Сердце слушать рассказ приготовь.
Не поземка мела, не шальная пурга
Заметала Мамаев курган.
Не в свистящей и острой пыли снеговой
Затерялся рубеж огневой.
Шли немецкие танки — железный таран —
На разбитый Мамаев курган.
Нет, не шли, а летели в последний бросок,
Поднимая огонь и песок.
И казалось тогда, из утробы земной
Громкий голос возник: — Комсомольцы, за мной!
И передний в атаке в ревущий металл,
Выпрямляясь, бутылки с горючим метал.
Видно, пуля попала в горючую смесь,
Он качнулся, охваченный пламенем весь.
И с последней бутылкой, как факел, на люк
Повернувшего танка он выскочил вдруг.
Эта светлая смелость другим не чета.
Может быть, он про Данко рассказ не читал,
Но пылала в его беспокойной крови
К милой Родине чистая сила любви.
Этот взрыв до сих пор над курганом гремит,
Это пламя на стяге Отчизны горит.
Я не знаю: ты русский, узбек, иль казах,—
Это пламя в твоих полыхает глазах.
У тебя есть любимая, дом и семья,
Есть навеки родная земля.
Никому наше счастье ни взять, ни украсть
Не позволит советская власть!

ЧАЙКИ НАД СТЕПЬЮ

В тот день я проехал ни много ни мало,
А сто километров по трассе канала.
Сухая и строгая, словно былина,
Дымилась под солнцем степная долина.
Здесь ветры последнюю влагу испили,
Полнеба закрыв облаками из пыли.
Но в степь, сквозь суглинок, мерцающий тускло,
Ворвалось канала глубокое русло.
Над ним экскаватор — шагающий робот,—
Качаясь, вздымал металлический хобот,
И там, где он делал в суглинке проходы,
Едва проступали грунтовые воды.
Мы этой воды, выступавшей из пыли,
Под солнцем степным, как спасенья, испили.
Нам в лица пахнуло седым океаном.
И спорили чайки с песчаным бураном.
Над выжженной степью, над медленной пылью
Сверкали упругие острые крылья.
Кружились, как будто им горе не в горе.
Я знаю: здесь завтра появится море!

Песни борьбы

Один из виднейших революционных писателей Западной Украины, Александр Гаврилюк, писал в 1933 году:

Ткутся слова и рождаются песни-плакаты,—
брошу я их сквозь решетку в крестьянские хаты...
Когда за свою ее примут, согреют сердцами,
как будто бы люди лелеяли песню ту сами.
Неважно, кто автор,—
важней, что ее породило...



Александр Гаврилюк.

Он был убит 22 июня 1941 года во Львове осколком фашистской авиабомбы.

Короткую (всего 30 лет), но полную счастливого смысла жизнь прожил поэт. Бурная, богатая опасностями и лишениями, жизнь эта была до конца отдана самому дорогому, что есть у человека,— борьбе за счастье народа.

Крестьянский парень из села Заболотье, Любельского воеводства, он с шестнадцати лет стал профессиональным революционером - подпольщиком.

Нам доля не давалась в руки,
Кто знает, как учились мы.
Тут были тропы до науки
Куда трудней, чем до тюрьмы,—

писал он в автобиографической поэме «Львов».

В условиях кровавого террора фашистско-шляхетской Польши Гаврилюк вел напряженную революционную работу: писал листовки и брошюры, организовывал сходки. Однажды дефензива выследила его. Гаврилюк был брошен в концлагерь Береза Картузская.

Мне, врагу угнетенья и мрака,
враг давно приготовил расплату:
возле теней Ванцетти и Сакко —
тень моя — их упрямого брата.

Дикие пытки, тоска одиночества, полный отрыв от жизни не сломили Гаврилюка, не убили в нем надежды на светлое будущее.

Поэма «Песня из Березы», в которой звучат отголоски глубокого, сдержанного страдания, полна страстной ненависти к угнетателям. С большой силой написаны лирические главы, обращенные к маленькому сыну.

Не имея возможности записывать стихи, Гаврилюк читал готовые части поэмы товарищам по заключению. Те легко запоминали простые, гневные и скорбные строки. Так возникла «Песня из Березы».

Ворота Березы Картузской распахнула Советская Армия, армия освободителей. Это ее прихода с надеждой ждал измученный народ Западной Украины.

И знали мы, что недалеко
тот день, когда в огне, в пыли
придут уверенно с востока
освободители земли...

«Теперь он снова стал работником пера,— писал в своих воспоминаниях о Гаврилюке Ярослав Галан. — «Интернациональная литература» печатает на английском языке его потрясающий репортаж о Березе, почти в то же время выходит его одноименная поэма. Гаврилюк становится душой львовской организации писателей».

Он славит теперь в своих стихах свободный, радостный труд освобожденного народа, призывает трудовыми делами «долг отплатить Октябрю» («Октябрь во Львове»). С глубоким волнением пишет он о «гордости народной», о «сердце мира» — Владимире Ильиче Ленине. Бессмертный Ильич — всегда с нами, он «слышит шаги поколений, стройный рокот грядущего дня».

Знает он, что опять за кордоном
Враг готовит запасы свинца...
(«Мавзолей»)

Яростный враг клерикализма и украинского буржуазного национализма, Гаврилюк заклеймил в своих стихах подлых предателей народа — «лакеев чужих господ», «из панского тряпья пошивших знамя для себя».

Задачу поэта Гаврилюк понимал как участие в борьбе рабочего класса против его врагов:

— Твоя борьба, твоя дорога —
дорога класса твоего,
так пой же о борьбе его!

Гаврилюк активно боролся за искусство демократическое, революционное, реалистическое.

Жестоко высмеял поэт дворянско-эстетские симпатии завсегдатаев литературных салонов, тех, кто «хулят стремления народа и славят латы и мечи».

Вы не преемники Тараса,
лакеи вы чужих господ.
От вас и вашего парнаса
могильным запахом несет,—

с презрением писал он.

Стихи Гаврилюка простые, доходчивые. Учителями поэта были Пушкин, от которого он «взял себе любовь и к жизни и к борьбе», а также великий кобзарь — Шевченко.

В рецензируемый сборник поэта входят две поэмы (причем «Песня из Березы» печатается в сокращении) и пять стихотворений.

К сожалению, не включен в книгу прозаический репортаж из концлагеря Береза Картузская, который надо по возможности сделать достоянием широкого читателя не только в СССР, но и за рубежом. Пусть этот волнующий документ еще и еще раз напомнит простым людям мира, что такое фашизм, и вместе со строками «песен-плакатов» поэта примет деятельное участие в борьбе против международной реакции и поджигателей войны.

В. ОГНЕВ

А. Гаврилюк. СТИХИ И ПОЭМЫ. «Вільна Україна». Львов. 1950. 60 стр.

Незабываемый дрейф

В то время как американские империалисты шлют в полярные страны экспедиции «Маск-Окс» и «Фростбайт», состоящие... из военных судов и бомбардировщиков, советские люди ведут упорную и планомерную работу по исследованию и мирному освоению Арктики в интересах социалистического хозяйства, в интересах передовой науки.

Советские полярники, выполняя указание товарища Сталина о превращении Северного морского пути в нормально действующую транспортную магистраль, покорили суровый край снега и льдов.

Об одной из советских экспедиций, сыгравшей огромную роль в изучении и освоении Арктики, рассказывает в своей книге Герой Советского Союза К. С. Бадигин.

Тринадцать лет тому назад в водах Центрального полярного бассейна начался дрейф ледокольного парохода «Георгий Седов». На протяжении двадцати семи месяцев корабль, зажатый тяжелыми арктическими льдами, прошел свыше шести тысяч километров в местах, еще никогда не посещавшихся человеком.

Грозные ледяные поля толщиною в три — четыре метра сжимали корабль. Многомесячная полярная ночь трижды спускалась на судно. Но седовцы, 15 рядовых советских моряков, в большинстве комсомольцев, не только упорно боролись за сохранение доверенного им корабля, но и сумели по собственной инициативе организовать в широких масштабах весьма важные для науки наблюдения.

К. С. Бадигин. ТРИ ЗИМОВКИ ВО ЛЬДАХ АРКТИКИ. «Молодая гвардия». 1950. 544 стр.



«Седов» попал в высокоширотный дрейф совершенно случайно, без всякой специальной подготовки. На судне не было ни достаточно подготовленных для научных наблюдений кадров, ни необходимого научного оборудования.

Не оказалось, например, глубоководной лебедки для измерения океанских глубин, а также лотлиня нужной длины. И вот седовцы во главе с боцманом Д. П. Буториным голыми руками на тридцатиградусном морозе сплели из тонких стальных проволочек необходимой длины трос.

При промерах глубин трос восемь раз обрывался, и плоды тяжелого труда уходили на дно океана. Все начиналось сначала. Всего седовцы изготовили 13 тысяч метров троса!

В трудном высокоширотном дрейфе моряков поддерживали внимание и забота советского правительства и лично товарища Сталина.

В самых тяжелых условиях седовцы оставались дружным, сплоченным коллективом, являвшимся маленькой, но неотъемлемой частью великого государства. «Каждое событие в международной политике, каждый новый успех в советском строительстве, каждый новый рекорд стахановцев вызывали оживленный обмен мнений и находили живой отклик на корабле»,— рассказывает капитан «Седова» К. С. Бадигин. Он вспоминает, как поразили его товарищей следующие строки из книги американского полярника адмирала Бэрда: «Хотя благодаря радио мы и находились в курсе всех мировых событий, ничто как будто не производило на нас особенно сильного впечатления. Обычно все, что выходило за пределы наших личных интересов, нас мало трогало и не казалось нам особенно существенным».

Другим, чуждым советским людям, страшным миром, который зиждется на узко эгоистических интересах, веет от этих строк. Чудовищной кажется советскому человеку «предусмотрительность» Бэрда, захватившего в экспедицию... дюжину прочных смирительных рубах.

На советском же дрейфующем корабле шла, по выражению автора записок, «дружная и осмысленная жизнь». Зимовщики участвовали в первых выборах в Верховный Совет СССР, приумножали технические знания, повышали свое политическое образование, слушая главу за главой «Краткий курс истории ВКП(б)», который им передавали по радиотелефону с острова Диксон.

Книга К. С. Бадигина, вышедшая в новой редакции и повествующая о 812-дневном дрейфе небольшой группы моряков, является замечательным документом, раскрывающим прекрасные черты советских людей.

С. Д. ТОКАРЕВ,
Герой Советского Союза

Америка глазами американцев

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР. Очерки и рассказы. Государственное издательство художественной литературы. М. 1950. 216 стр. Ц. 3 р. 25 к.

Рассказы, очерки, отрывки из публицистических работ Т. Драйзера и ныне звучат как гневная обвинительная речь против американской реакции.

Читая рассказ «Союз Майкла Дж. Пауэрса», в котором Т. Драйзер беспощадно обнажает всю механику покупки и продажи голосов избирателей, нельзя не вспомнить, что состоявшиеся в начале ноября нынешнего года в США выборы в сенат, в палату представителей, в законодательные собрания 33 штатов, а также выборы губернаторов представляли собой ту же неприглядную картину грязной лжи, лицемерных обещаний и мошеннических закулисных комбинаций.

А разве нижеследующие строки, написанные Т. Драйзером в 1931 году, не кажутся посвященными беспримерному по своей наглости «суду» над лидерами американской компартии:

«Такая беспощадная расправа с коммунистами при помощи чисто американской системы наказаний объясняется тем, что в Америке возросла, обосновалась и теперь бредит о вечном господстве власть денег, которая по наглости, жестокости, оголтелости чисто нероновского деспотизма не знает себе равных»?!



В разоблачении «омерзительных чудовищ финансового Олимпа,... предельно чуждых патриотизма», превративших американскую конституцию в «клочок бумаги», в реалистическом изображении нищеты и бесправия американского народа — пафос собранных в книге произведений Т. Драйзера.

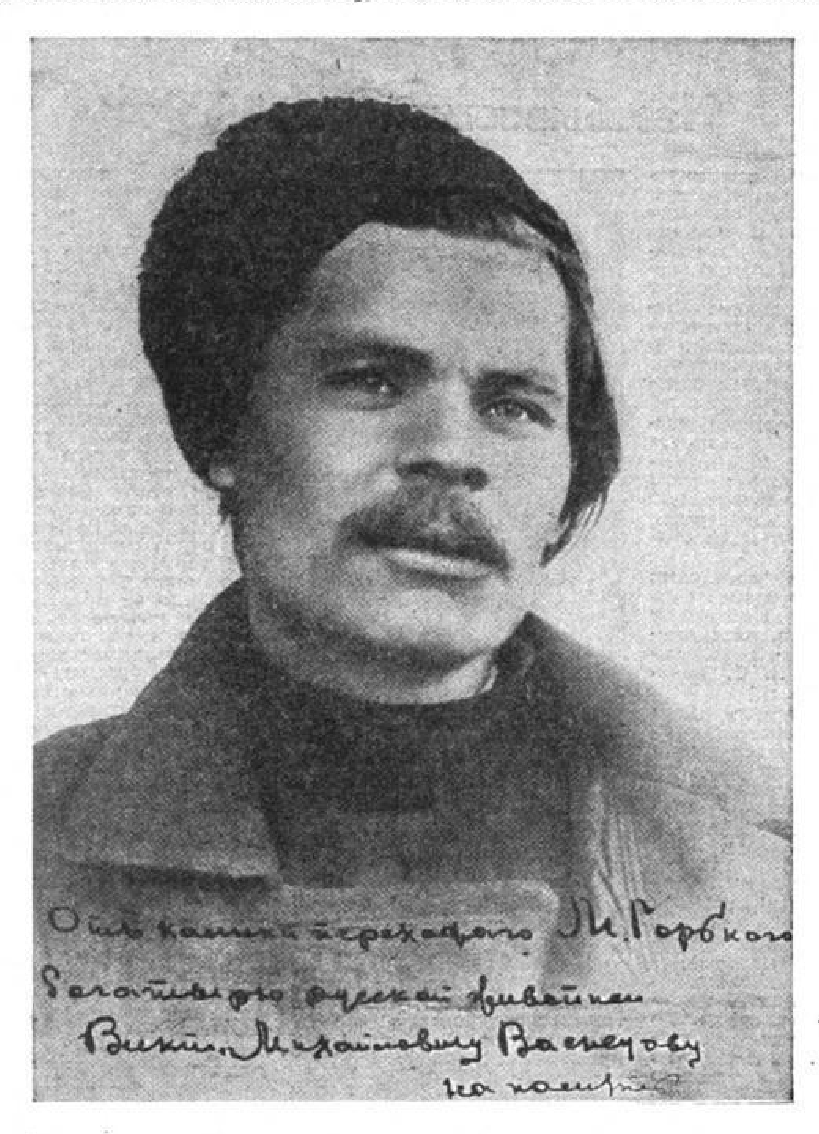
Суровый приговор вынес писатель капиталистической Америке: «На мой взгляд ни американская демократия, ни социальный порядок в Америке не удались... Корень зла, разумеется, надо искать в самой системе частной собственности»,— пишет Т. Драйзер.

В поисках выхода Т. Драйзер обращается к примеру Советского Союза, где народ взял власть в свои руки и добился экономического и культурного процветания страны социализма.

«Только массы могут вытащить Америку из беды» — эти слова знаменитого писателя, написанные в дни, когда он вступил в коммунистическую партию, звучат как логический вывод из прочитанного.

ФРЭНК НОРРИС «Спрут». Государственное издательство художественной литературы. М. 1950. 450 стр. Ц. 8 р. 35 к.

Этот написанный почти полвека назад и уже знакомый советскому читателю роман писателя, боровшегося за реалистическое изображение американской жизни, повествует о том, как могущественная железнодорожная компания разоряет фермеров, арендовавших у нее землю. Рисуя судьбу фермеров долины Сан-Хоакина, доведенных до отчаянного и безнадежного вооруженного столкновения с властями, Ф. Норрис наглядно показывает, что приносит американскому народу господство монополий.



Максим Горький и Виктор Васнецов

Увидев эту впервые публикуемую фотографию А. М. Горького, подаренную им известному русскому художнику Виктору Михайловичу Васнецову, читатель вправе заинтересоваться взаимоотношениями двух замечательных деятелей нашей культуры.

Впервые встретился Горький с Васнецовым, по словам Е. П. Пешковой, весной 1900 года в Ялте, куда Алексей Максимович приехал в середине марта на лечение и отдых. В Ялте в это время жил и А. П. Чехов.

Нередко писатели, артисты, художники, находившиеся в Ялте, собирались на квартире доктора Леонида Валентиновича Средина, близкого знакомого Чехова и Горького.

На квартире Средина и состоялось личное знакомство великого русского писателя с В. М. Васнецовым.

В конце мая 1900 года А. М. Горький, А. П. Чехов, В. М. Васнецов и доктора Л. В. Средин и А. Н. Алексин совершили поездку из Крыма на Кавказ.

Сохранилась интересная фотография, снятая весной 1900 года в Крыму и запечатлевшая один из эпизодов дружбы Горького с Васнецовым. На фотографии Васнецов по памяти зарисовывает в записной книжке Горького, который сидит справа, чуть позади от художника и, добродушно улыбаясь, наблюдает за его работой. Во время поездок в Москву Горький посещал Васнецова, жившего в 3-м Троицком переулке около Самотечной площади, бывал в его мастерской, интересовался его работой. В начале октября 1900 года Горький писал Чехову в Ялту из Нижнего-Новгорода:

«Я только что воротился из Москвы где бегал целую неделю, наслаждаясь лицезрением всяческих диковин вроле Снегурочки и Васнецова, Смерти Грозного и Шаляпина...» «...Для меня театр, Васнецов и сумасшедшая семья Книппер — дали ужасно много радости...»

2 ноября 1900 года Горький вместе с Чеховым был в мастерской художника. А. П. Чехов 1 ноября 1900 года писал из Москвы Л. В. Средину: «Здесь Горький. Я и он почти каждый день бываем в Художественном театре... Завтра оба идем к Васнецову...»

Васнецов делился с Горьким творческими замыслами, показывал писателю незаконченные или только начатые картины. Так, картину «Баян», законченную в 1910 году, М. Горький видел в мастерской художника в 1900 году.

«Васнецов — кланяется вам, — писал М. Горький А. П. Чехову. — Все больше я люблю и уважаю этого огромного поэта. Его Баян — грандиозная вещь. А сколько у него еще живых, красивых, мощных сюжетов для картин! Желаю ему бессмертия».

Особенно, по словам Е. П. Пешковой, Горький восхищался васнецовскими «Богатырями».

Недаром на публикуемой фотографии, которую Горький преподнес Васнецову во время посещения мастерской художника в Москве, Алексей Максимович писал:

«От калики перехожаго М. Горького
богатырю русской живописи
Викт. Михайловичу Васнецову
на память».

В этой шутливой по форме дарственной надписи легко почувствовать глубокую симпатию великого писателя к художнику, сумевшему в своем творчестве образно воплотить несокрушимую силу и величие русского народа.

Н. И. ПРОКОФЬЕВ

РУССКАЯ акварель

К. Ф. ЮОН,
народный художник СССР

Миллионы людей приходят в тихий Лаврушинский переулок и подолгу осматривают в залах Государственной Третьяковской галереи полотна Сурикова и Серова, Репина и Левитана, Брюллова и Верещагина... Нет такого советского человека, который, впервые собираясь в Москву, не связывал бы поездку в столицу с непременным посещением Третьяковской галереи. И если для зрителей круг вдохновенных творений русских мастеров замыкается экспозицией, то на самом деле он много шире. В запасниках галереи хранится много таких произведений, которые наверняка порадовали бы сердца тысяч людей и наполнили их еще бо́льшим уважением к русскому изобразительному искусству.

Сказанное относится в первую очередь к так называемому акварельному фонду Третьяковской галереи.

Акварели не повезло. По размеру вещи невелики. От света, в особенности от солнечного, они портятся. Помещения в галерее мало, не хватает. И вот, проложенные папиросной бумагой, годами покоятся в толстых папках великолепные акварели. Лишь малая часть их входит в экспозицию. А ведь в акварельной технике, то есть в письме водяными красками по бумаге, работали чуть ли не все лучшие русские живописцы.

И это понятно. Акварель обладает особой прелестью, легкостью, свежестью, прозрачностью, необычайной насыщенностью в свете. Художник, работая акварелью, использует белый цвет бумаги. Это увеличивает светосилу, делает акварель искусством белого, то есть светлого, дня. Художник не имеет возможности исправить акварель. Здесь не соскоблишь и не смоешь, как в масляной живописи. Отсюда работа наверняка.

Соединение свежести и размытости красок с передачей материальности, фактурности изображаемых предметов составляет одну из основных профессиональных трудностей акварельной техники, кстати, удачно преодоленную русскими мастерами.

Надо сразу же подчеркнуть, что в русской школе от первых акварелистов Михаила Иванова и Семена Щедрина до наших дней отличительным признаком было отсутствие погони за акварельной техникой во имя техники. Брюллов или Серов были виртуозами акварели, но главным для них всегда оставались мысль, идея, люди.

Я сознательно употребил такое определение — русская школа. Ведь мы имеем свою национальную школу акварели, со своими традициями, своими устоями. Но об этой школе, и школе замечательной, исследователи молчат. Опубликование в «Огоньке» лучших образцов акварельной живописи из фонда Третьяковской галереи должно восполнить существенный пробел в знакомстве широкого зрителя с русским искусством. Суть не только в том, чтобы обнародовать мало или вовсе не известные произведения, что уже само по себе очень важно, — суть в том, что читатели журнала смогут получить представление о русской акварельной школе.

Искусство Сурикова, Репина, Левитана, Серова возникло не на песке. Оно впитало, вобрало в себя все то лучшее, что было ранее, до них. Отсюда законное убеждение, что, впервые показывая русские акварели, надо и в журнале придерживаться определенной хронологичности. Посему показ произведений из акварельного фонда и начинается с работ Михаила Иванова (1748—1823) и Семена Щедрина (1745—1804).

Публикуемые акварели ярко отражают общее направление тогдашнего искусства, стремление к возвышенной романтике. Однако внимательный просмотр этих работ должен убедить в том, что художники были не чужды изучению натуры. Если они и изображали ее несколько в романтическом преломлении, то все-таки оставались верными правде. Семен Щедрин изображал Павловск, что под Петербургом, а Михаил Иванов, участвуя в русско-турецкой войне, писал славные «Штурм Очакова», «Штурм Измаила», виды городов Бессарабии — Бендеры, Яссы и другие. И Щедрин и Иванов — оба стремились к естественности пейзажа, но к этой цели они шли разными путями: Щедрин — от поэтической взволнованности, от мечтательности, а Иванов — от точности изображения.

Карл Брюллов (1799—1852) блистателен в своих жанровых акварелях. Они романтичны, декоративны, но вместе с тем сколько в них упорного штудирования натуры, знания жизни, в особенности в «Прерванном свидании»! Как трогателен и прекрасен образ девушки, сколько в нем человечности! И, наконец, взгляните, какое мастерство рисунка, какое богатство в цвете! Искусство Брюллова сыграло выдающуюся роль в развитии русской акварели.

Можно смело заявить, что в годы Брюллова в целом мире нельзя было найти художника, которому он уступил бы в мастерстве владения акварелью.



К. П. Брюллов. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ. (Из акварельного фонда Государственной Третьяковской галереи).



К. П. Брюллов. ПРЕРВАННОЕ СВИДАНИЕ. (Из акварельного фонда Государственной Третьяковской галереи).

ЗАРЯ НОВОЙ ЖИЗНИ

Фильм о демократической Германии

В. СМИРНОВ

Тяжелый и сложный путь проделал немецкий народ, прежде чем он смог провозгласить 7 октября 1949 года Германскую демократическую республику.

На экране проходят страницы недавнего прошлого: мелькают города и селения, старинные поместья феодалов, откуда не раз протягивались жадные руки милитаристской Германии к чужому добру. Так начинается новый цветной документальный фильм «Демократическая Германия» (производство Центральной студии документальных фильмов в Москве и Германской киностудии «ДЕФА». Автор — режиссер фильма Микола Садкович, главный оператор — Г. Бобров).

Германская военщина душила ростки свободы и мира в собственной стране, она была очагом агрессии и реакции в Европе. На этой земле был взращен гитлеровский режим, ставший цепным псом мирового империализма в борьбе против демократии. Мечтая о покорении мира, Гитлер хвастался: «Я сделаю неузнаваемым центр Европы». Да, центр Европы стал неузнаваемым. Кадры фильма показывают невиданные разрушения городов и селений, неисчислимые жертвы простых людей. Это — все, что дал Гитлер немецкому народу.

После разгрома гитлеризма Советской Армией в 1945 году Германия была разделена на четыре зоны. На секторы был разделен и Берлин, находящийся в советской зоне. Разными путями пошла жизнь в Восточной и Западной Германии.

В восточной зоне земля очищалась от следов позора и преступлений. Через двенадцать лет после ухода в подполье возобновила легальную деятельность коммунистическая партия Германии, организатором и вождем которой был Эрнст Тельман — бесстрашный борец за мир и свободу.

Экран переносит нас в Гамбург. Здесь, в порту, началась боевая революционная жизнь Тельмана. Мрачные годы фашизма. Ни тюрьма, ни пытки не сломили воли Тельмана к борьбе. Августовской ночью 1944 года по приказу Гитлера и Геринга его убили в концентрационном лагере Бухенвальде. Но начертанные кровью на стенах тюремных камер слова «Да здравствует Тельман!» говорят о том, что и после смерти его имя стало символом борьбы.

«Мы — армия грядущей зари»,— говорил Тельман. И эта заря уже занялась над землей Германии.

Принятый третьим съездом Социалистической единой партии Германии пятилетний план открыл перед немецким народом невиданные возможности дальнейшего развития хозяйства. Тысячи предприятий, принадлежавших нацистам-преступникам, переданы народу.

Фильм убедительно и ярко показывает, как рабочие, став хозяевами своей судьбы, по примеру советских стахановцев широко развернули движение активистов в промышленности. Большие изменения произошли и в сельском хозяйстве, где землю получили те, кто на ней работает.

Дети рабочих и крестьян, перед которыми открылись все двери учебных заведений, приобщаются к знаниям, культуре, к строительству новой жизни.

В ярких кадрах фильма показан общегерманский слет 700 тысяч юношей и девушек, происходивший в мае этого года в Берлине. Молодое поколение Германии воспитывается в духе готовности к труду и борьбе за счастье своего народа, за мир, за дружбу со всеми народами.

Затем кадры фильма знакомят зрителя с другим миром — с западной зоной Германии.

Вот граница секторов Берлина. На плакате надпись: «Вы въезжаете в американскую зону». Там другой мир, мир маршаллизованной Германии. Зритель видит, как в английской, американской и французской зонах формируется новая немецкая армия. Ее солдаты поспешно отворачиваются от объектива киноаппарата... На улицах бесконечные толпы безработных. Этим людям обещали молочные реки и кисельные берега, а они стоят на берегу мутной Шпрее и ждут работы и хлеба. Ждут целых четыре года. Триста тысяч безработных в одном только Западном Берлине!

В витринах магазинов виден пестрый хлам американской завали, присланной по плану Маршалла. У безработных нет денег, нет хлеба, а им говорят: «Покупайте, продавайте, делайте свой бизнес. Живите по «американскому образу жизни».

«Не женитесь, пока не купите мебель Джона Ритерра»,— предупреждает американская реклама на развалинах дома. Но мебель сейчас не ходкий товар, значительно прибыльнее торговля людьми. Вот плакат: «Такси-герлс». «Срочно требуются «девушки-такси», с вызовом по телефону и почасовой оплате».





Вверху: рабочие демократической Германии читают газету с приветствием товарища Сталина немецкому народу. Внизу: на занятиях в школе.

...По улицам проходят американские танки. Это после летних маневров возвращаются на зимние квартиры англичане и американцы, превратившие Западную Германию в свою колонию.

...Экран снова переносит нас в Германскую демократическую республику, где советское правительство передало Временному правительству Германской демократической республики функции управления, принадлежавшие до того советской военной администрации.

Особенно волнуют кадры фильма, показывающие выборы президентом Германской демократической республики испытанного борца за дело рабочего класса Вильгельма Пика, его присягу на верность республике, народу, делу мира и демократии. Морем факельных огней и знамен, ликованием встретил своего президента немецкий народ. Это была демонстрация единства народа, выражающего доверие президенту Вильгельму Пику и главе Временного правительства Отто Гротеволю.

В те радостные и волнующие дни мысли и чувства трудящихся Германии были обращены к Москве — столице нового мира, откуда великий вождь народов товарищ Сталин приветствовал в своем историческом послании рождение Германской демократической республики.

«Демократическая Германия» — глубоко волнующий и правдивый фильм, ярко рассказывающий о жизни и борьбе германского народа.



Вильгельм Пик выступает перед народом в день избрания его президентом Германской демократической республики.

Навстречу будущему

В. ОРЛОВ,
народный артист РСФСР

Каждый день среди зрителей Московского Художественного театра можно видеть колхозников—стахановцев полей, Героев Социалистического Труда, орденоносцев, прибывших в столицу по самым разнообразным делам из Подмосковья и с Украины, из Казахстана и с берегов Волги. Особенно часто зрителей-колхозников встречаем мы сейчас на представлениях «Второй любви» — новой постановки театра, повествующей о советской деревне наших дней.

Для Художественного театра обращение к пьесам о людях колхозного села отнюдь не случайно. Еще в 1927 году, когда МХАТ показал свой первый спектакль, посвященный советской современности, — «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова,— мы видели на подмостках театра крестьян-партизан, с оружием в руках защищавших власть Советов, сражавшихся за новую, свободную жизнь. Глава партизанского отряда крестьянин Вершинин в гениальном воплощении В. Качалова предстал перед зрителями человеком, способным на подлинное геройство в борьбе за народное счастье.

Тема борьбы за землю, за свободную жизнь скоро получила свое дальнейшее развитие в репертуаре театра.

В 1936 году вышел в свет и сразу завоевал любовь читателей роман Николая Вирты «Одиночество». Эпические картины гражданской войны в деревне, правдивые и яркие образы крестьян обратили на себя внимание одного из руководителей МХАТ — Владимира Ивановича Немировича-Данченко. По предложению Владимира Ивановича Н. Вирта написал для театра по мотивам своего романа пьесу «Земля». Так на сцене МХАТ появился талантливо поставленный народным артистом СССР Л. М. Леонидовым спектакль «Земля» — о борьбе народа за свободу, за прямую дорогу к счастливому, радостному будущему.

Русский крестьянин Фрол Баев, чей образ правдиво и глубоко обрисовал в этом спектакле артист А. Грибов, воспринимался аудиторией театра как представитель широчайших масс крестьянства периода гражданской войны, приходящих к пониманию идей большевизма.

В судьбе Фрола Баева, неграмотного мужика, которому страстно хотелось найти правду, понять, где же верный путь к счастью, отразились, как в капле воды, те большие тревоги, которые волновали многих и многих тружеников земли в годы гражданской войны. С недоверием Фрол Баев слушал рассказы большевика Листрата (артист Б. Добронравов) об «общей земле». Провозвестником «мужицкой правды» он считал не Листрата, а кулацкого ставленника бандита-белогвардейца Антонова (артист В. Топорков). Но в речах Антонова и его приспешников зазвучали знакомые ноты, слышанные Фролом не раз из уст деревенского мироеда-кулака Сторожева (Н. Хмелев). И вот Фрол отправляется в Москву, к Ленину, за правдой. Он возвращается помолодевший, окрыленный. Глаза старика смотрят по-юношески зорко и бодро. Теперь ему ясна цель и нестрашна смерть: за правду русский крестьянин постоять сумеет!

Герой спектакля «Земля» Фрол Баев погиб от руки антоновских бандитов. Но, умирая, он знал, что открывается новая, счастливая жизнь для всех тех, кто изнемогал раньше под «властью тьмы».

Эту новую жизнь Московский Художественный театр отобразил в спектакле «Хлеб наш насущный» Н. Вирты. Прошло больше двадцати пяти лет с тех пор, как погиб за правду Фрол Баев. И какие разительные перемены наступили в деревне! Как изменились люди! Ныне они сами вершат свою судьбу. Алексей и Анна Роговы, Наташа Балашова, Ковалев, Зорина — все они шагнули далеко вперед, выросли духовно, культурно, ст[ал]и смело и решительно управля[ть] своим объединенным хозяйством.

Правда, в колхозной семье встречаются еще такие перерожденцы, как Тихой, председатель колхоза, попытавшийся использовать свое положение для замаскированного возврата к кулачеству. Но таких, как Тихой, рано или поздно разгадывают и разоблачают. Циничная проповедь «сила у того, у кого хлеб» неизбежно терпит провал в наших условиях, когда люди колхозного села познали реальные возможности и радостные перспективы дружного, созидательного труда. К такой мысли приводил зрителей поставленный

В. Иванов «Бронепоезд 14-69». Сцена на колокольне.





Сцена из спектакля «Вторая любовь». Груня — Е. Хромова, Родион — В. Давыдов.

И. Судаковым спектакль, в котором главные роли исполняли такие мастера театра, как К. Еланская (Рогова), М. Болдуман (Ротов), В. Попова (Твердова), А. Грибов (Тихой).

Ныне пьесой «Вторая любовь» Е. Мальцева и Н. Венкстерн в историю театральных спектаклей о колхозном селе вписана новая страница. Это сделано силами молодежи Художественного театра, осуществившей под руководством режиссера В. Станицына инсценировку романа Елизара Мальцева «От всего сердца».

В спектакле воплощены широкие поэтические картины быта деревни наших дней, когда уже близким стало то «коммунистическое далеко», о котором мечтал Маяковский. В центре спектакля образы двух молодых людей: колхозницы Груни Васильцовой и ее мужа Родиона.

Впервые зритель встречается с ними в день их свадьбы. Шумно, весело гуляет молодежь. Песни, музыка, смех, острые шутки, яркие пляски... А те, кто постарше, сидят в саду и на террасе за празднично накрытыми столами.

Единую, дружную большую семью составляют члены колхоза «Рассвет». Среди этой семьи счастливыми чувствуют себя новобрачные Груня и Родион. Груня — сирота, но сколько приехало с ней из колхоза провожатых! Колхоз заменил ей семью, окружил заботой и лаской, воспитал принципиальным, умным, честным человеком. Подстать Груне и Родион, красивый, волевой, полный сил и молодого задора. Большая, радостная, созидательная жизнь предстоит молодоженам.

Но война разлучает супругов. Родион отправляется на фронт. Вскоре приходит весть о его гибели. Только беззаветный труд в коллективе и сознание долга перед Родиной помогают Груне преодолевать большое горе. Она мужает от сцены к сцене, становится волевым, сильным человеком.

Сложную, интересную и благодарную роль Груни играет молодая артистка Е. Хромова, воспитанница школы-студии Художественного театра.

Это ее вторая роль на сцене МХАТ. Москвичам, видевшим спектакль «Дядя Ваня», запомнилась и полюбилась Хромова-Соня с ее мечтой о «небе в алмазах», о большом человеческом счастье. Только у актрисы советской школы, живущей в то время, когда мечта чеховской Сони давно уже стала явью, могли прозвучать так убедительно, так сильно эти слова надежды и веры.

Глубокая уверенность в правильности своих поступков, в своих силах пленяет зрителей и в Хромовой-Груне. Груне чужды себялюбие, тщеславие, все ее силы направлены на то, чтобы принести обществу как можно больше пользы.

...Неожиданно возвращается с фронта Родион. Эту роль играет молодой артист В. Давыдов. Примечательна сцена встречи супругов. Четыре года они не виделись. Груня стала бригадиром, известным колхозным новатором. Родион приезжает возмужавший, словно закаленный в огне войны, сильный, статный. На груди его сверкают боевые ордена. Собираются друзья. Груня восторженно смотрит на любимого. Она восхищается и гордится им. Она полна счастья.

Скоро выясняется, однако, что испытание войны не исцелило Родиона от некоторых недостатков, свойственных его характеру с детства. Мальчишеское стремление быть первым во всех играх обернулось эгоизмом, тщеславием. В то время как Груня живет мечтой о том, чтобы вся колхозная земля давала большие урожаи, чтобы Родина была богата и сильна, Родион мечтает лишь о собственной славе, о своем успехе, о «рекорде». Золотая Звезда Героя Социалистического Труда влечет его не как свидетельство торжества колхозного труда, а как знак его, Родиона, личной победы.

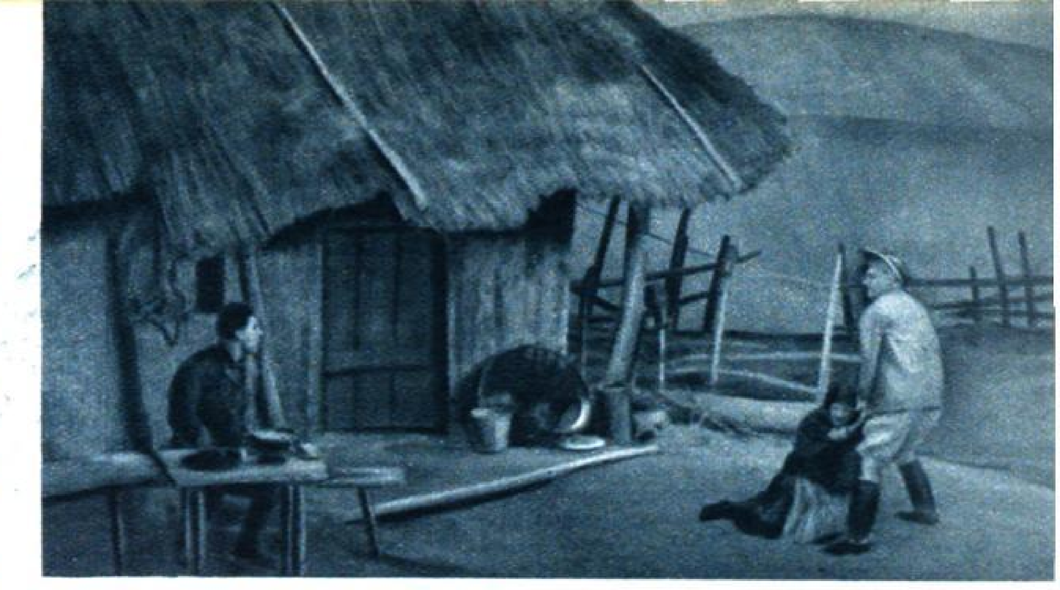
Размолвка супругов перерастает в разрыв. Родион решает уехать в город... Он ощущает уже свою неправоту, но из самолюбия и упрямства не хочет признаться в этом даже себе самому.

Вскоре он возвращается в свой колхоз. После разговора с секретарем райкома Родион уже ясно понимает, что сбился с верного пути. И, тем не менее, все еще чувствует себя обиженным, все еще не может обрести творческий, рабочий контакт с коллективом. Но коллектив приходит ему на помощь.

Родион вырос в артели, воспитан комсомолом, закалился на фронте. И, осознав свои ошибки, он становится в ряды передовых колхозников.

Такова основная проблема этого спектакля, отражающего разительные перемены, происшедшие в нашей деревне. В дни Великой революции и гражданской войны русские крестьяне, подобно Вершинину и Фролу Баеву, нашли путь к счастью, к социализму. Еще не так давно они отбросили со своего пути таких врагов, как Тихой, — последышей кулачества, расточителей народного добра. Ныне, на подступах к коммунизму, люди наших колхозов борются со всеми пережитками прошлого, против всех рецедивов старой, собственнической морали. Идеи коммунизма стали реальностью нашего дня.

Если герои первых спектаклей МХАТ, посвященных советскому крестьянству, боролись за право владеть землей, то герои таких спектаклей, как «Хлеб наш насущный» и «Вторая любовь», стремятся не только к тому, чтобы земля, принадлежащая народу, давала все более богатые плоды, но и к тому, чтобы росли в полную силу люди колхозного села.



Н. Вирта. «Земля». Встреча братьев. Листрат — Б. Добронравов, Алешка — В. Белокуров, мать — А. Зуева.



Сцена из пьесы Н. Вирты «Хлеб наш насущный». На переднем плане: председатель райисполкома Твердова — В. Попова, Зотов — А. Звенигорский, Балашова — В. Бендина, Тихой — А. Грибов.



Пьеса Е. Мальцева и Н. Венкстерн «Вторая любовь». Митинг в колхозе «Рассвет». Выступает секретарь райкома Ракитин — А. Вербицкий.

Постановки, показанные Художественным театром на разных этапах его творческого пути, отразили огромные, исторической важности процессы и ярчайшие события в жизни русского крестьянства, некогда угнетенного и забитого, ныне познавшего подлинное счастье, идущего навстречу еще более прекрасному будущему.

Вот почему на спектакле «Вторая любовь» в зрительном зале Художественного театра так часто бывают колхозники. По разным делам приехали они в Москву: одни — в Тимирязевскую академию, другие — на ту или иную конференцию... Но всех их привлекло в театр желание увидеть на сцене правдивые картины своей светлой жизни.

Призвание



В. ВИКТОРОВ

Фото Е. Умнова

Роза Шимановская среди своих учениц.

Центральный институт физической культуры имени Сталина помещается на улице Казакова, в старинном здании и в новых, пристроенных к нему корпусах.

С утра до вечера аудитории и бесконечные коридоры, спортивные залы и институтский стадион заполнены оживленной молодежью. Как бы подчеркивая профиль этого вуза, созданного в 1920 году, стоят на всех этажах скульптуры атлетов.

В стенах института готовят преподавателей физического воспитания. С одним из таких будущих педагогов мы встретились в комнате деканата. Студентка четвертого курса Розалия Августиновна Шимановская, невысокая светловолосая девушка, вошла в комнату, перелистывая газету «Советский спорт».

— Читали, как замечательно выступили вчера наши гимнасты? — спросила она нас. И, разглядывая напечатанные в газете фотографии, добавила:—Отличные у нас мастера! Для меня видеть их выступления — всегда большая радость, и всегда мне после этого немного грустно... Отчего грустно? От мысли, что так трудно достигнуть совершенства.

— Но вы имеете первый разряд,— сказали мы,— до мастера не так уж далеко, только один шаг.

— Вот этот шаг и самый трудный,— со вздохом ответила девушка. Помолчав немного, она добавила: — Я ведь с четырнадцати лет серьезно занимаюсь гимнастикой. В детской спортивной школе начинала у известного преподавателя Петра Кирилловича Якутова. Слышали о нем? А вот до сих пор мастером не стала...

Рассказывая все это, она смотрела на нас так прямодушно и мягко, как обычно смотрят все, кто много времени проводит с детьми, и то, что она говорила, было так же прямодушно и искренно:

— Я очень многим обязана Петру Кирилловичу. Он помог мне полюбить гимнастику, раскрыл сущность этого прекрасного спорта. Сначала меня пугали гимнастические снаряды — брусья, перекладина, конь. Боязно было подходить к ним, какими-то они казались колючими, враждебными. Все боялась, что обязательно с них сорвусь, ударюсь. Но потом я увидела, какую вырабатывает гимнастика красоту движений, осанку, и с удовольствием разучивала упражнения на снарядах и вольные движения на ковре.

Петр Кириллович научил меня не только любить гимнастику, но любить и уважать труд физкультурного педагога. Бывало, скажет: «Роза, ну-ка проведи урок!»,— а сам отойдет в сторону, пощипывает свою бородку и улыбается. Так я научилась испытывать радость вот от этого... Ну как бы вам сказать... Вот от этого сознания, что на гимнастических снарядах при умении можно формировать человеческое тело, делать его сильным, гибким...

Потом я стала заниматься в спортивной школе с другим преподавателем, Валентиной Васильевной Черныш. Она очень много сделала, чтобы развить во мне мягкость, плавность движений — качества, которые отличают нашу советскую гимнастическую школу. Я росла, выступала на соревнованиях, но не хватало мне чего-то, каких-то завершающих черт, без которых невозможно стать выдающимся мастером. И как-то подумала я, что Петр Кириллович, видно, завещал мне другой путь, более скромный, но не менее нужный... Вы спрашиваете, какой? Для того чтобы это было вам ясно, о многом еще надо рассказать, а я опаздываю в бассейн, на плавание.

Она вскочила и, прощаясь с нами, добавила:

— Если хотите, приходите завтра в триста тридцать третью школу, тут же, рядом с институтом, в Гороховском переулке. Я там преподаю.

На следующий день мы пришли в школу и еще в коридоре, прежде чем распахнулись двери класса, услышали знакомый голос: «Руки отвести назад. Слушайте темп!»

— Входите, входите,— увидев нас, сказала Шимановская, — надеюсь, вам не будет скучно.

В зале, выстроившись в ряд, стояли маленькие школьницы, стриженые и с косичками, и все они не сводили глаз с девушки, одетой в спортивный тренировочный костюм. Они старательно выполняли все ее указания, ловко карабкались на гимнастическую стенку, бегали по залу, играя в «Бездомного зайца» и «Медвежонка на льдине». И по тому, с каким увлечением они все проделывали, чувствовалось, что это им очень нравится. Когда прозвенел звонок, раздались разочарованные возгласы: девочкам явно не хотелось покидать зал...

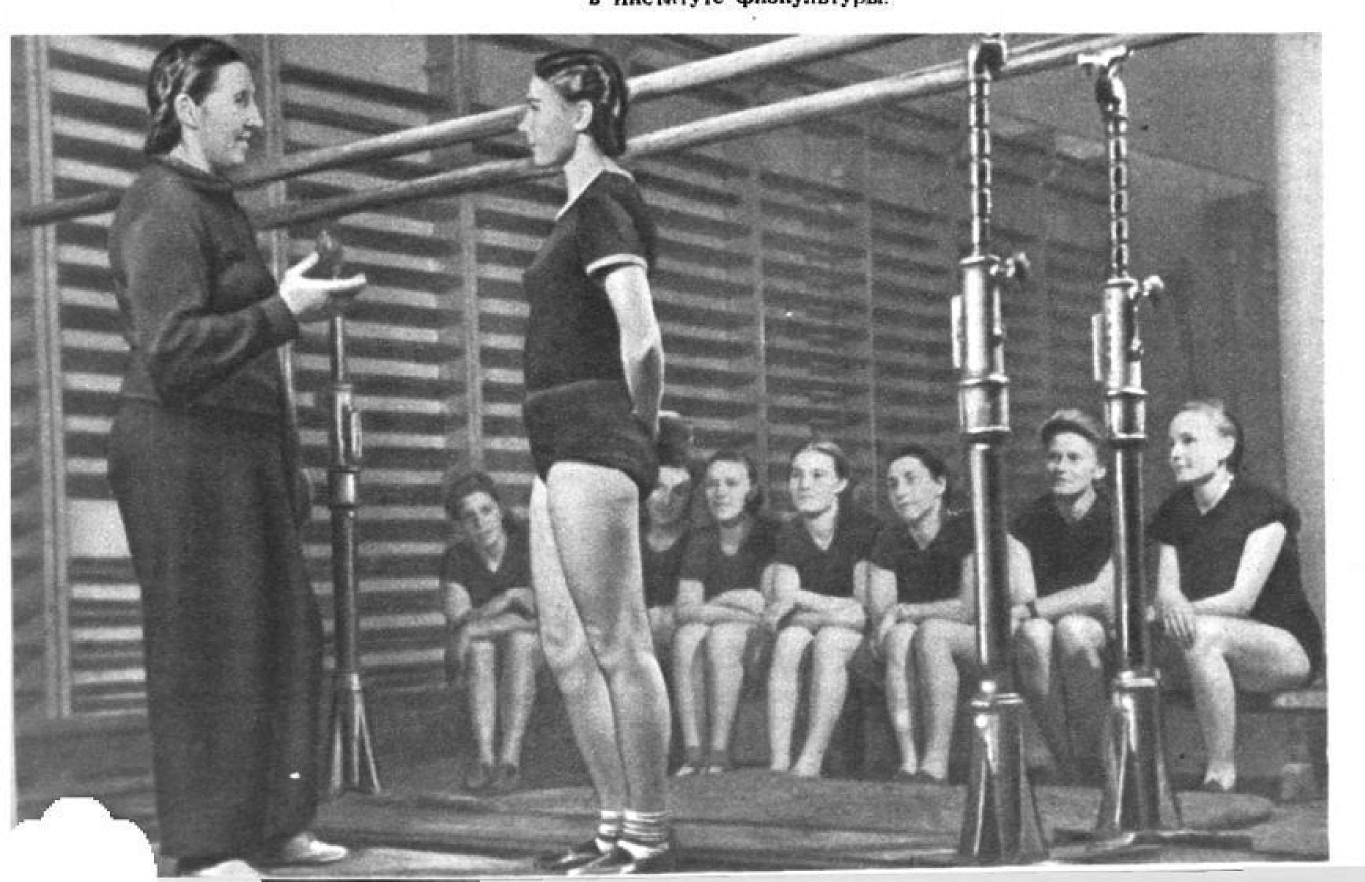
— Вот и я тоже всегда жалела, когда кончался урок гимнастики,— смеясь сказала нам Шимановская.— Знаете, я ведь в этой же школе училась, у Нины Васильевны Калмыковой. Вот так же прыгала по залу, и мама на меня сердилась, что я так увлекаюсь гимнастикой. Она все говорила: «Пока не научишься с наперстком шить, не пущу в гимнастическую школу».— Девушка улыбнулась этому неожиданному воспоминанию и добавила: — У нас в районе к тому времени начала работать детская спортивная школа. Но об этом я вам уже рассказывала...

Как-то после окончания десятилетки Валентина Васильевна Черныш спросила меня, куда я думаю поступить учиться. Я тогда очень физикой увлекалась и все никак не могла решить, то ли в Энергетический институт идти, то ли в Инфизкульт. Валентина Васильевна помогла мне сделать выбор, и Нина Васильевна то же советовала. Но не буду скрывать: многие отговаривали...

Шимановская обвела взглядом опустевший зал:

— Вот ведь как получается: до сих пор еще есть люди, которые на труд преподавателя физической культуры смотрят как-то свысока, как на дело несерьезное. Я, как услышу такие разговоры, не могу молчать. Сразу слова Михаила Ивановича Калинина им напоминаю. Помните, как, выступая перед школьниками, он русский язык, математику и физкультуру рядом поставил?

Начала я заниматься в Инфизкульте. Этот переход от школьных занятий к институтским всегда очень труден. Другие масштабы, другой подход, и предметы совершенно новые.



Преподавательница В. Б. Черныш (слева) и Роза Шимановская на занятиях по гимнастике в Институте физкультуры.

Уставала я очень, еле домой доползешь. И вот, представьте, встречает меня Нина Васильевна и говорит: «У нас второй преподаватель ушел. не поможешь ли ты мне?» «Какой же я педагог?—говорю.—Я ведь на первом курсе учусь!» А Нина Васильевна мне отвечает: «Ты же Петру Кирилловичу помогала. У тебя опыт с детской школы. Попробуй, может, удастся».

И я начала посещать триста тридцать третью школу, но уже не как ученица, а как педагог. Сначала временно замещала преподавателя, а потом зачислили меня на постоянную работу. Правда, директор много часов не давал, чтобы не срывать учебу в институте...

Так четыре года и прошли. Изучала я теорию физического воспитания — один из главных предметов институтского курса — на практике, в школе. Нина Васильевна все не дождется, когда я институт закончу. Хочет меня выдвинуть старшим преподавателем, на свое место. «Ты,— говорит,— теперь дипломированный специалист, а я только техникум физкультурный окончила...»

Не знаю, как все сложится, направят ли меня в свою школу, но в школу я обязательно пойду... Не в вузе, не в техникуме буду преподавать, а вот в таком четвертом классе, какой вы сегодня видели.

Девушка помолчала, словно не решаясь что-то сказать, а потом добавила:

— У меня, знаете ли, есть одна сокровенная мечта. Я с вами поделюсь... Очень хочется взять таких малышек из четвертого класса и провести их до десятого. Как это должно быть увлекательно! Вы подумайте, из таких игроков в «Бездомного зайца» сделать прекрасно развитых, сильных, волевых людей!.. Ну, скажите мне, какая еще профессия может предоставить вам такую чудесную возможность?!

Взволнованно звучал в опустевшем школьном зале рассказ двадцатидвухлетней девушки, и как-то особенно выразительно переплеталось в этом рассказе ее прошлое с настоящим и будущим. Вот школа, где она училась. За окном в соседнем здании и сейчас работает спортивная детская школа, в которой она не так давно занималась по вечерам. А в нескольких минутах ходьбы отсюда находится Инфизкульт.

Здесь, в Институте физической культуры, за четыре года у девушки окрепла та любовь к благородной работе педагога, которую она впервые испытала на занятиях Петра Кирилловича. По-новому увидела сейчас Роза своего учителя. Это был бескорыстный энтузиаст, но самоучка, бесконечно увлеченный своим трудом, но двигающийся часто ощупью. Ей же институт дал в руки стройную, многообразную систему физического воспитания — советскую систему. Окончив Инфизкульт, Шимановская сможет растить молодежь не только сильной физически, но и нравственно, смелой, дерзновенной, любящей свой коллектив, свою Родину. Да, Роза Шимановская верит, что в гимнастическом зале можно растить такую молодежь. Для этого многое надо знать, помимо гимнастики, и девушка одинаково увлеченно изучает физиологию и политэкономию, фехтование и организацию физкультурных коллективов на селе. Но не проходит дня, чтобы Роза Шимановская не побывала и в гимнастическом зале.

Гимнастический зал Инфизкульта — это, в сущности, целая анфилада прекрасных, залитых светом залов. Они никогда не пустуют. В дневные часы тут идут академические занятия, вечером — спортивная тренировка.

В один из таких вечеров мы увидели здесь Розу Шимановскую и ее товарищей по курсу Шуру Агееву, Машу Зенкову, Иру Тищенко, Марину Зайцеву, Аню Мозжайкину — всех тех, с кем вместе прожиты эти напряженные, трудные, но радостные четыре года.

Девушки сидели на низенькой гимнастической скамейке, внимательно слушая объяснения преподавателя Валентины Васильевны Черныш. Она некогда заменила Розе Шимановской ее любимого учителя Петра Кирилловича, когда пришло время, привела свою воспитанницу на экзамены в Инфизкульт, а теперь под ее руководством студенты проходят свой основной, специальный предмет — гимнастику.

— Итак, товарищи, сегодня мы будем отрабатывать произвольные комбинации по разряду мастеров,— сказала Валентина Васильевна.— Готовьте руки.

И Шимановская, вскочив со скамеечки, подошла к столику с магнезией...

Бесконечно разнообразны гимнастические упражнения. Они исполняются то плавно, то стремительно, требуя от спортсменов безукоризненной координации движений, выдержки, силы.

Два часа продолжается тренировка. Подходит к концу большой студенческий день. На все хватило времени — на лекции, и на тренировку, и на занятия в школе, и на комсомольскую работу. Теперь, приняв душ, поговорив с подругами о зачете, сданном вчера, и о лекции, с которой начнется завтрашний день, Роза Шимановская отправится домой. Но, прежде чем свернуть под арку, соединяющую новые корпуса со старинным казаковским зданием, она привычно оглянется назад, чтобы еще раз взглянуть на светящиеся окна вечно кипучего, как сама молодость, Инфизкульта.

Тренеры советского спорта

Летчик Яков Форостенко

Высоко в дали голубого неба появился четкий строй спортивных самолетов. Над аэродромом по невидимому знаку передовой краснокрылой машины их журавлиная цепочка вдруг рассыпалась на равные группы. Самолеты то кружили в воздухе, словно рисуя причудливый кружевной узор, то стремительно низвергались вниз, пикируя в «мертвой петле». Вот они образуют «воздушный тоннель», превратившийся затем в два гигантских кольца, вращающихся один внутри другого в противоположных направлениях. Еще миг — и в воздухе образуется огромная живая спираль, сменяющаяся «восьмеркой». Снова спираль, петля, иммельман...

Через несколько минут машины уже на земле. Стихает рокот моторов. Молодые пилоты, покинув кабины, спешат к высокому человеку, одетому в комбинезон. Они плотным кольцом окружают мастера спорта Якова Даниловича Форостенко. Это он несколько минут тому назад управлял штурвалом машины, ведя в полет своих учеников. В глазах юношей искрится большая радость: полет прошел отлично. Но больше всех рад успеху тренер Яков Форостенко.

Взглянув на молодежь, он подумал: «Для каждого из них полет стал такой же жизненной необходимостью, как и для меня». Вот светящееся задором лицо Владимира Маркова — мастера московского завода «Красный пролетарий». Этот жизнерадостный молодой человек участвовал в боях в дни Великой Отечественной войны, и на его счету шесть сбитых вражеских самолетов. Рядом с ним стоят другие пилоты — преподаватель физкультуры 574-й школы Владимир Квейснер, водитель троллейбуса Леонид Курочкин, студент Института международных отношений Николай Кузнецов, работник метрополитена Дмитрий Лапин. Всех их, людей самых различных профессий, сплачивает крепкая дружба, горячая любовь к воздушному спорту.

Немалую роль в этой дружбе играет Форостенко. За внешне спокойной сдержанностью и строгостью Якова Даниловича таится чуткое сердце учителя, заботящегося о своих учениках.

Трудно сосчитать, сколько мастеров полета подготовил Яков Форостенко. Спортсмены, которых он впервые в аэроклубе поднимал в воздух, учил мастерству пилотажа, тренировал к авиационным парадам, с благодарностью вспоминают своего учителя.

...Мечта о полете с детства окрыляла воображение Яши. И, как всякая мечта в нашей стране, она сбылась. Он хорошо помнил слова отца, часто говорившего: «Знай, сынок: не будь у нас советской власти, которая так заботится о нас, не было бы у тебя и мечты такой...»

Воспитанный комсомолом, Форостенко двадцатилетним юношей вступил в большевистскую партию. В эти же годы авиация стала его профессией.

В дни Великой Отечественной войны Яков Форостенко неутомимо готовил военных летчиков для фронта.

В первый же послевоенный год Форостенко вместе с известным летчиком Василием Павловым поручили тренировать спортсменов к авиационному параду в День воздушного флота СССР. Их семерка спортивных самолетов «УТ-2» должна была выполнить сложный комплекс фигур высшего группового пилотажа. Пилоты знали, что за их полетом будет следить товарищ Сталин, что оценивать их воздушное выступление будут тысячи гостей Тушинского аэродрома.

Они готовились упорно и настойчиво. В эти дни Форостенко старался передать каждому спортсмену весь свой богатый опыт бывалого летчика, мастера высшего пилотажа.

Как и ожидали, полет прошел отлично. Спортсмены показали мастерство, слетанность и хорошее владение машинами и получили высокую оценку.

В последующие годы он также продолжал тренировать молодых пилотов.

...Осенние дни слегка позолотили листву деревьев. В один из таких дней на летном поле Тушинского аэродрома у серебристого моноплана собрались летчики, инженеры, механики, метеорологи. Они еще и еще раз проверяли мотор, приборы, подвешивали в машине барографы. У всех чувствовалось приподнятое, взволнованное настроение.

Наконец самолет готов к полету. Место в кабине занимает Яков Форостенко. Воздух оглашается рокотом мотора. Машина, плавно покачивая крыльями, трогается со старта и, ускоряя бег, отрывается от земли. Набрав высоту, она ложится курсом на запад и вскоре исчезает в сизой дымке горизонта...

Так начался замечательный скоростной полет Якова Форостенко. На легком спортивном самолете он пролетел 1000 километров по замкнутому маршруту Москва — Смоленск — Орел — Москва со средней скоростью 223, 560 километра в час. Такой скорости на самолете подобного класса не достигал ни один авиаспортсмен в мире.

Авиаспортсмены, которых тренирует летчик Форостенко, продолжают завоевывать новые рекорды. Интересные полеты совершили Марина Чечнева, Анна Бодрягина. Владимир Марков на спортивном самолете пролетел 100 километров по замкнутому кругу за 12 минут 38 секунд, развив среднюю скорость 479 километров в час.

Яков Форостенко охотно делится своими планами на будущее, рассказывает о тренировках, о готовящихся ночных и слепых полетах, о предстоящих штурмах авиационных рекордов.

Но особенно оживленно говорит он о своих учениках, стремящихся овладеть вершинами сложного летного искусства.

Дм. ЛЮБИМОВ

Летчик Я. Форостенко.



Копия

Евг. СЕРГЕЕВ

Фельетон

Рисунки И. Семенова

В день открытия выставки Никита Саввич Лапшов очень волновался. Слоняясь из зала в зал, он нервно зевал, словно рыба, выброшенная на берег, и не узнавал знакомых. Ему почему-то казалось, что он выступил со слабой вещью, и теперь его не признают талантливым живописцем, каким в глубине души он сам себя считал.

А между тем картина его была хороша! Не мудрствуя лукаво, художник избрал простой, жизненный сюжет. Он изобразил рабочую семью в момент сборов на прогулку. Поток солнечных лучей заливает все полотно, в центре которого маленький зеленого цвета автомобиль. Владелец его — усатый жилистый человек в белой вышитой рубахе, с темным румянцем на щеках, — знак профессии сталевара или доменщика, — любовно протирает ветровое стекло. Жена — полная женщина в простом светлоголубом платье — ставит в машину корзинку с продуктами и рядом самовар. Дочурка-школьница с пышными бантами в белокурых косичках уже забралась на переднее сиденье и нетерпеливо поглядывает на брата. А тот, несмотря на свои девять лет, насупленный и важный, стучит ногой по покрышке, словно заправский шофер...

Уже через час после того как щелкнули ножницы и ленточка у входа распалась на две части, в книге отзывов появились первые теплые слова по адресу Лапшова. Его хвалили за правдивую тему и умело выбранный типаж, за любовное отношение к простому человеку и даже за отличное знание автомобиля. Короче говоря, это был триумф. Окончательно его закрепили репортеры и фотографы, плотно столпившиеся у полотна.

Художники от души поздравляли Лапшова с успехом и даже преподнесли ему вскладчину букет цветов. Жена Никиты Саввича шепнула ему, тая от восторга, что он безмерно талантлив, умен и даже красив, чего она давно уже не говорила. Муж растерянно улыбнулся, но возражать не стал.

Роль капли дегтя на этом празднике сыграл, как это ни странно, институтский учитель Лапшова, старенький художник Петр Петрович Уралов.

— Друг мой, — сказал он своим скрипучим голосом Никите Саввичу, — первый успех, он, брат, вроде первого теплого луча солнца в февральские морозы. Будут еще и холода, и метели, и слякоть. Не спеши в трусы наряжаться — загореть еще успеешь. Помни одно: талант — это труд и в юности и в старости, труд на всю жизнь.

«Хороший старикан, — подумал Лапшов, пожимая руку Уралова.— И учитель превосходный. Но только человек больно несовременный. Мастерская для него — храм, палитра — алтарь, Репин — бог Саваоф, а этюды — хлеб насущный. Нет уж, Петр Петрович, до старости мне далеко, а луч, если он зажегся, умный человек не упустит».

Вскоре о картине Лапшова хорошо отозвались газеты, жюри присудило художнику премию, полотно купила Галерея. Ленинградский музей заказал ему второй экземпляр картины и не поскупился при расчете. В короткий срок Лапшов стал обладателем крупной суммы, дающей ему возможность два—три года жить, ни в чем не нуждаясь, и творить во всю мощь своих способностей.

Так он и решил поступить. Правда, месяца три ушло уже на банкеты, пикники и иного рода возлияния. В шумной компании старых и главным образом новых друзей время пролетело незаметно. Но, думал он, никогда не поздно наверстать упущенное.

В одно, как говорится, прекрасное утро Никита Саввич освежился бутылкой пива и решительным шагом вошел в свою маленькую мастерскую. Смахнув с мольберта пыль, он поставил на него подрамник, вытащил из-под стола палитру и... задумался.

— Бедность, она, конечно, не порок, — сказал он про себя, — но и не украшение. Нет, работать в таких условиях решительно невозможно. Нужно все сменить



и создать подлинно творческую обстановку.

На другой день Лапшов с помощью дворника произвел большую реформу. Старый мольберт, палитра, кисти и даже краски были безжалостно выброшены на свалку. Теперь подрамник стоял на громоздком сооружении из красного дерева, палитра представляла собой комбинацию из плексигласса и серебряной рамки, а штабель кистей различных размеров и фасонов красноречиво говорил о контакте художника с известным частником. Судя по ценам, частник этот изготовлял свою продукцию из хвоста Жар-птицы.

К этому же времени горячо любящая жена преподнесла своему Никитушке роскошный бухарский халат, сверкающую всеми цветами радуги тюбетейку и чувяки, осыпанные голубым бисером.

— Вот теперь можно созидать, милочка моя! — воскликнул Никита Саввич, оглядывая себя в зеркале. — Сразу видно — художник с именем и со средствами!

Задумав продолжать тему первой картины, принесшей ему такой успех, Лапшов бегло набросал опушку леса, контуры «москвича», стоящего под могучей елью, и принялся было за фигуры людей, но в это время раздался стук в дверь.

— Простите, маэстро, — сказал человек неопределенного возраста в клетчатом пиджаке и голубых брюках. — Только катастрофа заставила меня потревожить вас в часы творческого штурма. Без вашей картины «На отдыхе» мы не имеем права открыть Дворец культуры шоферов. Сами понимаете, как созвучен этот сюжет душе водителя. И машина, так сказать, на ходу, и шофер-профессионал в то же время отдыхает. Короче говоря, нужна копия. Ваша цена?

Ошеломленный таким напором, художник неопределенно поше-



велил пальцами и, запинаясь, сказал: «Двадцать тысяч».

— Отлично! — воскликнул меценат в голубых брюках. — Двадцать, так двадцать — профсоюзная касса выдержит. Когда прикажете заехать?.. Через две недели?.. Привет, привет!

И заказчик как бы растаял... в воздухе.

Никита Саввич в раздумье поглядел на мольберт, разделил в уме двадцать тысяч на четырнадцать дней, нужных ему для изготовления копии, и решительно шагнул к мольберту.

Заказ был выполнен в срок. Энергичный представитель Дворца культуры шоферов получил холст и вручил художнику чек. И никто: ни Лапшов, ни его нежная супруга, ни щедрый заказчик — никто не подумал, что чек этот чем-то напоминал липкую бумагу для ловли мух.

Вскоре последовали вторая копия, третья... восьмая... двенадцатая... Стремясь быстрее удовлетворить заказчиков, Никита Саввич писал, как говорится, руками и ногами. Постепенно мастерская его превратилась в конвейер копий, дом — в антикварный магазин, а сберкнижка — в гроссбух крупного предприятия.

Время от времени художник говорил своим друзьям, что он задумал новую интереснейшую вещь, но сюжет ее, дескать, держит в тайне. Однако это были пустые и жалкие слова.

Изнемогая от непосильного и однообразного труда, Лапшов решил рационализировать производство и привлечь к нему свежие силы. Не без труда, но он все же нашел себе двух помощников. Один из них был когда-то приличным живописцем, но по причине пагубной страсти к хмельному сошел с круга. Другой же долго ходил в малярах и теперь делал, как он выражался, «творческую карьеру».

Работа пошла несравненно быстрее. Маляр, весело распевая, набрасывал смелыми мазками фон и раскрашивал «москвича», мрачный алкоголик торопливо писал фигуры.

Каждые два дня Лапшов заглядывал в мастерскую, делал свои замечания и если не очень спешил на футбол или в свой любимый ресторан «Шашлык», то клал два—три завершающих мазка и лихо расписывался в уголке холста, что свидетельствовало о принадлежности полотна кисти самого Лапшова.

Спустя год поток заказов начал вдруг иссякать. Почувствовав это, Никита Саввич подумал, что причина столь прискорбного явления — отсутствие настоящей, первоклассной мастерской. Вскоре, приведя в движение всех своих друзей и знакомых, он получил большое светлое помещение на одной из центральных улиц Москвы. Когда бронзовые люстры и бархатные портьеры были развешаны, а трюмо, диваны и кресла в стиле тещи Людовика XIV расставлены, Лапшов собственноручно прибил к дверям мастерской роскошную вывеску, повернул копии и пустые подрамники лицевой стороной к стенам и пригласил друзей на новоселье.

Налегая на водку и бутерброды, гости хвалили Никиту Саввича за размах и вкус к настоящему интерьеру. И один лишь Петр Петрович Уралов снова проявил свой скверный характер.

— Куда это я попал? — спросил он, переступив порог мастерской. — В парикмахерскую, что ли? Или ресторация открывается по первому разряду? А где новые работы многообещавшего живописца? В сейфе хранишь?

Лапшов, хотя и смутился, постарался превратить эти слова в шутку старого чудака.

Как-то Никита Саввич в числе группы художников выехал в Донбасс на открытие выставки самодеятельного искусства. Он любил такие поездки. Они давали ему возможность показать на периферии свои новые костюмы, блеснуть ораторским искусством и, при случае, взять заказ на очередную копию.

Когда мастера обошли размещенную в фойе Дворца культуры выставку и вынесли свои приговоры, которые утверждал или отклонял руководитель бригады, тот же Петр Петрович Уралов, директор Дворца культуры пригласил дорогих гостей в столовую «заморить червячка».

Художники шли по длинному коридору. Лапшов, злой на Уралова (старик сегодня дважды его одернул и высмеял за резкие и несправедливые оценки работ самоучек), размышлял над тем, как бы отомстить этому мухомору. Вдруг он издалека заметил на стене полотно со знакомым сюжетом. Да, это была его картина. Но как ее изуродовал какой-то местный мазилка! Владелец машины был уже одет не в вышитую рубашку, а в скверно скроенный шахтерский китель, на щеках его вместо румянца лежали грязно-желтые пятна, лицо жены как бы перекосила страшная зубная боль, сынишка стоял на одной ноге, а вторая совершенно сливалась со стеной здания.

— Вот, извольте, — обрадовался и засуетился Никита Саввич, — таковы плоды преждевременных и безудержных похвал. Взяли отличную работу, заказали копию какому-то самодеятелю и превратили чорт знает во что!

— В самом деле издевательство, — согласился Петр Петрович, опуская очки со лба на нос и подходя вплотную к полотну.— Я бы за такую халтуру под суд отдал. И как не стыдно вешать подобную пакость в таком замечательном Дворце!

— Но... э, — замялся и покраснел директор Дворца культуры.

— Вижу, — сурово сказал Уралов. — Подпись на картине Лапшова. Это его копия. Способный был художник, а вот до чего докатился из-за лени и жадности. Стыжусь такого ученика. Да-с!

Заверните-ка, товарищ директор, этот «шедевр» в рогожку и вручите автору. А деньги, полученные от вас, он вам по почте переведет.

В столовой кушали молча и без должного аппетита. Один прибор пустовал.





М-Р ПЛЮМПЛЮМ ИЗ ЧИКАГО

Дарваш СИЛАРД

Почти быль

Кто не знает мистера Плюмплюм из Чикаго, владельца военных заводов! Он сделал свои доллары на военных поставках — за две мировые войны стал миллиардером. За свою сорокалетнюю деятельность он имел дела со множеством людей. Его заказчиками были император Вильгельм, английский король, президент Франции, Гитлер, Франко, главный крупье Монако и многие другие.

Плюмплюм никого не обижал; даже тогда, когда его собственная страна была вовлечена в войну, он все же снабжал ее различными видами смертоносного оружия, несмотря на то, что это было менее прибыльно, чем военные поставки врагу.

Он был так влюблен в свою профессию, что когда — в конце второй мировой войны — узнал о наступлении мира, то сошел с ума. Он не мог переварить мысли, что, может быть, придется ждать опять двадцать лет, пока наступит следующая война и его заводы снова начнут работать на полную мощность. Когда ему сказали, что некоторые из его коллег перевели предприятия на мирную продукцию, то мистер Плюмплюм растерянно огляделся по сторонам и подал ближайшему нищему два цента — тут уж сразу всем стало ясно, что он свихнулся.

Вскоре его отвезли в одно закрытое лечебное заведение. Там выяснилось, что его преследует мания «атомизма»: он убедил себя, что он не Плюмплюм, а атомная бомба, и часто бросался на землю. Санитары смеялись вовсю и заставляли его прыгать как можно выше, чтобы он смог произвести как можно больше разрушений. Одновременно Плюмплюм писал книгу «Как мы боремся против мира», которую он начинал с обращения к Трумэну.

Врачи испробовали много средств, но все их усилия были тщетны. Как-то один профессор решил испытать новое средство: внезапную радость. Предполагалось, что это средство может сделать чудеса.

— Мистер Плюмплюм! — сказал профессор торжественно.— Я должен обрадовать вас: вспыхнула третья мировая война! Начинаются убийства и уничтожения!

Плюмплюм покосился на профессора.

— А сколько она будет продолжаться? — спросил он.

— Сколько? — растерялся профессор.— Долго, наверное... Лет пять!

— Благодарю,— прервал его мистер Плюмплюм.— Мне это не подходит! Я мелочами не занимаюсь! Только развернешь работу, а тут опять перемирие! Благодарю вас, я и так уже пережил два мира на своем веку, непонятно, как жив остался!

Но с этого времени мистер Плюмплюм резко изменил свое поведение. Он больше не бросался на землю, а начал произносить речи, призывая других сумасшедших к войне, провозглашая единственной формой существования непрерывную войну и убийство мирного населения.

Конечно, вскоре после этого его выпустили из сумасшедшего дома, как вполне вылечившегося, но он продолжал и на свободе свою агитационную деятельность. А так как в последнее время в Америке развелось много подобных больных, то мистера Плюмплюма в высших сферах считают вполне нормальным.

Перевод с венгерского
Александра Гершковича



Один из снимков бегущего по степи стада сайгаков, сделанный с самолета.

СЛЕДОПЫТЫ НА САМОЛЕТАХ

Десятки не совсем обычных экспедиций отправились в таежные дебри Дальнего Востока, Сибири, Урала и северных областей, в привольные охотничьи угодья низовий Волги. В составе экспедиции охотоведы-биологи, ботаники и в качестве непременных участников лучшие местные охотники-следопыты.

Пробираясь в лесную глушь, в тростниковые чащи плавней, охотоведы определяют количество и виды водящихся здесь диких зверей и птиц. Для непосвященных это неразрешимая задача. Почти неприметные отпечатки на местах водопоев, следы ночевок, остатки трапез и десятки других признаков раскрывают искушенному взору картину жизни обитателей лесов и степей.

Так постепенно составляется своего рода грандиозная «адресная книга» всех обитателей охотничьих угодий 67 областей, краев и республик РСФСР. Учет этот ведет Главное управление по делам охотничьего хозяйства при Совете Министров РСФСР.

Знание естественных запасов дичи позволяет правильно организовать охотничий промысел. На основании полученных экспедициями сведений устанавливаются ежегодные нормы отстрела и добычи зверей и птиц без ущерба для их дальнейшего воспроизводства, запрещается охота на отдельные виды дичи. В первую очередь изучаются естественные запасы соболя, куницы, выдры, уссурийского енота, лося и других ценных диких животных.

Другие экспедиции исследуют места, пригодные для выпуска и расселения в охотничьих угодиях таких зверей и птиц, которые либо никогда раньше в них не водились либо давно истреблены. Ботаники ведут определение кормовых запасов в районах охотничьих промыслов. По следам экспедиций в новые места обитания завозятся и выпускаются бобры, соболя, косули, белки-телеутки, белые куропатки, фазаны и десятки других видов зверей и птиц.

Просторы нашей страны столь необъятны, столь богат и разнообразен ее животный мир, что походы каждой экспедиции длятся многие месяцы. На помощь следопытам приходит современная техника. При подыскании новых мест для расселения бобра охотовед К. Ястребов разведал с самолета притоки реки Тобола.

Успешно был проведен с помощью самолетов единовременный учет степных антилоп-сайгаков. Некогда они водились в большинстве европейских стран, но к концу прошлого столетия были там полностью уничтожены. В СССР сайгаки сохранились в Средней Азии, Казахстане, в низовьях Волги и на Северном Кавказе. Охота на них в европейской части страны запрещена.

Учесть поголовье сайгаков обычными способами было невозможно. Легконогие антилопы пугливы и способны за день пробегать десятки километров.

И вот недавно в Сталинградской, Грозненской, Астраханской областях и в Ставропольском крае в воздух одновременно поднялись самолеты, на борту которых находились фотографы и наблюдатели-учетчики. По заранее намеченным маршрутам воздушные экспедиции пересекали во многих направлениях степи, где кочуют сайгаки. Все встреченные табуны животных с воздуха фотографировались и пересчитывались.

Так в один день была исследована огромная территория в несколько сот тысяч квадратных километров.

Результаты превзошли все ожидания. От точного глаза фотообъектива не укрылись даже такие обитатели степей, как стрепеты, дрофы, лисы. В некоторых местах были обнаружены стада сайгаков до тысячи и более голов. Общее же количество этих антилоп оказалось гораздо более значительным, чем предполагалось.

На основании обследования намечено начать плановый отстрел сайгаков.

В нынешнюю зиму предположено организовать такие же воздушные экспедиции для единовременного учета другого замечательного животного, лося. Зимой лоси находятся в чернолесье. Среди обнаженных от листвы деревьев лосей будет легко обнаружить с воздуха.

П. РОГОЗИНСКИЙ

Польский юмор

(Из журнала «Шпильки»)

АМЕРИКАНСКИЕ РЕКОРДЫ

Строительство в Америке побивает рекорды: по сообщениям печати, в ближайшее время начнется возведение величайшего в мире моста, под которым смогут одновременно ночевать сто тысяч безработных.

В ПАРИЖЕ

— Вы просите руки моей дочери?

— Да, мсье.

— А кто вы по профессии?

— Я министр.

— Моя дочь выйдет только за человека с постоянной профессией.

КОМУ СУЖДЕНО БЫТЬ ПОВЕШЕННЫМ, ТОТ НЕ УТОНЕТ

— Почему выпустили на свободу военных преступников в Западной Германии?

— А как же иначе: тот, кто сидит, не может стоять... во главе западногерманского правительства.

КТО ИГРАЕТ В ВОДОРОДНУЮ БОМБУ

В психиатрической лечебнице штата Огайо двое пациентов играют в загадки.

ПЕРВЫЙ (зажав кулак). Что в нем?

ВТОРОЙ. Водородная бомба!

ПЕРВЫЙ (разжимая пустой кулак). Э-э, я так не играю, ты подглядел государственную тайну!

НЕРАЗРЕШИМОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ

На совещании у американского посла в Париже группа политиков. Идет обсуждение состава будущего правительства. Один из присутствующих говорит:

— Французы хотят видеть в своем правительстве подлинных патриотов, истинных французов!

— Мы никогда не допустим во Франции коммунистического правительства! — возмущается посол.

БЛЕСТЯЩАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Лейбористский министр объясняет безработному:

— Благодаря реализации хозяйственной программы нашей партии ваши заработки возрастут в продолжение десяти лет в три раза. Сколько вы сейчас зарабатываете?

— Ни пенса.

— Вот видите! А через десять лет вы будете получать в три раза больше!

СТРАННЫЕ ЛЮДИ

Когда Ачесон узнал о требовании болгарского правительства отозвать из Софии американского посла, он сказал:

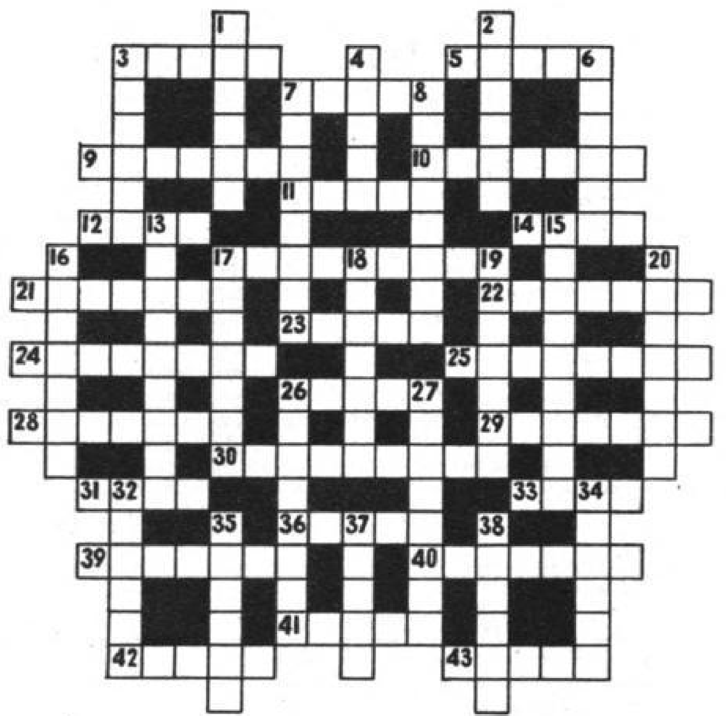
— Странные люди эти болгары: сами шпионажем не занимаются и другим не дают...

АМЕРИКАНСКОЕ ВЛИЯНИЕ

— Зачем этому американскому бизнесмену из Иллинойса понадобилось заявить свои права на луну?

— Американцы хотят распространить свое влияние на всех земных лунатиков!

КРОССВОРД



По горизонтали:

3. Птица. 5. Решение, мнение, высказанное голосованием. 7. Род плаща или накидки. 9. Приспособление в двигателях, служащее для пуска их в ход. 10. Приток Волги. 11. Посуда для вина. 12. Лесной пушной зверь. 14. Завеса тумана, пыли. 17. Небольшой лесной участок, отделенный от леса поляной лужайкой. 21. Сумчатое австралийское животное. 22. Искусный гимнаст. 23. Сорт кирпича. 24. Однозарядная винтовка. 25. Краткое изложение существенного содержания. 26. Режущая часть машины, инструмента. 28. Русский исследователь Малой Азии. 29. Форма кооперирования крестьянских хозяйств. 30. Временный перерыв, прекращение. 31. Международный договор. 33. Яйцевидное очертание. 36. Вращающаяся часть в электромашинах и турбинах. 39. Город в Грузинской ССР. 40. Великий русский полководец. 41. Сорт яблок. 42. Драгоценный камень. 43. Большое повествовательное произведение.

По вертикали:

1. Название высших законодательных учреждений, из которых состоит Верховный Совет СССР. 2. Очертания предмета. 3. Струя жидкости, с силой выбрасываемая вверх под действием давления. 4. Название ледокола. 6. Химически простое тело или сплав. 7. Кустарниковое растение. 8. Плод. 13. Растение. 15. Народный художник СССР. 16. Математическое действие. 17. Село под Ленинградом, близ которого находится крупнейшая в Советском Союзе астрономическая обсерватория. 18. Тип автомобиля с закрытым кузовом. 19. Город, в районе которого, на Днепре, будет построена мощная гидроэлектростанция. 20. Горный хребет в Европе. 26. Теория ораторского искусства. 27. Сорт шерстяной материи. 32. Курорт в Крыму. 34. Великий армянский писатель. 35. Звуковой или зрительный условный знак. 37. Контрольный документ. 38. Крупный русский художественный критик, историк искусства.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

По горизонтали:

2. Совок. 7. Адрес. 11. Тост. 12. «Орленок». 13. Плащ. 14. Диалектика. 15. Смирницкая. 18. Масса. 19. География. 20. «Садко». 23. Андижан. 27. Лилипут. 29. Ленский. 30. Якутия. 31. Мольер. 35. Нахимов. 36. Базаров. 37. Черника. 41. Котов. 42. Гарнитура. 43. Терек. 46. Антибиотик. 49. Узбекистан. 51. Очки. 52. Комбайн. 53. Ишим. 54. Верба. 55. Алтай.

По вертикали:

1. Гори. 2. Стилистика. 3. Вятка. 4. Корифей. 5. Ялта. 6. Анис. 7. Акрихин. 8. Ровно. 9. Специалист. 10. Сага. 14. Дамба. 16. Яхонт. 17. Прииск. 21. Каракулов. 22. Диспетчер. 24. Наталка. 25. Левитан. 26. Тихонов. 28. Ударник. 32. Диапозитив. 33. Шишкин. 34. Дунаевский. 36. Букса. 38. Аркан. 39. Мастика. 40. Трибуна. 44. Шифер. 45. Экзот. 47. Ночь. 48. Кемь. 49. Удар. 50. Ария.

НЕ ПО КАРМАНУ

Некий итальянец приехал по делам в Рим. Он отправился в министерство и попросил одного из чиновников дать ему возможность поговорить с ним с глазу на глаз. Посетитель намеревался вознаградить его за услугу, которую чиновник должен был ему оказать.

— Очень сожалею,— ответил чиновник,— но это такое серьезное дело, решить которое может один только министр.

— Но у меня нет таких денег!— воскликнул взволнованный посетитель.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ. Редакционная коллегия: А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, К. В. СМИРНОВ, А. Н. СТУДИТСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова

А — 09701. Подписано к печати 6/XII 1950 г. Изд. № 696. 5½ печ. л. Тираж 406 000. Заказ 2821. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.



Мастер спорта СССР Андрей Александрович Чучелов (спортивное общество «Калев») — один из сильнейших буеристов Эстонии.
Фото А. Моклецова

Цена номера 3 руб.